

МИР ЕВРАЗИИ

Научный журнал. Издаётся с мая 2008 г. Выходит один раз в три месяца

2013. № 2(21) Апрель-июнь

ISSN 2308-0396

Главный редактор
Н. С. МОДОРОВ — доктор исторических наук, профессор, академик РАГН (г. Горно-Алтайск)

Первый зам. главного редактора
В. Г. БАБИН — кандидат исторических наук, ректор ГАГУ (г. Горно-Алтайск)

УЧРЕДИТЕЛЬ ЖУРНАЛА
Горно-Алтайский государственный университет

НАУЧНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ю. В. ТАБАКАЕВ (председатель совета) — доктор философских наук, профессор, академик РАЕН (г. Горно-Алтайск)

А. Н. АЛЕКСЕЕВ — доктор исторических наук, профессор (г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан)

В. Г. ДАЦЫШЕН — доктор исторических наук, профессор (г. Красноярск)

Н. Ф. ИВАНЦОВА — доктор исторических наук, профессор (г. Москва)

А. Б. КАМЕНСКИЙ — доктор исторических наук, профессор (г. Москва)

О. ЛХАГВА — доктор исторических наук, профессор (г. Улан-Батор)

А. И. МАРТЫНОВ — доктор исторических наук, профессор, академик РАЕН (г. Кемерово)

В. Я. РУШАНИН — доктор исторических наук, профессор (г. Челябинск)

Л. И. ШЕРСТОВА — доктор исторических наук, профессор (г. Томск)

М. В. ШИЛОВСКИЙ — доктор исторических наук, профессор (г. Новосибирск)

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

М. И. ПАКЛИН (зам. главного редактора) кандидат исторических наук, доцент (г. Горно-Алтайск)

А. П. АДЛЫКОВА — кандидат исторических наук (г. Горно-Алтайск)

О. М. ГАНБОЛД — профессор (г. Ховд, Монголия)

Э. П. ДВОРНИКОВ — кандидат исторических наук (г. Горно-Алтайск)

Д. М. КАРАЧАКОВ — доктор исторических наук, профессор (г. Абакан)

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1, Университет, редколлегия журнала «Мир Евразии»
Тел.: 8 (388-22) 2-62-33
Факс: 8 (388-22) 2-67-35
e-mail: mns@gasu.ru; mirevrazii@mail.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций (Россвязьнадзор) Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-36173 от 06.03.2009

Электронная версия журнала представлена на сайте Научной электронной библиотеки (индекс научного цитирования): <http://www.elibrary.ru>

© Горно-Алтайский государственный университет, 2008-2013

Содержание

Алейников М. В., Боровиков И. Е. Русское население Казахстана: социально-демографические трансформации (90-е г. XX века)	2
Бутанаев В. Я. Сведения источников об этнической территории и языке кыргызов древнетюркской эпохи	8
Васина И. И. С печатью войны на сердце	12
Гиренок С. Н. Стратегическая оборонная концепция советской экономики. реконструкция государственной и военной системы управления СССР в начальный период Великой Отечественной войны	14
Гиренок С. Н., Мезенцев Р. В. Движение русского государства к тихому океану и процесс конфессионально-экономического освоения Сибири. Торговые пути сообщения с центром (XVI—XIX вв.)	17
Дацышен В. Г. Изучение истории Центральной и Восточной Азии в Санкт-Петербургской академии наук в XVIII — первой половине XIX вв.	21
Дацышен В. Г., Модоров Н. С. Расширение Маньчжурского государства в первой трети XVII в. Маньчжуро-корейская война 1636-1637 гг.	26
Дворников Э. П. Погребально-поминальная обрядность как источник по реконструкции культур номадов Горного Алтая	37
Иванцова Н. Ф. Власть и западносибирское крестьянство в 1917 г.	40
Курусканова Н. П. Барнаульские эсеры: страницы истории	45
Ложкина Н. Н. К вопросу об историографии истории социального развития Горного Алтая в 1965—1985 гг.	50
Модоров Н. С. Отмена крепостного права в России и «преобразование» Алтая	54
Рыбаков С. В. К вопросу о смысле понятия слова «интеллигенция»	60
Селиверстов С. В. Взгляды евразийцев на «общественное устройство» многонациональных государственных образований	64
Татаркина А. Р. Миграции и социальный состав городского населения Южного Урала в конце XIX — начале XX веков	69
Чедурова Е. М. Временное правительство и кооперативное движение в России	71
Шекшеев А. П. Заложничество как метод борьбы советской власти с крестьянским повстанчеством на юге Приенисейской Сибири в 1922 г. ...	75
Рецензия	77
Информация	77

Представленные в журнал статьи публикуются после рецензирования и при оформлении их в соответствии с требованиями редакции. При перепечатке или цитировании материалов из журнала «Мир Евразии» ссылка обязательна. В статьях сохранен авторский стиль. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы материалов.

Подписано в печать 20.05.2013.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 11,57. Уч-изд. л.11,55. Тираж 300 экз.
Заказ №

Отпечатано в типографии Горно-Алтайского университета.
649000, Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1.

УДК 94

*М. В. Алейников. И. Е. Боровиков***РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ КАЗАХСТАНА: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ (90-е г XX века)**

В статье, на основе опубликованных казахстанских и российских источников, рассматриваются изменения в демографической и социальной структуре русского населения суверенного Казахстана в 1990-е годы. Выявляются причины миграционного оттока русских из Казахстана в Россию. Подвергая критической оценке национальную политику казахстанского руководства, авторы ставят вопрос о перспективах сохранения и развития в Казахстане русской диаспоры.

национальная политика, казахизация, межэтнические отношения, эмиграция, репатриация, Центральная Азия, казахский язык, титульная нация, этническая дискриминация, социальный статус, демографическая характеристика

Специфика Казахстана по сравнению с другими странами Центральной Азии связана с особой многочисленностью русского и славянского населения, с исторической «русскостью» ареалов его проживания. Из 9,5 миллионов русских, проживавших в пяти республиках Центральной Азии к началу 1990-х гг. (37% русских находящихся вне России), 6 миллионов приходилось на Казахстан (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). Эта этническая группа занимала второе место после Украины (11 млн. в 1989 г.) по абсолютным размерам, но первое место по доле в общей численности населения: 37,8% в Казахстане и всего 13% на Украине. В других государствах региона эти цифры по состоянию на 1989 г. были значительно ниже: 21,5% в Киргизии; 7,6% — в Таджикистане; 8,4% — в Узбекистане и 9,5% — в Туркмении [1]. Русские в других республиках Центральной Азии всегда осознавали себя меньшинством в этнокультурно чуждом окружении, тогда как многие русские, а также украинцы и белорусы Казахстана ощущали себя «дома», на земле, являющейся территориальным продолжением России. Они считают себя не «колонизаторами» и «поработителями», а тружениками, внесшими огромный вклад в хозяйственное и культурное освоение Казахстана.

Последний воспринимается ими не как захваченная в прошлом страна, а как обширная и малозаселённая территория, занятая в ходе присоединения Сибири. Хотя часть современного Казахстана была реально подчинена России только во второй половине XIX в. (1854 г. — заложена крепость Верный, будущая Алма-Ата; 1867 г. — основано Семиреченское казачье войско), такие регионы, как Урал, северные и северо-восточные области Казахстана и Алтай, отмеченные присутствием русских с XVII—XVIII вв., они считают своим наиболее ценным историческим наследием. Славяне Казахстана долгое время считали себя культурно ближе стоящими к России, Украине и Белоруссии, чем к «настоящей» Центральной Азии.

Распад СССР в 1991 г. представляет собой крупнейшую геополитическую катастрофу XX века, которая принесла много бед и страданий его народам. Около 50 млн. советских людей оказались за пределами своих «этнических родин». Около 30 млн. русских проживали в то время вне

России, что составляло четвертую часть от 120 млн. русских россиян. Таким образом, в одночасье русские стали крупнейшим разделённым народом в мире [2]. Казахстанские русские стали народом, разделённым несправедливо и неразумно проведёнными границами в пределах бывшего СССР. Независимость Казахстана, а затем массовая эмиграция переживалась ими особенно остро, по сравнению с остальными странами центральноазиатского региона. Некоторые исследователи полагают, что применять по отношению к казахстанским русским термин «диаспора» не совсем корректно. Этимологически понятие «диаспора» означает «рассеяние». Диаспора обычно не располагается на своей исторической территории, а русские Казахстана (особенно северного) как раз там и живут и считают себя автохтонами. Они не «рассеивались», не покидали своё государство. Наоборот, последнее оставило их на произвол судьбы за своими границами [3]. Казахи же воспринимают русских именно как славянское меньшинство в своём государстве, как диаспору. Их политическая элита не желает признать за русскими статус государственнообразующей нации. Сложной была и остаётся ситуация с русским языком. Его многолетнее доминирование во всех сферах жизни позволяло не учить казахский (по переписи 1989 г., последний знали меньше 1% русских). К резким изменениям в годы независимости большинство русскоязычного населения оказалось неготовым. По переписи 1999 г., казахским языком овладели 15% русских (на селе несколько больше, в городе — меньше), 13% украинцев и 10% белорусов и поляков, напротив, русским языком владели 75% казахов и практически все славяне [4]. Русский язык не получил статус второго государственного. В настоящее время требовать государственного билингвизма уже бессмысленно. Казахизация (т.е. политика, направленная на обеспечение доминирования титульной нации во всех сферах общественной жизни) в долгосрочной перспективе неизбежна, так как доля славян в населении страны постоянно сокращается.

Значимость «русского вопроса» в Казахстане в 1990-е гг. объясняется не только численностью тамошних русских (к моменту распада СССР из 16,4 млн. человек 7 млн. являлись казахами и 6 млн. — русскими). Подавляющее большинство

русских (66%) там родились, многие были жителями Казахстана уже не в первом поколении, 33% к моменту распада СССР проживали в Казахской ССР более 20 лет [5].

Судьба соотечественников в 1990-е гг. не волновала Москву. Новые российские элиты боролись за власть, делили собственность. Руководство России прежде всего было озабочено сохранением добрых отношений с Н.А. Назарбаевым, который стремился получить как можно больше выгоды от сотрудничества со своим северным соседом. Власти Казахстана подавляли любую оппозицию, обеспечивая монополию на власть президенту Н.А. Назарбаеву. Не допускались любые формы политического выражения национальных требований со стороны русских движений и объединений. Их лидеры испытывали сильное давление, а нередко подвергались арестам. Поощрялся и провоцировался раскол между славянскими организациями (например, русскими и украинскими). В первые годы после распада СССР российский МИД под руководством А. Козырева всячески уклонялся от открытой защиты русских ближнего зарубежья. Политика РФ со странами СНГ шла по линии дистанцирования. С 1996 г. она сменилась на противоположную. Новый министр иностранных дел Е. М. Примаков заявил, что отношения со странами СНГ являются главным приоритетом внешней политики России. Однако для защиты прав соотечественников по-прежнему ничего существенного не предпринималось. Центральная Азия сохраняла важность для России только с точки зрения экономических и геополитических соображений. Поэтому российские СМИ и политики писали и говорили о положении здешних русских гораздо меньше, чем о ситуации вокруг них в Закавказье, на Украине и в странах Балтии. Вспоминается визит в Казахстан в 1996 г. Е.М. Примакова, во время которого он отказался встретиться с представителями русских объединений, заявив, что в стране не существует «русского вопроса» [5].

Власти Казахстана проводят хитрую и двойственную политику: с одной стороны, они хотят избежать русско-казахского противостояния, которое бы дестабилизировало страну, но с другой — разыгрывают карту энергичной и долговременной казахизации. Инструментом государственной политики в сфере межэтнических отношений стала Ассамблея народов Казахстана (АНК), созданная по инициативе Н. А. Назарбаева 1 марта 1995 г. (Н. А. Назарбаев является её пожизненным председателем). Контролируемая властями деятельность АНК призвана «утопить» национальные проблемы в фольклорном и аполитичном их видении. Национальная структура казахстанского общества отражена в этом органе непропорционально. АНК, по сохранившейся советской традиции, нередко пафосно называют «лабораторией дружбы народов». Одна из её функций заключается в воплощении в жизнь евразийской идеологии, придуманной Н. А. Назарбаевым. Однако к концу 1990-х гг. русские объединения осознали, что режим узурпировал евразийскую тему, эта идеология превратилась в «деревянный» язык

официальной власти, которая на самом деле поддерживает казахизацию страны и старается ослабить русскую идентичность [5]. Ситуация вокруг АНК позволяет лучше понять особенности положения русских по сравнению с другими этническими группами: если последние требуют и добиваются прав культурного и языкового характера, то русские радикальные активисты настаивают на политических и социальных уступках, которые им не предоставляются. Отказ русских объединений от чисто фольклорных интерпретаций национальных чувств создаёт определённые трудности в их отношениях с другими меньшинствами, особенно славянскими, часто довольными своим положением. Власти Казахстана осуществляют инструментализацию украинских элит в открыто русофобских целях [6]. Создание особых украинских и белорусских объединений является уловкой властей, заинтересованных в расколе единого славянского движения. Таким образом, русское население Казахстана является жертвой прагматизма двух соседних государств. Сепаратистский сценарий (отделение ряда территорий от Казахстана и присоединение их к России) не состоялся по причине слабости и разобщённости радикальных русских движений, но в решающей мере из-за осознания того, что на помощь Москвы рассчитывать нельзя. Впрочем, в случае его реализации последствия могли бы быть самыми ужасными. Да, многие славяне Казахстана хотели бы изменить неустраивающие их границы, но они не были готовы проливать свою кровь ради этого. Позиция же правящих кругов России по отношению к соотечественникам в Казахстане и других постсоветских государствах вызывает разочарование. Это касается и миграционной политики РФ.

Положение славянского населения Казахстана характеризуют данные переписи 1999 г. Она зафиксировала проживание 4 млн. 480 тыс. русских, 547 тыс. украинцев, 112 тыс. белорусов и 47 тыс. поляков [7]. Таким образом, за 1989-1999 гг. численность русских уменьшилась на 26% (По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. в Казахстане проживало 6 млн. русских), украинцев — на 38%, белорусов — на 37%, поляков — на 20%. И напротив, численность и удельный вес казахов выросли из-за значительно большего коэффициента рождаемости и меньшего смертности, чем у славянских этносов. Сыграла свою роль и инициированная властями репатриация этнических казахов из-за рубежа (Монголии, Афганистана и др. стран). Во всех областях республики были созданы государственные иммиграционные фонды, чтобы организовать переезд и содействовать интеграции переселенцев. Кроме того, проводилась политика привлечения «южных» казахов в города севера (в которых славяне составляли в конце 1980-х гг. 70-80% населения). Делалось многое для того, чтобы максимально увеличить долю казахов в общей численности населения. У казахов показатель естественного прироста за 1989—1999 гг. был положительным и составлял +10,7 промиле, у русских же отрицательным — -5,1; у украинцев даже — -11,6 [7].

В статье казахстанского историка З.Кинятулы, напечатанной в газете «Казак тили» 8 декабря 1995 г., отмечалось, что число казахов в Казахстане должно достичь 60%, тогда страна станет действительно независимой. Демограф М. Татинов, бывший сотрудник президентской администрации, а позднее ректор университета заявил следующее: «Было бы хорошо, если бы русских в Казахстане осталось не более одного миллиона, чтобы они не могли больше оказывать демографическое давление, навязывать свой язык и не подавляли бы казахскую культуру, как делали это раньше» [8]. В 1991 г. Казахстан оказался единственным постсоветским государством, в котором титульная нация не составляла большинства населения. Казахам удалось стать большинством только к концу 1990-х гг. Согласно переписи 1999 г. численность казахов составила 53% населения республики [5]. В период между переписями 1989 и 1999 гг. число казахов в стране увеличилось на 22,9%, а в городах — на 45%.

За это же время численность русских в городах уменьшилась на 1,2 млн. человек, а в сельской местности — на 300 тыс. человек [5]. Сейчас в Казахстане две трети молодых людей в возрасте до 30 лет являются казахами [5]. Более высокая рождаемость среди последних, а также массовая миграция русских и других славян репродуктивного возраста из Казахстана (её «пик» был зарегистрирован в 1994 г. — около 0,5 млн. человек) фактически запрограммировали изменение национальной структуры населения в пользу титульной нации.

К концу 1990-х гг. на юге и западе Казахстана почти не осталось славян: в Кызыл-Ординской области, например, 94% казахов и всего 2,9% русских; в Атырауской, соответственно, 89 и 8,6%. В других областях снижение доли русских не столь масштабно, но всё же далеко от минимальных цифр: на 10% их стало меньше в Алма-Атинской области, на 17% — в Мангистауской, на 14% — в Астане и на 12% — в Алма-Ате. Из восточных областей (если верить официальным данным) уехало 6% русских; по 3% — из Карагандинской, Павлодарской и Северо-Казахстанской областей [9]. Русские составляли в 1990-е гг. около 60% эмигрантов, немцы — почти 20%, украинцы — 10% [10]. Перепись 1999 г. показала повсеместное уменьшение численности славянского населения в Казахстане. При этом в самом крупном городе страны, в Алма-Ате, русские в 1999 г. ещё составляли 45% граждан, а в Астане же их удельный вес упал по сравнению с 1989 г. с 54 до 41% [11]. По данным газеты «Лад», за десять лет Акмолинская область потеряла 122 тыс. человек (24% жителей), Северо-Казахстанская — 186 тыс. (20%), Карагандинская — 335 тыс. (19%). Кварталы в больших городах (не говоря уже о посёлках городского типа и деревнях), например в Павлодаре, полностью опустели. Шахтёрские города — спутники Караганды также совершенно заброшены. Кокчетав за десять лет лишился около трети населения (40 тыс. человек) [12].

Казахстан лишился за межпереписной период (с 1989 по 1999 гг.) более 1,5 млн. своих

жителей, что составило 10% населения. Численность населения сократилась с 16,4 до 14,9 млн. человек. Казахстан стал главной страной — экспортёром русских. Количество их за десять лет сократилось с 6 до 4,5 млн. человек, а доля в населении уменьшилась с 40 до 30% [5]. Потеря большого количества трудоспособного населения, квалифицированной рабочей силы, интеллигенции вызвало экономические трудности в независимом Казахстане. Именно образованные, инициативные и трудолюбивые люди составили в 1990-е гг. львиную долю переселенцев из Казахстана. Опустевшие ниши заполнялись собственными кадрами, не всегда компетентными, но зато представляющих титульную нацию.

Факты этнической дискриминации официально не признаются. Наоборот, русские, по высказываниям властей, сами виноваты в том, что уезжают, поскольку не могут примириться со снижением своего социального статуса; только «имперское мышление» заставляет их отвергать происходящие перемены и толкает на изгнание. Эмиграцию часто оценивают как «естественный процесс», обусловленный либерализацией во всех сферах жизни общества и гарантированным законодательством РК правом выбирать место проживания. Казахские аналитики часто делают акцент на экономических мотивах миграционных движений. В то же время многие российские и некоторые казахские исследователи утверждают, что причины массовых переселений — не экономические (большинство выехавших при желании могли получить работу в Казахстане, и, наоборот, в России они часто сталкивались с серьёзными трудностями выживания). Высказывалось мнение, что основным побуждением к миграции являлось ощущение «угрозы этнической идентичности». По опросам, проведённым в первой половине 1990-х гг., экономические мотивы выезда занимали по значимости лишь третье место, после «бытового национализма» и отбечаемой, но подтверждающей наш тезис формулировки «опасность для себя и своей семьи» [5].

Хотя большинство русских считали своё положение в 1990-х и трудным, они были готовы с этим мириться, но одним из главных мотивов эмиграции оставалось беспокойство за будущее новых поколений. По данным социологического исследования 2001 г., более трети респондентов полагают, что отсутствие перспектив интеграции их детей является основной причиной «возвращения» в Россию [13].

Изменение статуса в условиях независимого Казахстана, отсутствие перспектив у молодёжи, бытовой национализм, тревоги относительно дискриминации на работе, ухудшение доступа к русской и славянской культуре, сужение возможностей получить качественное образование на русском языке, тяжёлый экономический кризис после распада СССР — весь комплекс экономических, социально-психологических и политических причин обусловил массовый отъезд славянского населения. Миграция продолжается и сегодня, но она значительно сократилась. Большинство тех, кто хотел и мог покинуть страну, уже уехали. Остаю-

щиеся же, чаще всего были людьми пожилыми, малоквалифицированными или деградировавшими. Миграции русских в Россию стали одним из долгосрочных факторов демографических и экономических сдвигов как в Казахстане, так и в России. Одновременно происходит старение славянского населения. В 1999 г. удельный вес детей до 9 лет среди славян составлял 8-12%, тогда как у казахов — 22%. Лица старше 60 лет соответственно у славян составляли 17-25%, а у казахов — 6%. У славян старики чаще жили в городе, а у казахов — на селе [14].

К 2001 г. в Казахстане осложнилась ситуация на рынке труда. За прошедшее десятилетие экономически активное население уменьшилось на 8%, численность безработных выросла до 1 млн. человек из-за снижения занятости во всех сферах народного хозяйства. Среди занятого сельского населения удельный вес русских составил 16%, украинцев — 4%, белорусов и поляков — меньше 1%. Сокращение занятости на селе привело к дальнейшему оттоку в города. По переписи 1999 г. среди занятого городского населения удельный вес русских достигал 43%, украинцев — 5%, белорусов и поляков — меньше 1%, а у казахов — 41%. При этом в Астане тот же показатель у славян выше, чем у казахов. В Алма-Ате лидировали русские, затем шли казахи [15]. Славяне доминировали по уровню занятости на севере республики — 35% (в том числе русские — 32%) против 14% у казахов. В центральных областях — соответственно 15% против 7%, на востоке — 14% против 10%. Напротив, в Западном Казахстане имело место обратное соотношение — 8% против 18%. На юге же показатель занятости у казахов был в 3,2 раза выше, чем у славян [15]. Русские составляли основной костяк квалифицированных работников промышленности, строительства, транспорта, связи, геологии — свыше 16% против 7% у казахов. Это преобладание определялось городским образом жизни и высокой квалификацией славян. В сельском же хозяйстве казахов было 24%, русских — 7%, украинцев — 9%. Значителен был вес славян среди научной и технической интеллигенции республики [15].

Политика активной казахизации проявляется в самых разных областях: особый статус казахов среди граждан Казахстана («государственно-образующая нация»); «огосударствление» титульного языка в ущерб русскому; деградация высшего и среднего образования; сокращение русскоязычного культурного и информационного пространства; вытеснение русских их экономических, политических и управленческих структур и из общественной жизни в целом. Казахстанские СМИ находятся в эпицентре казахизации власти и в то же время отражают наступление авторитаризма. Как неоднократно отмечал казахский оппозиционер Н. Е. Масанов, современные казахские политические элиты стараются установить в стране «этнократию». Он даже назвал Казахстан «государством этнического апартеида» [16]. Казахизация сферы государственного управления и экономики на самом деле является способом укрепления властных и материальных отношений определен-

ных правящих кругов. Вытеснение русского меньшинства открывает путь к захвату тех постов во властных и управленческих структурах, в экономике, образовании, науке и культуре, которые раньше занимали русские.

Многочисленные факты свидетельствуют о том, что в суверенном Казахстане имеет место рост авторитаризма, клановости, национализма и коррупции. Согласно исследованию «Transparency International», в начале XXI в. Казахстан занимал 88-место в списке из 102 стран по уровню коррупции [17]. Политическую систему современного Казахстана можно назвать «фасадной демократией», по сути же это одна из форм авторитаризма. Следует отметить, что курс на всеобщую казахизацию, обеспечивающий обогащение правящих элит надо рассматривать в историческом плане. Он является продолжением, хотя и в более массовидных формах, начатой в брежневскую эпоху политики «коренизации». Хотя Казахстан презентруется как многонациональное и многоконфессиональное государство, он является прежде всего государством казахов. Юридическое, конституционное и международное основание этому было дано тем фактом, что весь Казахстан является «историко-генетической территорией казахской нации» [18]. Многочисленные официальные конференции, посвящённые национальному вопросу, подтверждают эту тенденцию к подчёркиванию приоритетного положения казахов.

Большинством русских дискриминация воспринимается как этническая: зачем изучать казахский язык и интегрироваться в систему, где доступ в государственный сектор в любом случае будет для них закрыт по причине их национальности? Незнание казахского языка — это лишь «политкорректное» средство убрать представителей различных национальных меньшинств с политических и административных постов. Языковая политика является лишь окольным путём для построения системы национального предпочтения в пользу казахов и в ущерб остальным жителям Казахстана. Налицо факты, что казахи, не говорящие (или плохо говорящие) по-казахски, тем не менее могут интегрироваться в административные органы без особых трудностей. Что же касается русских, то знание государственного языка и профессионализм не гарантирует им этого.

Русским, находящимся вне властных и клановых сетей поддержки чрезвычайно трудно внедриться в финансово выгодные сферы. Государственная служба для них закрыта по этническим и языковым мотивам. Дискриминация русских нередко не столько направлена прямо против них, сколько имеет целью дать преимущества членам своего семейного или регионального клана, в котором нет места неказхам. Отдельные славяне и преуспели, вовремя примкнув к тому или иному клану. Однако таких «счастливчиков» очень мало.

В течение 1990-х гг. доля русских планомерно снижалась в политико-административных структурах. В высших и местных органах власти они были представлены меньше, чем предполагал их удельный вес в населении республики, причём эта «недопредставленность» складывалась даже в

городах с преобладанием русских жителей. Русскому крайне сложно быть избранным депутатом в Межлис (парламент), получить назначение на должность акима (главы городской или областной администрации) или министра. Очень мало славян осталось и на менее значимых постах. Например, в Усть-Каменогорске, где по сей день преобладает славянское население, подавляющее большинство государственных чиновников и силовиков — казахи по национальности. В вузах Семипалатинска не осталось ни одного ректора — славянина, а в ссузах — ни одного директора. За 1985-1995 гг. представительство русских в органах государственного управления РК сократилось наполовину [19]. В 1994 г. в высших эшелонах власти было 74% казахов, 22% славян и 3% — представителей других меньшинств [13]. В 1995 г. в парламенте республики, состоявшем из 176 депутатов, доля казахов достигла 58% — 105 человек; 49 его членов были русскими, а 10 — украинцами [20]. После конституционной реформы 1995 г. среди сенаторов было 68% казахов и 15% русских, а в Ассамблее (нижней палате) — 64% казахов и 29% русских [21]. Выборы 1999 г. сделали тенденцию ещё более явной: среди 29 кандидатов, выдвинутых при обновлении на половину мест в Сенате, насчитывалось только 5 русских, но ни один из них не был избран. В том же году в Ассамблею прошли 55 казахов и 19 русских, т.е. в соотношении 74% к 25% [22]. Та же картина наблюдалась в руководстве министерствами. В 1997 г. Только 3 из 14 министерств возглавлялись неказахами [10]. По подсчётам журналистов газеты «Караван» (1995 г.), в политической сфере представительство казахов достигло 81%, русских — 14% и украинцев — 3% [8]. Неадекватное представительство русских в политико-административных структурах — наглядное проявление дискриминации. К началу XXI в. Ситуация выглядит ещё более вопиющей и наводит на мысль о том, что власти РК стремятся в долгосрочной перспективе вообще исключить всех неказахов из общественно-политической жизни.

Если в начале 1990-х север страны ещё не был затронут процессом казахизации власти и управления, то сейчас он находится в том же положении, что и традиционно казахские регионы. Немногие оставшиеся русские и украинцы занимают второстепенные посты и работают под руководством казахов. Например, в 1994 г. В Караганде, с 20% казахов среди жителей города, из 8 руководителей города 6 были представителями титульной нации; соответствующие цифры для Алма-Аты, где большинство населения русские — 9 и 2. В Акмолинской области, где в середине 1990-х годов проживало 46% русских, среди руководителей местной администрации их насчитывалось от 29 до 34%. В областном законодательном собрании Кокчетав в 2002 г. Из 33 депутатов только 9 были славянами, в то время как доля русского населения области составляла не менее 60% [5]. Подобных примеров множество. Опрос 2001 г. показал, что 72% казахов были удовлетворены тем, как титульная группа представлена в республиканских органах власти, в то время

как среди русских доля недовольных достигала 65% [23].

Дискриминация по отношению к русским обеспечивает не только социальное продвижение для части казахского населения, но и помогает правящему режиму подчинить себе власти на местах и обязать их быть преданными новому государству. Это было особенно важно во время экономического кризиса, когда население испытывало резкое падение уровня жизни.

Итак, на протяжении 1990-х гг. руководство Казахстана осуществляло последовательную и целенаправленную политику казахизации. Именно скрепить территорию страны, обеспечить изменение национальной структуры населения в её северной части в пользу титульной нации, доказать историческую принадлежность Северного Казахстана «казахскому миру» было призвано решение о переносе столицы из Алма-Аты в Астану, принятое в 1995 г. и реализованное в конце 1990-х гг. Астана символизирует процесс этнической казахизации региона, ранее считавшегося «русским». Поэтому многим казахам из южных областей было предложено переселиться на север страны, в частности, в новую столицу.

Казахизация образования, как и государственной службы, началась ещё до распада СССР — в 1980-е гг. Процент казахов среди студентов вузов уже тогда был выше, чем соответствующий показатель в других республиках центральноазиатского региона. Во многих публикациях выражалось возмущение тем, что казахам отдавался приоритет при поступлении в высшие учебные заведения: например, в 1989 г. среди студентов их было 54% (русских — 31%) [5]. Министерство образования, особо важное ведомство, одним из первых подверглось кадровой перетряске: с 1989 по 1992 гг. доля русских сократилась здесь с 43 до 14%. В настоящее время оно полностью казахизировано [5].

Десятилетия целенаправленного внедрения казахского языка в школьное образование принесли свои плоды. По данным Министерства образования РК, в 1999-2000 гг. уже 51% школьников учился на казахском языке (в 1991 г. — 34%), 45% — на русском языке [13]. В университетах русский сохранял преимущество, хотя доступ к высшему образованию всё более облегчался казахам, а русским — затруднялся. Государство делает ставку на национальные кадры. Произошли резкие изменения в национальном составе студентов вузов. Если в 1989/1990 учебном году казахи составляли 54% студентов, а русские — 31%, то в 1999/2000 учебном году казахов стало 67%, а русских — 24 [24]. Причинами данного национального состава являются негласная политика властей, различия в возрастной структуре этносов, миграции и учёба славян-казахстанцев в российских вузах. Приведём пару примеров. В конце 1990-х гг. на юридическом факультете Казахского национального университета им. аль-Фараби в Алма-Ате было всего около 20 русских из общего числа 200-300 студентов на каждом курсе. Если в 1970-е гг. на историческом факультете того же вуза училось около 50% русских студентов, то в

1980-е гг. их число сократилось до 20%, а сегодня оно практически равно нулю [25]. Обозначенные тенденции не вызывают оптимизма. Большинству славянской молодёжи врят ли стоит рассчитывать на достойный социальный статус в суверенном Казахстане. Мелкая торговля, сфера услуг, мелкий бизнес — это лучшее, на что они могут рассчитывать. Многие окажутся в положении наёмных работников низшей квалификации. Остающиеся же в Казахстане пожилое славянское население постепенно доживёт свой век. Русские, как и украинцы, белорусы, поляки и немцы, выражают свой протест в форме социальной апатии или миграции, массовый характер которой в 1990-е гг. являлся индикатором их крайнего недовольства происходящим в стране.

Итак, можно сделать вывод, что славяне-казахстанцы сегодня представляют собой практически стабильную часть жителей, переживающую болезненную стадию адаптации к новым услови-

ям. За 1990-е гг. значительно уменьшилась их доля в общей численности населения, произошло снижение социального статуса. В перспективе просматриваются два сценария развития: 1) адаптация славян от статуса де-факто большинства к готовности принять статус этнического меньшинства (диаспоры); 2) массовый исход из Казахстана славянского населения. Какой из сценариев станет реальностью покажет время.

Казахстану удалось сохранить территориальную целостность, избежать межнациональных войн и утвердиться как независимое государство. Ценой такого успеха, однако, стал авторитаризм (режим Н.А. Назарбаева иногда с иронией называют «феодализм с человеческим лицом»), трибализм, исключение национальных меньшинств из общественной жизни и культурное объединение, последствия и масштабы которого ещё не оценены в полной мере.

Библиографический список

1. Савоскул С.С. Русские в новом зарубежье. Выбор судьбы. — М., 2001. — С. 347; Тишков В.А. Русские в Средней Азии и Казахстане. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. — М., 1993. — №51. — С.4.
2. Беликов В.Д., Четверикова-Беликова С.И. Вехи истории Руси. — Буэнос-Айрес — Новосибирск, 2006. — С. 68.
3. Лад. — 2003 №4. — С.9.
4. Население Республики Казахстан по национальностям и владению языками. — Алматы, 2000. — Т. 2. — С. 10-12.
5. Ларюэль М., Пейруз С. «Русский вопрос в независимом Казахстане: история, политика, идентичность. — М., 2007. — С. 27.
6. Макаренко А.Ф. Украинцы. — Алма-Ата, 1998. — С. 22.
7. Национальный состав населения Республики Казахстан. Итоги переписи 1999 г. в Республике Казахстан. — Алматы, 2000. — Т.1. — С. 6.
8. Хлюпин В.Н. Геноцид. Русские в Казахстане: трагическая судьба. — М., 2001. — С. 46.
9. Краткие итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан. Стат. сб. — Алматы, 1999 — С. 102, 108.
10. Садовская Е. Некоторые политические аспекты эмиграции русскоязычного населения из Казахстана // Современные этнополитические процессы и миграционная ситуация в Центральной Азии. — М., 1998. — С. 82.
11. Национальный состав населения Республики Казахстан. Итоги переписи 1999 г. в Республике Казахстан. — Т. 1. — Алматы, 2000. — С. 38.
12. Лад. — 2003. №1. — С. 8.
13. Курганская В.Д., Дунаев В.Ю. Казахская модель межэтнической интеграции. — Алма-Ата, 2002. — С. 187.
14. Население Республики Казахстан по национальностям, полу и возрасту. — Алматы, 2000. — Т. 4, ч.1. — С. 6-9.
15. Занятое население Республики Казахстан по национальностям и занятиям. Итоги переписи населения в 1999 г. в Республике Казахстан. — Алматы, 2001. — Т. 3. С.5.
16. Масанов Н.Е. Национально-государственное строительство в Казахстане: анализ и прогноз // Вестник Евразии. — М., 1995. — №1. — С. 120.
17. <http://www.Transparency.Org>
18. Назарбаев Н.А. В потоке истории. — Алматы, 1999. — С.195.
19. Лад. — 1995. — №7. — С.6.
20. Джунусова Ж. республика Казахстан: президент, институты демократии. — Алма-Ата, 1996. — С. 93.
21. Куртов А.А. Куда держит путь снежный барс? // Независимая газета. — 1996, 11 ноября.
22. Эшмент Б. проблемы русских Казахстана — этничность или политика? // Диаспоры. — М., 1999. — № 2-3. — С. 175.
23. Малинин Г.В., Дунаев В.Ю., Курганская В.Д., Нысанбаев А.Н. Теория и практика межэтнического и межкультурного взаимодействия в современном Казахстане. Учебное пособие для вузов. — Алма-Ата, 2002. — С. 138.
24. Статистический ежегодник Казахстана. 2000. — Алматы, 2000. — С. 98-99.
25. Лад. — 1999. — №5-6. — С. 10.

Алтайская государственная академия образования им. В. М. Шукшина (АГАО), г. Бийск

Получено 27.02.2013

M.V. Aleynikov, I.E. Borovikov

RUSSIAN POPULATION OF KAZAKHSTAN: SOCIAL AND DEMOGRAPHIC TRANSFORMATIONS (THE 1990-S)

The article observes the changes in demographic and social structures of the Russian population of sovereign Kazakhstan in the 1990-s on the ground of published Russian and Kazakh sources. It finds out the reasons for migration outflow of the Russians from Kazakhstan to Russia. The authors give a critical estimate of the national politics of the Kazakh authority and pose a question concerning the prospects of preservation and development of the Russian Diaspora in Kazakhstan.

national politics, kazakhization, inter-ethnic relations, emigration, repatriation, ethnic discrimination, social status, demographic characteristics.

УДК 94

В. Я. Бутанаев

СВЕДЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ТЕРРИТОРИИ И ЯЗЫКЕ КЫРГЫЗОВ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ ЭПОХИ

Работа посвящена анализу источников об этнической истории кыргызов. Особое внимание автор уделит лингвистическому разбору этнической терминологии.

источники, письменность, летописи, Кыргызское государство

Впервые этноним «кыргыз» (в китайской форме «гяньгунь», «цзяньгунь», «гэгунь») упоминается в китайских источниках династии Хань в 201 году до н. э. среди перечня названий северных племен и владений, покоренных гуннским (хунну, сюнну) государем Модэ-шаньюем [1, с. 50].

Исходя из письменных источников, можно считать, что в до гуннского время кыргызы проживали южнее Саяно-Алтая, на территории Северо-Западной Монголии и Джунгарии. Впервые данный факт отметил востоковед В. В. Бартольд. Обобщив имеющиеся сведения, он заключил, что первоначальный район обитания гяньгуней должен был располагаться в северо-западной Монголии в окрестностях озера Кыргыз-Нур [2, с. 477]. В результате гуннских завоеваний кыргызские племена в I в. до н.э. передвинулись со своей прародины в Минусинскую котловину на Енисей.

В начале I тысячелетия н.э. уже довольно определенно можно сказать, что места обитания кыргызского этноса располагаются в горно-степных долинах Среднего Енисея. В V в. н.э. китайские источники сообщали: «Племя цзянькунь (кыргыз) не принадлежит роду волка [т.е. тюркам Тюркского каганата — Б.В.]. Пещера, где родился их предок, находится к северу от гор Цюйманьшань [т.е. Кёгмен — Западные Саяны — В.Б.]» [3, с. 32]. К самым архаическим сюжетам фольклора можно отнести мифическое рождение первопредков в пещерах гор. Совершенно очевидно, что если первопредок рода не имел ни отца, ни матери, а сам зародился в недрах данной земли, то это означает лишь то, что его предстатели являются самыми древними насельниками данной территории, и формирование их происходило именно здесь. Китайские хроники, таким образом, свидетельствуют, что земли, расположенные севернее Кёгменской черни, т.е. в Минусинской котловине, являются их первоначальной обителью.

В ранних китайских летописях имеется сообщение мифического содержания о Кыргызском государстве, возникшем в междуречье Енисея и Абакана. Предок тюрков по имени Нишиду или Надулу-шад женился на двух девушках, которые «были дочерьми — одна духа Лета, другая — духа Зимы. Первая родила четырех сыновей, один из которых превратился в белого лебедя, другой царствовал между реками Афу-шуй [т.е. «Абыган суг» — Абакан — В.Б.] и Цзянь-шуй [т.е. «Кем суг» — Енисей — В.Б.] под наименованием Цигу (Кыргыз)» [3, с. 16]. Этот факт, во-первых, свидетельствует о предполагаемом родстве кыргызов и тюрков-ашина Тюркского каганата, а во-вторых,

указанное событие могло произойти в V в. н.э., ибо первый тюркский каган Бумын (551 г. н.э.) считался правнуком Надулу-шада. Таким образом, согласно китайским письменным сведениям, кыргызы имели тюркское происхождение, и их государственность на Енисее образовалась полторы тысячи лет тому назад.

В ранних легендах и преданиях тюрков Южной Сибири кыргызы выступают древними обитателями не только долины Среднего Енисея, но и всего Саяно-Алтайского нагорья. Они проживали здесь якобы в те далекие времена, когда на Саяно-Алтае еще не росли деревья и везде расстилались степные просторы. Историческая принадлежность к народу степной культуры позволяют предположить, что этноним «кыргыз» складывается из двух следующих формантов: «кыр» — холмистая степь и «гыз» (гуз, огуз) — племя, т.е. степное племя.

Географическое положение Кыргызского государства определяется в танских летописях следующим образом: «Это государство на юге имеет горы Тяньмань [т.е. Когмен — Западные Саяны — В.Б.]. ...Имеет реку [т.е. Енисей — В.Б.], которая из Хуйгу [т.е. из страны уйгуров, куда входила Тува — В.Б.] течет на север и переходит через горы [Саяны — В.Б.]. Еще говорится: эта страна упирается в западную сторону Темных гор, имеет Золотое море, которое разделяясь, образует две реки» [4, с. 57]. Под Золотым морем, вероятно, надо подразумевать Телецкое озеро, известное у хакасов и алтайцев под названием Алтын-кель, т.е. Золотое озеро, из которого вытекает р. Бия, а впадает Чулушман. От ставки кыргызского правителя Ажо «на юго-восток до хойхуской [т.е. уйгурской — В.Б.] орды считалось 3 000 ли» или «40 дней пути верблюжьего хода» [1, с. 351, 353; 4, с. 57]. Указанные географические данные полностью совпадают с местонахождением Минусинской котловины.

Историческая топонимия Саяно-Алтая, в частности гидронимы, позволяют очертить приблизительные границы Кыргызской земли. На юго-западе ее территория ограничивалась рекой Киргиз (по-хакасски «Хыргыс суг» — т.е. кыргызская река) — правым притоком р. Малый Абакан в Западных Саянах, на юге рекой Кургус-сук (по-хакасски «Хыргыс суг») — притоком р. Джой и рекой Кургус-сук (по-хакасски «Хыргыс суг») — правым притоком Енисея в Западных Саянах, на востоке Минусинской котловины рекой Кургусюл (по-хакасски «Хыргыс чул» — букв. кыргызский ручей) — притоком р. Амыл и рекой Киргизюль

(по-хакасски «Хыргыс чул») — притоком р. Хабык в Восточных Саянах, на севере рекой Кыргысджул (по-хакасски «Хыргыс чул») — притоком Среднего Чулыма (в районе г. Назаров), на северо-западе рекой Киргизюл (по-хакасски «Хыргыс чул») — притоком р. Серез и рекой Кургусуюл (по-хакасски «Хыргыс чул») — притоком р. Урюп в отрогах Кузнецкого Алатау [5, с. 189-191]. Очерченные гидронимами границы совпадают с территорией Минусинской котловины, являвшейся метрополией Кыргызского государства.

На территории Саяно — Алтая обитают сотни различных видов зверей, большая часть которых сосредоточена в лесных экосистемах. По данным китайской летописи Тан-шу IX в.н.э. в стране Хягас: «Из зверей находятся тарпаны, козули, сохатые и чернохвостые козы». Согласно переводу Н.В. Кюнера: «Из диких животных имеются дикие лошади, гуду, желтые бараны «юань», бараны «ди», олени и чернохвостые» [1, с. 352; 4, с. 59]. Для нас интерес представляют «чернохвостые козы». Согласно китайским сведениям летописи Таншу в Кыргызской стране водились чернохвостые козы, походившие на кабаргу. «Чернохвостые подобны кабаргам, но хвост (у них) длинный и черный. Туземцы называют их «сымо» [4, с. 59]. Вероятно, речь идет о джейранах, ибо хвост у них с черным концом. Джейран, парнокопытное млекопитающее из рода газелей, обитающий в Северо-Западной Монголии, хорошо известен тюркам Саяно-Алтая. В хакасском языке джейран называется «чеергин», в тувинском «чээрэн», в алтайском «дьеерен». Слово восходит к монгольскому «зээрэн». Когда джейран бежит, то он поднимает хвост вертикально и его черный конец резко выделяется на фоне светлой окраски тела. За свой вид у монголов и казахов он получил прозвание «чернохвостый». Исходя из китайских данных, можно предположить, что территория кыргызских владений в IX в. н.э. охватывала Северо — Западную Монголию.

Еще китайские летописи эпохи Тан сообщали, что в стране «Хягас» в реке Гянь (Кем, т.е. Енисей): «Из рыб есть одна, длиною около семи футов, гладкая и без костей, рот под носом [т.е. осетр — В.Б.]. По переводу Н. Кюнера: «Из рыб имеются мйе, длиною в семь — восемь чи; рыба мохэнь, (у которой) рот находится внизу челюсти и без костей» [1, с. 352; 4, с. 59]. Китайские летописи приводят местные названия «мйе» и «мохэнь» для обозначения осетровых, по которым довольно трудно определить какие кыргызские слова стоят за ними. Осетр, рыба из отряда осетрообразных, водилась по главному руслу Енисея. Осетры и стерляди в реках Тувы не водятся, они начинают встречаться в Енисее только ниже Большого порога в Саянах. Такие данные свидетельствуют о границах Кыргызской земли до IX в. н.э., ограниченной с юга Когменской чернью.

Согласно сведениям китайской летописи Тан-шу, кыргызы предпочитали зрелища, где выступали «верблюды и лев обученные, волтижирование на лошадях и балансирование на веревке». [1, с. 353.] Лев, хотя и был известен тюркам Саяно-Алтая по легендам и преданиям, но он обитал

далеко в южных краснопесчаных пустынях под названием «арсыланг». По всей видимости, в китайских источниках речь идет о другом звере. В горах Алтая вплоть до начала XIX в. водились туранские тигры, называемые хакасами «алабарс» — букв. полосатый барс, алтайцами «бар», тувинцами «пар», шорцами «парс». Слово восходит к древнетюркскому «bars» тигр. По нашему мнению, кыргызы устраивали зрелища с обученными местными тиграми «алабарс».

Язык енисейских кыргызов, как считают некоторые исследователи, исчез «вместе с этносом с арены истории» [6, с. 4]. Согласно нашему исследованию, енисейские кыргызы передали эстафету своим наследникам в лице современных хакасов. По классификации С.Е. Малова хакасский язык, наряду с тувинским, относится к древнетюркским языкам, представляя драгоценный «клад» для языков Тюркского мира [7, с. 7]. Тюрколог Э. Р. Тенишев выделяет отдельную кыргызскую (или Z) группу языков, к которой он относит хакасский, шорский, чулымско-тюркский, сары-уйгурский и фуюйско-кыргызский языки [8, с. 476]. Общность языков и наречий хакасской подгруппы (или кыргызской группы) объясняется историческим объединением бывших племенных групп, входивших в состав Кыргызского государства VI — XIII вв.

Географическое положение Минусинской котловины, окруженной малопроезжими Саянскими горами и местонахождение кыргызов на северо-восточной периферии Тюркского мира способствовали изоляции их языка от сильного влияния иноязычных соседей. Значительная часть лексики, связанная с хозяйственной, политической, культурной деятельностью и религиозными верованиями, зафиксирована еще в древнетюркских рунических письменах.

В начале VIII в. н.э. у кыргызов уже существовала своя письменность и обычай устанавливать после смерти государственного деятеля памятную эпитафию с описанием его заслуг. «Письмо их и язык совершенно сходные с хойхускими» — отмечали танские хроники [1, с. 353].

Кыргызские памятники письменности созданы на едином литературном языке древнетюркского мира, господствовавшим в VIII—IX вв. на просторах Центральной Азии [9, с. 13]. Этот литературный язык обладал стилистическим единообразием и набором стандартных образных средств. Ярким свидетельством принадлежности памятников письменности кыргызским скотоводам представляют вырезанные на них тамги. Они были совершенно аналогичны знакам собственности, которыми пользовались вплоть до начала XX в. кыргызские роды тувинцев и хакасов [10, с. 78]. В основе их находилась фигура дуги или полумесяца с различными комбинациями.

К главным особенностям, характеризующую фонетическую структуру лексики кыргызского языка (и его наследника хакасского), относятся:

Наличие согласного «З/С» в середине слова (инлаут), вместо чередующихся в других тюркских языках согласных «Д» (древнетюркский, тувинский), «Т» (якутский), «Й» (новотюркские

языки по классификации С. Е. Малова). Таких лексем в хакасском нами насчитано около тридцати.

Например: «азах» (хак.), «adak» (д.т.), «адак» (тув.), «атах» (як.), «айак» (алт.) — нога; «азыг» (хак.), «adag» (д.т.), «адыг» (тув.), «айу» (алт.) — медведь; «азыр» (хак.), «adar» (д.т.), «адыр» (тув.), «айры» (алт.) — развилина, ответвление, разветвление; «асхыр» (хак.), «adgar» (д.т.), «атыыр» (як.), «аскыр» (тув.), «айгыр» (алт.) — жеребец и т.д.

Наличие согласного «С» в конце слов (ауслат), вместо «Д» (древнетюркский), «Т» (якутский, тувинский) и «Й» в других тюркских языках. Нами насчитано в хакасской лексике около 15 подобных позиций. Например: «ис» (хак.), «ed» (д.т.), «эт» (тув.), «ий» — имущество, богатство; «кис-» (хак.), «ket-» (д.т.), «кет-» (тув.), «кий-» (алт.) — надевать; «пос» (хак.), «bod» (д.т.), «бот» (тув.), «бой» (алт.) — рост, стан; «тос-» (хак.), «tod-» (д.т.), «тот-» (тув.), «той-» (алт.) — насыщаться и т.д.

Влияние древнекыргызского языка на речь народов Южной Сибири была настолько велика, что ныне языки соседних шорцев, чулымцев, кумандинцев, тубаларов и челканцев составляют одну хакасскую подгруппу.

Енисейские кыргызы с древнейших времен соседствовали с иноязычным населением Центральной и Северной Азии. Так, например, по Енисею, верховьям Чулыма и Томи обитали кетоязычные жители, самодоязычные племена еще в догуннскую эпоху населяли Южную Сибирь, ираноязычные народы охватывали территорию от Персии до Алтая, а монголоязычные родо-племенные группы располагались в восточной части Центральной Азии. В указанном громадном регионе происходило контактирование и взаимовлияние различных культур и языков.

Китайские источники IX в. н.э. сообщали о стране Хягас: «Жители, говоря о начале года, называют (его) «маоши», говоря о месяце, называют (его) «ай» [4, с. 58]. В другом переводе читаем: «Первый месяц в году называют Маоши ай. Ай значит месяц» [1, с. 351]. Что такое «маоши» сейчас трудно сказать. Вряд ли надо соотносить этот термин с хакасским «наа чыл», т.е. новый год, как это считал Л. Кызласов, ибо в древнетюркскую эпоху это выражение должно было звучать «янги йыл». Возможно, здесь присутствовало самодийское слово «сыы» — год.

Метеоритные камни (по-хакасски «текпер»), найденные на земле с наличием металла (железа) хакасы хранили на счастье как обереги. Они служили защитной аурой простых смертных. Возможно, такое отношение к ним возникло со времен Кыргызского государства, когда кыргызы изготавливали из метеоритного железа острое оружие. Согласно китайских сообщений, страна Хягас имеет железо «небесного дождя, его собирают, чтобы делать ножи и мечи», которое называют «цзяша» [1, с. 352; 4, с. 59].

Слово «цзяша», вероятно, близко по звучанию лексеме «тес» — железные изделия. В хакасском языке «тимир тис», в тувинском «демир

дес», в киргизском «темир-тезек» — железные изделия, металлолом. Параллель этому находится в самодийских языках. Например, в селькупском «квезэ, квэс, кесь» — железо. Для самодийских языков характерно чередование начальных «к» и «т». В таком случае, самодийские языки сосуществовали с тюркскими еще во времена Кыргызского государства.

Пышный и рыхлый снег (обычно лежащий большими слоями на горах) в языке тюрков Хонгорая называется «кёгбен» («кюгбенг», «кёнмен») [11, с. 190]. Поэтому высокие вершины Саянских гор, покрытые вечными снегами, хакасами и шорцами называются «Кёгбенг тайга», т.е. заснеженные скальные вершины. На древнем пути из Тувы в Хакасию в верховьях р. Джебаш находится белогорье «Кёгбен тасхыл», именуемый русским населением Копёны. Горы Большие Копены и Малые Копены стоят рядом в истоках рек Джебаш, Джой и Хан-Тегир. Данный топоним упоминался еще в древнетюркскую эпоху. В памятниках древнетюркской письменности, китайских и арабо-персидских источниках VI—XIII вв. Саяны и в целом Саянский край назывались именем «Когмен» (по-китайски «Цюймань»). Например: «Страна Когменская» (Кёгмен иди-суб), «Когменская чернь» (Кёгмен йыш), «Когменский край» (Когмен ичи) [Малов, с. 39]. По сообщению Гардизи, написанном в 1050—1053 гг., гора Кёгмен «высока; на ней много деревьев; дорога узка. От Кёгмена до киргизского стана 7 дней пути; дорога идет по степи и лугам, мимо приятных источников и сплетенных между собой деревьев, ...; вся дорога подобна саду, до самого стана киргизов» [2, с. 47].

Сохранившийся в народной памяти древнетюркский ороним «Кёгмен» («Кёгбен») свидетельствует об историко-культурной преемственности тюрков Хонгорая с древними обитателями Саяно-Алтая и кыргызском происхождении названия Саянских гор.

В Кыргызском государстве сформировалась династия власти, известная под названием «Ажо» или «Ажэ». «Их правитель называется Ажэ, поэтому фамилия дома Ажэ» — сообщали танские хроники [1, с. 352; 4, с. 282]. Судя по китайским источникам, «Ажо» (Ажэ) — это и титул правителя, и клановое имя правящего дома кыргызов в VIII-IX вв. Среди ученых до сих пор не сложилось единого мнения о значении этого кыргызского слова, переданного в китайской форме.

В связи с этим вопросом вызывает интерес имя загадочного «народа аз», сведения о котором неоднократно встречаются в древнетюркских памятниках письменности VIII в. н.э. [12, с. 102-104]. Согласно мнению тюрколога И. В. Кормушина, часть азов обитала по южную сторону Западного Саяна, а другая, главная часть, базировалась на север от Саян, на территории современной Хакасии, в непосредственной близости от кыргызов [9, с. 12].

Среди памятников кыргызской письменности выражение «народ аз» (аз будун) не встречается, однако в переводах В. Радлова имеется сочетание «ач будун» — народ ач [7, с. 59]. Не исключена

возможность, что сами кыргызы этноним «аз» произносили как «ач».

Кто же такие загадочные «азы» или «ачы» в Кыргызском государстве? Почему их имя упоминается в тюркских надписях наряду с кыргызами?

Исходя их контекста памятника в честь Кюль-Тегина можно предположить, что «азы» соответствовали понятию элитарной части кыргызов. В таком случае народ «аз» или «ач» надо отождествить с царствующей фамилией Кыргызского государства, которая зафиксирована в китайских хрониках в форме «ажо» (ажэ). Памятники древнетюркской письменности были созданы в то же самое время, когда Танские летописи Китая сообщали о стране Хягас и ее правителях — Ажэ. По всей видимости, указанные китайские формы передавали звучание тюркских этнонимов кыргыз и аз (ач).

В результате нашего исследования лексического фонда языков тюркских народов Саяно-Алтая (всего 1100 терминов, связанных с обозначением окружающей среды), было выяснено 700 лексем тюркского происхождения, т.е. около 65% рассмотренных слов. Монголизмы составляют около 7% (75 терминов), самодийских терминов нами насчитано 60, т.е. 5,5%, кетских такое же количество, т.е. 5,5%. Удельный вес слов персидского происхождения невелик и не превышает 1% всей исследованной лексики. Некоторый пласт лексем остался невыясненным.

В лексическом фонде хакасского, тувинского и алтайского языков доминируют тюркизмы, представляющие мощную их основу. Древние топонимические названия: Алтай, Кёгмен, Алтын-кель и другие, зафиксированные в письменных источниках, по крайней мере уже в VIII в. н.э., имеют тюркское происхождение, что свидетельствует о раннем освоении предками этих народов данного региона.

Анализ историко-культурной лексики и выделение лингвистических параллелей в языках народов Саяно-Алтая, куда примыкают также киргизы и якуты, позволяют сделать вывод, что, во-первых, основной словарный фонд этих языков сформировался в древнетюркскую эпоху, и, во-вторых, предки хакасов, алтайцев, тувинцев, якутов и киргизов имели общие исторические корни.

Язык и его словарный состав являются важным и, порой, единственным живым свидетелем исторического прошлого народов, особенно бесписьменных. Он служит необходимым источником при выяснении этногенеза и историко-культурных контактов с соседними племенами, а также неразрывно связан с историческим развитием общества и с территорией его проживания.

Имеющийся обширный корпус древних и средневековых письменных источников, данные этнографии, фольклора, топонимики, лингвистики не оставляют и тени сомнения в том, что в долине Среднего Енисея, начиная с рубежа нашей эры, обитал один из древнейших тюркоязычных кочевых народов, вошедший в историю под своим названием «кыргызы». Употребляющийся в научной литературе термин «хакасы» («хягасы», «сяцзясы» и т.д.) является одной из китайских транскрипций этого этнонима.

Имеющийся обширный корпус древних и средневековых письменных источников, данные этнографии, фольклора, топонимики, лингвистики не оставляют и тени сомнения в том, что в долине Среднего Енисея, начиная с рубежа нашей эры, обитал один из древнейших тюркоязычных кочевых народов, вошедший в историю под своим названием «кыргызы». Употребляющийся в научной литературе термин «хакасы» («хягасы», «сяцзясы» и т.д.) является одной из китайских транскрипций этого этнонима.

Библиографический список

1. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.-Л., 1950.
2. Бартольд В.В. Киргизы. Исторический очерк. //Сочинения. Т. 2. ч. 1. М., 1963.
3. Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана. (Извлечения из китайских источников II в. до н.э. — XVII в. т. 2. Бишкек, 2003.
4. Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.
5. Бутанаев В.Я. Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края. Абакан, 1995.
6. Тенишев Э. Древнекыргызский язык. Бишкек, 1997.
7. Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. М.-Л., 1952.
8. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. (СИГТЯ) М., 2002.
9. Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М., 1977.
10. Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М., 1972.
11. Хакасско-русский словарь. Новосибирск, 2006. (ХРС)
12. Бутанаев В.Я. Загадочный народ «Аз» из Когменской страны. //Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1998. с. 102-104.

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан
Получено 17.05.2013

У. Butanaev

INFORMATION SOURCES ABOUT THE ETHNIC TERRITORY AND LANGUAGE“KYRGYZ RECORDS OF ANCIENT ERA

The work is devoted to the analysis of sources of an ethnic history of the Kyrgyz people. Great attention is paid to the linguistic analysis of ethnic terminology.

sources, writing, chronicle, the Kyrgyz state

УДК 94

И. И. Васина

С ПЕЧАТЬЮ ВОЙНЫ НА СЕРДЦЕ

Статья написана внучкой Валентины Ермолаевны Барановой, сибирячки, ветерана труда, труженицы тыла. На примере отдельной истории автор работы показывает тяжёлые судьбы детей войны

война, голод, патриотизм, воспоминания

Свою простую историю, повествующую о такой обычной судьбе моей бабушки, я хочу начать со слов русского писателя Константина Паустовского. Они были прочитаны мной когда-то давно, но настолько глубоко запали в память, что останутся в ней навсегда: «У России душа мудрой женщины с натруженными руками и глазами матери...». Моя бабушка, Баранова Валентина Ермолаевна, родилась в 1934 году. Жила она в Усть-Муте Усть-Канского района. Семья ее состояла из шести человек. Отца звали Баранов Ермолай Яковлевич 1910 г.р., мать Баранова (Пастухова) Таисия Григорьевна 1914 г.р., старшая дочь, коей являлась моя бабушка, Баранова Валентина, ее сестра Баранова Любовь 1940 г.р., братья Владимир и Александр. Владимир умер от грудного горба, который прорвался. В семье осталось трое детей. Бабушка с отцовской стороны, Елена Ефремовна Баранова, детей не любила. Моя бабушка вспоминает, как отец выводил ее на лавочку и играл на гармонии, они вместе пели и танцевали. Она любила своего отца. Они отлично понимали друг друга. Большую часть свободного времени он уделял моей бабушке.

В 1941 году началась Великая Отечественная война. Отца призвали на фронт этим же летом. «Много в то лето мужчин ушло на фронт. Среди них был и мой отец. Мы провожали его всей семьей. Мама не выпускала из рук годовалую Любочку. Саша молчал. А я тихонько плакала». Защищал Родину под Ленинградом. Таисия Григорьевна писала письма на фронт и получала ответы. Но однажды письма с фронта перестали приходить. Спустя несколько месяцев, пришла справка. Отец пропал без вести.

Бабушка рассказывает, что он перевозил снаряды на грузовой машине. Во время бомбежки в автомобиль попал снаряд, что и привело к гибели моего прадеда. После этих событий семью стали преследовать. Детей постоянно спрашивали, не приходит ли отец домой с фронта, не скрывается ли от властей. Велась слежка. Бабушка вспоминает, что когда они с мамой ходили в горы, то за ними следили. Долгое время семья моей бабушки ждала прихода Ермолая Яковлевича, но, увы, этого не произошло.

Бабушка вспоминает: «Маме было очень трудно. Ей приходилось работать дояркой и пояркой (поить маленьких телят) на пастбищах. Я старалась помогать, как могла, хотя и слабенькая была от недоедания, руки тяжёлого не держали. Принимала молоко и сливала в огромную бочку. Однажды упала в нее и чуть не захлебнулась молоком. Меня спасла мама».

Весной сажали картофель, но урожай не родился. Из тридцати ведер выросло всего десять. Варили картофельную кашу. Семью постигло еще одно несчастье — украли корову, увели в горы и зарезали. Еды не хватало катастрофически. Всегда ходили в горы за слезуном, чесноком, собирали травы и бадан. По весне дети ели первоцвет. «Первоцвет рос у нас в огороде, поэтому далеко ходить не приходилось. Из слезуна варили кашу. Слегка подсаливали и ели. Вот и вся наша пища». Приходилось работать в колхозе вместе с братом. Он тогда был еще маленьким, но голод не спрашивал, сколько тебе лет. Кушать хотелось и маленьким и старикам. Собирали колоски для того, чтобы потом получить какой-то килограмм зерна, из которого, опять же, варили кашу. Одежды не было. «Ходили в чем зря. Шикарного ничего не было. Родственники не помогали — им и самим приходилось несладко. Маме помогали чужие люди. Чем кто поможет, то и одеваем».

Через два года после войны семья потеряла еще одного ребенка — Любочку. Она играла с подругой на берегу реки. Девочки решили перейти через «лаву» — переход из жерди через реку. Кто-то из мальчишек специально пошатнул жердь, и девочки упали в воду. Одна ближе к берегу, поэтому и смогла выплыть, Любочка — на середину, да к тому же она ударилась головой о камень и потеряла сознание. Так моя бабушка лишилась сестры. «Мама с трудом пережила утрату сестры. Мы, я и Саша, поддерживали ее как могли».

Бабушка также рассказала мне о детских играх, которых было не так уж много. В основном играли в догонялки, прятки и лапту. Мальчишки вырезали дубинку для игры в лапту, которую очень берегли. Когда бабушке было уже около 14 лет, она начала ходить в клуб на танцы. Плясали под гармошку. Позже она стала работать в местном клубе заведующей. Часто выезжала на концерты по стоянкам пастухов, читала газеты вслух, пропагандировала вместе с остальными идеи коммунистической направленности. Состояла в комсомоле. Учились тогда в деревне Усть-Муте только четыре класса. После окончания необходимо было ходить в школу в соседнее село Верх-Мута, которое находилось в двенадцати километрах от дома. Бабушка вспоминает: «У мамы была сестра — моя ровесница. Мы всегда вместе с ней ходили в школу. Наберем еды, сколько есть — никто не знал наверняка, хватит или нет — и уходим в школу. Через две недели снова идем домой. Так и ходили. А что было делать? Учиться нужно было, вот так и учились».

Училась бабушка неплохо. После окончания школы она мечтала выучиться на ветеринара, однако для того, чтобы учиться в училище, нужны материальные средства, т.к. образование было платное. Поэтому мечта ее не сбылась. В то время действовал следующий стереотип. Если родители работали в колхозе, то и дети пожизненно колхозники. Работала в Усть-Муте продавцом, а после того как вышла замуж некоторое время проработала в Усть-Кане, также продавцом. В 20 лет вышла замуж за Миронишина Василия, родила дочь. Муж вспыльчивый был, часто выпивал, а для молодой матери терпеть побои не представлялось возможным, и она ушла от него к матери, забрав ребенка.

Вот что бабушка рассказывает о своей матери: «Никто никогда так не поддерживал меня, как моя родная мать. Она успокаивала меня, подбадривала. Женщина, которая потеряла двух детей и мужа, была очень терпеливой и никогда не отчаивалась. Она говорила: «Войну пережили и эти невзгоды не страшной». Бабушка знала, что мать не оставит ее в беде и всегда поможет, именно поэтому она собралась духом и уехала в Лениногорск. Путь бы неблизким — через Ивановские белки в районе с. Санаровки в Лениногорск с десятком других жителей окрестных деревень. В Лениногорске начала работать на почте кассиром. Высылала деньги своей матери и дочери Светлане, жила и старалась только для них. Спустя 7 лет второй раз вышла замуж. Родился сын. Мальчика назвали Игорем. Муж работал шахтером. Бабушка перевезла из Усть-Муты свою мать, постаревшую и больную, и, семилетнюю Светлану, мою тетю. Спустя некоторое время она вместе с уже повзрослевшими детьми переехала — из-за сильной загазованности Лениногорска — в г. Ташкент УзССР, где также прожила 20 лет, работая кассиром в Центральном железнодорожном почтамте.

Когда мои родители переехали жить в Калининградскую область в 1990 году, бабушка вместе с тетей и ее двенадцатилетним сыном Дмитрием отправились жить в село Алтайское Алтайского края Алтайского района. Именно отсюда моя семья получала долгожданные посылки с продук-

тами, письма. Самое замечательное то, что спустя сорок лет она вновь обрела свою единственную первую любовь — Храмцова Дмитрия. Родом он был из Черги, но расстояние никогда не было для них помехой. В молодости они встречались после работы, преодолевая горы и поля. Еще в Усть-Муте они любили друг друга, но Дмитрий ушел в армию, время шло, жизнь была трудной, поэтому она вышла замуж за Миронишина Василия. После того, как Дмитрий и моя бабушка встретились (а именно он нашел ее), они прожили вместе 11 лет, но самых счастливых в жизни моей бабушки. Дмитрий умер в возрасте 66 лет, похоронен на кладбище в с. Алтайском.

Моя бабушка никогда не рассказывала о своей первой юношеской любви, наверное, потому что она была истинно единственной, и самой святой для нее. Память об этой любви она несет в себе и по сей день. Возможно, именно она придает ей сил, возможно, благодаря этой памяти она до сих пор противостоит старости и болезням. Я с уверенностью могу сказать, что детство моей бабушки было трудным. Она была на момент начала Великой Отечественной войны уже достаточно взрослой, поэтому вся работа, с которой не справлялась ее мама, ложилась на ее детские неокрепшие плечи. Она до сих пор тихо произносит слово «голод». При этом задумывается о чем-то своем, но ничего не говорит мне...

Война оставила неизгладимый след на сердце моей бабушки, вручила горечь потерь и утрат, взвалила непосильную ношу на ее детские плечики. Война сделала ее такой, какой она была всю жизнь: хлебосольной, гостеприимной, с улыбкой на лице и грустью и слезами в душе за семью замками. Она никогда больше не знала голода, и сделала все, чтобы ее дети никогда не знали его в лицо. Сейчас моей бабушке 78 лет. Она практически не встает с постели. Ветеран труда, инвалид II группы, четырежды прабабушка, пережила два инсульта и борется с потерей зрения. Она — человек того сильного, выносливого, непобедимого поколения, которое в тылу ковало Победу, преодолевая все трудности военного времени: голод, потери и непосильный труд.

Алтайская государственная академия образования им. В. М. Шукшина (АГАО), г. Бийск
Получено 23.12.2012

I. I. Vasina

WITH THE SEAL OF THE WAR OF THE HEART

The article was written granddaughter Valentina Ermolaevna Baranova, Siberian, veteran of labour, toilers in the rear. For example, separate the history of the author shows the heavy fate of the children of war

war, famine, patriotism, memories

УДК 94

С. Н. Гиренок

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ОБОРОННАЯ КОНЦЕПЦИЯ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ. РЕКОНСТРУКЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И ВОЕННОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ СССР В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье на основе открытых архивных материалов для исследователей истории и, опубликованных ими научных трудов, монографий, статей, проведена попытка анализа предвоенного и начального периода Великой Отечественной Войны.

Индустриализация, «Великая чистка», Третий Рейх, реконструкция государственной системы, Государственный Комитет Оборона

Годы, предшествующие второй мировой войне, для Советского Союза, имели характер противоречивый и неоднозначный, т. к. советское общество, ведомое Политбюро ЦК РКП(б) и СНК СССР стремилось совершить переход от аграрно-го к индустриальному типу развития страны. Поэтому Съездом Индустриализации стал XIV форум советских коммунистов, проведенный 18-31 декабря 1925 года, на котором была одобрена и принята формулировка стратегии модернизации, при которой Советский Союз из страны, ввозящей машины и оборудование, необходимо превратить в государство, производящее всё это в нужном количестве по планируемому потреблению экономики народного хозяйства [1, с. 14-17].

На заседании XVI партконференции при планировании 1-й пятилетки, рассчитанной на период с октября 1928 по сентябрь 1933 гг. Генеральный секретарь ЦК РКП(б) И. В. Сталин настоял на пересмотре генерального плана с совершенно иной точки зрения: всю промышленность стратегического назначения разместить как можно дальше от границ. Главными районами размещения должны стать Урал и Сибирь, куда из Европы не дойдет ни одна армия, но всё-таки 70% военно-промышленного комплекса располагалось в европейской части страны. При всех сложностях 1-й пятилетки в ходе ее выполнения каждые 29 часов входило в строй новое предприятие в то время, как экономику западных стран поразил мощный экономический кризис 1929 года. Мировой экономический кризис увеличивал военную угрозу, что заставило ускорить темпы индустриализации Советского Союза. Во 2-й пятилетке промышленное предприятие вводилось в строй уже каждые 10 часов, в 3-й — незавершенной из-за начала войны, — каждые 7 часов. Это до сих пор еще никем не превзойденный темп промышленного роста. За всю свою историю человеческая цивилизация не знала и не знает ничего подобного. И то, что было построено под руководством советских коммунистов выдержало мощный удар Второй мировой войны, гонку вооружений «холодной войны», хаос и разруху перестройки и постперестройки, сохраняя за Россией право именоваться державой [1, с. 17-18; 2, с. 77, 306; 16, с. 371].

До 1932 года, по данным статистического бюро Лиги Наций, в мире было четыре крупных промышленных района: Пенсильвания в США, Бир-

мингем в Великобритании, Рур в Германии и Донецкий в Советском Союзе. В конце первой пятилетки к ним добавился Днепровский и Урало-Кузнецкий. До 1932 года три четверти промышленных районов мирового значения дислоцировались на Западе, а с 1932 ровно половина индустриальных районов мирового уровня уже находились на территории СССР, что и привело в итоге к Победе над европейским военно-промышленным комплексом. И потому велика роль восстановленной под руководством Ф. Э. Дзержинского (с 1924 по 1926 гг. — председатель Всесоюзного Совета Народного Хозяйства) и вновь созданной советской экономики до начала второй мировой войны. Советский Союз в годы войны эффективно использовал каждую тонну металла — на 1 тысячу тонн выплавляемой стали производилось в пять раз больше танков и артиллерийских орудий, чем в европейском сообществе. И в производстве стрелкового оружия, за что отвечал Л. П. Берия (заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров СССР с 3 февраля 1941 г., с 30 июня 1941 г. член Государственного Комитета Оборона (ГКО), а с 16 мая 1944 г. заместитель председателя ГКО) советская промышленность превосходила европейский военно-промышленный комплекс в 1,5-5 раз (по видам оружия), а также по артиллерийско-миномётным орудиям в 2-4 раза [1, с. 17-18; 2, с. 23, 306, 308; 3, с.141-142; 6, с. 149; 16, с. 372].

К началу Великой Отечественной войны в смысле оценки событий 1937—1938 годов, годы «Великой Чистки», в целом страна и, в частности армия — очистилась и окрепла после ликвидации «пятой колонны», которая предала и разрушила бы Советский Союз во время войны, если бы она не была своевременно разгромлена. В настоящее время (2013 г.) известно, что на протяжении 1920-х—30-х гг. существовала опасность военного вторжения в СССР, а вместе с тем, в рядах высшего руководства Красной Армии к середине 30-х гг. XX в. организовался заговор против Советской Власти и политического руководства Советского Союза. О заговоре «красных маршалов» 1937 года написано множество научных статей, книг, опубликованы документы (протоколы допросов, обвинительных приговоров и пр.), десятки лет хранившихся в спецхранах государственных и ведомственных архивов. Кроме верхушки заговорщиков остался нетронутым (законспирированным) слой саботажников-предате-

лей второго уровня в армии — генералитета и старшего командного состава от майора до полковника. Так, по материалам 1937-38-х годов в качестве соучастника заговора военных проходил, в частности, Павлов Д. Г., который в период «Большой чистки» находился в составе группы советских военных советников республиканской армии Испании. А в верхних эшелонах партийно-хозяйственной номенклатуры, у Абвера (военная разведка Германии) были свои глубоко законспирированные источники из числа соратников Л. Троцкого, которые активно действовали в СССР и за рубежом (троцкисты действуют и ныне — 2013 г.), а также бывших активных противников Советской Власти (бывшие «хозяева», белогвардейцы, оппозиционеры, националисты, сепаратисты, и пр. недобитые враги). Они ждали вооружённого нападения на СССР и готовились активно участвовать на стороне врага [4, с. 693; 5, с. 391; 6, с. 107; 15, с. 88].

К 1941 году почти вся континентальная Европа вошла в новую империю (Третий Рейх) возглавляемую Германией. 22 июня 1941 года Третий Рейх и его союзники-сателлиты вступили в войну с СССР послав на Восточный фронт свои вооруженные силы — Испания, Италия, Дания, Норвегия, Венгрия, Румыния, Словакия, Финляндия, Хорватия. В числе военнослужащих германского вермахта, взятых в плен солдатами Красной Армии в ходе войны, были французы, бельгийцы, чехи, люксембуржцы, евреи, шведы, датчане, голландцы, словаки, украинцы, поляки и представители других вроде бы не воевавших с Советским Союзом европейских наций в количестве — 464147 военнопленных (статистика НКВД). Геополитические цели войны 1941—1945 годов осуществляли не 70 млн. немцев, а более 300 млн. европейцев, объединенных на разных основаниях, но так или иначе действовавших в одном направлении. На Германию работала вся промышленность и сельское хозяйство Европы, обеспечивая потребности германского вермахта в срок всем необходимым в нужном количестве [4, с. 627, 630, 635].

Нелепость, будто бы Сталин не верил в нападение Германии и не отреагировал на предупреждения, запущенная в исторический обиход Н. С. Хрущевым и Г. К. Жуковым, построена на сокрытии действительных фактов. Всё происходило по принципу «наоборот», политическое руководство Советского Союза реагировало на каждое действие германской стороны. Ещё 18 июня 1941 года И. В. Сталин отдал приказ (Директива № 1 была составлена заместителем наркома обороны С. М. Будённым и утверждена И. В. Сталиным; вот почему хрущёвцы после смерти Вождя охаживали честного служаку Семёна Михайловича.) об оповещении командующих западными военными округами о грядущем в самые ближайшие дни внезапном нападении Германии и необходимости в связи с этим приведения вверенных им войск в боевую готовность. Кроме того, следует иметь в виду, что, начиная с 24 мая 1941 года, Председатель Совета Народных Комиссаров неоднократно предупреждал военных о грядущем в ближайшем

будущем внезапном нападении Германии. Более того, за период с 12 по 18 июня 1941 года Генштаб СССР с подачи И. В. Сталина дважды дал указание о приведении войск западных приграничных округов в боевую готовность. В директиве от 18 июня по указанию Председателя СНК СССР указывалась дата 22 июня 1941 г. как наиболее вероятная дата атаки западной советской границы. До 18 июня в интересах повышения боеготовности началось выдвижение войск из глубины приграничных округов в сторону границы. Директива не была выполнена, а за это персональную ответственность несут нарком обороны С. К. Тимошенко и начальник Генерального штаба Г. К. Жуков, потому что не контролировали исполнение директивы подчинёнными им военнослужащими высокого ранга. Командующий Западным Особым Военным Округом генерал армии Павлов, офицеры его штаба, командующие армиями, командиры войсковых соединений не выполнили (умышленно проигнорировали по признанию в суде самими генералами-заговорщиками) указания директивы, а саботирование приказов высшего руководства государства — измена и во всех армиях мира она карается смертной казнью. По приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР от 22 июля 1941 года на основании статей 193-17/б (бездействие власти ... при отягчающих обстоятельствах) и 193-20/б (сдача неприятелю начальником вверенных ему военных сил...) УК РСФСР, за трагедию 1941 года были расстреляны генерал армии Д. Г. Павлов со всеми, причастными в предательстве генералами и офицерами военного округа ему подчинённого [5, с. 21; 7, с. 153, 190-191; 8, с. 318, 321; 9, с. 162, 43, 284, 285, 365; 14, с. 5, 22;].

Результатом предательства командования Западного Особого Военного Округа (ЗапОВО), самоустранения (дезертирства) большинства командиров войсковых соединений и частей от оперативного управления, массированных воздушных и наземных бомбардировок, нарушения связи начался хаос и неразбериха. В итоге 44 дивизии с громадным количеством (более 3-х тысяч) танков, мощной артиллерией и авиацией (более 1200 самолётов, которые на момент атаки находились на аэродромах не замаскированными, без топлива и боезапаса) Западного фронта под командованием генерала армии Павлова было разгромлено за пять суток. Сопrotивление носило только очаговый характер потому, что армий, прикрывавших фронт, в Белоруссии и Литве больше не существовало, а сотни тысяч рядовых солдат-окруженцев, не желая идти в плен, разбегались по украинским и белорусским деревням [10, с. 268-269; 9, с. 218; 14, с. 20].

К тому же вскоре выяснилось, что ни Тимошенко, ни Жуков не владеют информацией об истинном положении оперативной обстановки на фронтах и не сообщают руководству страны о своих планах. Поэтому 28 июня, во время очень острого разговора в Генштабе, Сталин пришел к выводу о явной неспособности высшего военного командования организовать достойный отпор агрессору — ведь даже о взятии Минска Иосиф Вис-

сарионович узнал не от Генштаба, а из передач германской и иных радиостанций. Всё выше сказанное заставило политическое руководство Советского Союза экстренно менять создавшееся хаотичное положение на фронте и переломить ситуацию в пользу СССР. И потому в такой ситуации стало необходимо коренным образом изменить всю структуру государственного и военного управления в целях максимальной концентрации государственной и военной власти в едином государственном органе. Поэтому 30 июня 1941 года по предложению членов Политбюро был образован Государственный комитет обороны (ГКО) во главе со Сталиным. 8 августа И. В. Сталин принял на себя обязанности Верховного главнокомандующего, а его орган управления получил название Ставка Верховного Главнокомандования. Он, по-прежнему, оставался Генеральным секретарем ЦК ВКП(б), Председателем Совета Народных Комиссаров, но теперь он был еще и председателем ГКО, Народным Комиссаром Обороны и Верховным главнокомандующим. В ГКО произошла концентрация всей государственной власти, которым руководил Сталин. Так Иосиф Виссарионович стал военным вождём Советского Союза. В целях обеспечения безопасности высшего военного командования, орган управления, Ставку, из Кремля перевели в Центр Стратегического Управления вооружёнными силами. Там были оборудованы кабинеты для работы и отдыха И. В. Сталина Верховного Главнокомандующего и Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова, комнаты для размещения офицеров оперативной группы Генерального штаба и сотрудников управлений Наркомата обороны, Ставки и для встреч с руководителями промышленности. Под руководством Верховного Ставка начала работать круглосуточно, сам ее председатель работал по 12-16 часов и заставлял работать, созданную структуру управления государством в военное время, настроенную на одну цель — Победа [11, с. 12-14; 2, с. 269-273].

Советская государственная система, созданная коммунистами, выдержала мощный натиск европейского альянса и 6 декабря 1941 г., на удивление всему миру, перешла в контрнаступление на западном направлении. Советский солдат вместе со своей Родиной шок 1941 года выдержал с примерной стойкостью и мужеством. Он защищался и переходил в контратаку часто в критических условиях, а его упорство и энергия достойны наивысшего восхищения и уважения. А генералов, сдавших половину европейской части страны, Верховный Главнокомандующий совместно с политическими руководителями армии и сотрудниками 3-го Управления НКО СССР (Особые отделы, с апреля 1943 г. «Смерш») «обязал» воевать и сделал их Героями (других-то не было) [12, с. 559; 14, с. 4].

Единственный, кто из высшего командного состава оказался полностью готовым к войне, — это Л. П. Берия, Народный Комиссар Внутренних Дел СССР и подчинённые ему пограничные и внутренние войска, которые 22 июня 1941 г. первыми приняли на себя мощный удар европейского во-

енного союза. Стойкость и мужество воинов-пограничников в первые недели войны спасли страну от катастрофы, ни одна из 435 пограничных застав, 6 морских пограничных отрядов, 9 отдельных пограничных комендатур западной границы СССР от Баренцева до Чёрного моря не ушли с занимаемых рубежей без приказа. Занимаемые позиции пограничники и военнослужащие внутренних войск оставляли только в двух случаях — по приказу или смерти защитников рубежа. Причина высокой боеспособности пограничных и внутренних войск — в командирах и морально-воспитательной работе, проводимой среди военнослужащих политработниками и лично руководителем наркомата Лаврентием Берией, который предъявлял высокие требования к боевой подготовке и неуклонному повышению морального духа войск НКВД. Эти войска перед войной выполняли возложенные на них служебно-боевые задачи, но несмотря на то, уровень их обученности, боеспособности оставался выше, чем в Красной Армии. Первые гвардейские воинские соединения состояли из дивизий НКВД, сформированных летом 1941 г. Л. П. Берией — членом ГКО и Генеральным Комиссаром Государственной Безопасности. Однако, массовый подвиг пограничников был впоследствии в мемуарах высокопоставленных военачальников не отмечен, потому что подчёркивал компетентность Берии, особенно яркую на фоне некомпетентности армейского командования. Эта правда о начале войны так неудобна, что позднее её просто не отмечали те, кому она грозила утратой репутации [6, с. 141-143, 177-178; 13, с. 267; 14, с. 129].

С началом оккупации советской территории врагом началась работа по организации партизанского движения под руководством компартии и контролем работников наркомата внутренних дел. По официальным данным к декабрю 1941 г. на оккупированной территории закрепилось и начало действовать 3500 партизанских отрядов и групп численностью 90 тысяч человек, состоящих на 90% из оперативных работников ведомства с Лубянки. Для целенаправленных действий в ведение партизанской войны 30 мая 1942 г. был создан Всесоюзный Центральный штаб партизанского движения, который курировал Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов. Он являлся, с мая 1940 г. заместителем Председателя СНК СССР и Председателем Комитета Обороны при Правительстве СССР [6, с. 163-165; 1, с. 434; 14, с. 9].

Верховный Главнокомандующий как военный руководитель проявился в том, что он, имевший лишь опыт гражданской войны и военным профессионалом не являвшийся, с началом Великой Отечественной войны выразился в гениального полководца — создателя победоносной новаторской школы военного искусства. Как писал Г. К. Жуков, ум и талант позволили И. В. Сталину в ходе войны овладеть оперативным искусством настолько, что, вызывая к себе командующих фронтами и разговаривая с ними на темы, связанные с проведением операций, он проявил себя как человек, разбирающийся в этом не хуже,

а порой лучше своих подчинённых. При этом в ряде случаев он находил и подсказывал интересные оперативные решения. После Сталинградского и Курского сражений И. В. Сталин поднялся до вершин стратегического руководства, как говорил Маршал Советского Союза А. М. Василевский в частной беседе с писателем-фронтовиком Константином Симоновым. Огромна его роль и в сплочении высшего политического и военного руководства Советского Союза. В годы войны в Сталине одновременно сочетались стратег и политик. Иосиф Виссарионович был выдающийся государственный деятель мирового масштаба, обладавший колоссальной эрудицией, особенно в вопросах геополитики, политики, экономики и военного искусства [13, с. 264; 9, с. 25].

Отличие Верховного главнокомандующего, полководца Сталина от полководцев древних и более поздних времен состояло в том, что он лично управлял не только боевыми действиями маршалов и генералов Красной Армии, но и промышленным тылом страны, ставшим вторым, внутренним фронтом государства, где руководители предприятий носили погоны генералов. Советские люди и другие народы победили в войну потому, что их возглавил великий военачальник, Генералиссимус Иосиф Сталин. Иосиф Виссарионович Сталин — одна из величайших фигур современной истории, фигура планетарного масштаба. Он вписал свое имя не только в историю Советского Союза, но и во всемирную историю [7, с. 763-764].

Библиографический список

1. Новейшая отечественная история. XX в.: учеб. для студ. высш. учеб. заведений / под ред. Э. М. Шагина, А. В. Лубкова: в 2 кн. кн. 2. М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2004.
2. Мартиросян А. Б. Сталин и достижения СССР. М., Вече, 2007.
3. Мухин Ю. И. Сталин — хозяин СССР. М.: Алгоритм, 2008.
4. Кожинов В. В. Россия. Век XX. М., Эксмо, 2008.
5. Симонов К. Глазами человека моего поколения. М., Правда, 1990.
6. Север А. Великая миссия НКВД. М.: Алгоритм, 2008.
7. Романенко К. К. Великая война Сталина. М., Яуза, 2008.
8. Мартиросян А. Б. Сталин и ВОВ. М., Вече, 2008.
9. Мартиросян А. Б. Трагедия 1941 года. М., Вече, 2008.
10. Шамбаров В. Е. Агенты Берии в руководстве гестапо. М.: Алгоритм, 2008.
11. Лубченков Ю. Н. 100 великих полководцев Второй мировой. М.: Вече, 2005.
12. Скорцени О. Неизвестная война / Пер. с франц. О. П. Ковалюк. Мн.: ООО «Попурри», 2003.
13. Кремль в С. Т. Гении Власти. Великий Сталин. М.: Яуза-пресс, 2011.
14. Мартиросян А. Б. От славы к проклятиям. 1941—1953 гг. 100 мифов о Берии. М., Вече, 2010.
15. Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. ТОО «Гая», М., 1996.
16. Мартиросян А. Б. Сталин после войны. 1945—1953 годы. М.: Вече, 2008.

Алтайская государственная академия образования им. В. М. Шукшина (АГАО), г. Бийск
Получено 23.05.2013

S. N. Girenok

THE STRATEGIC DEFENSE CONCEPT OF THE SOVIET ECONOMY. RECONSTRUCTION OF THE STATE AND THE FOR THE CONTROL SYSTEM OF THE USSR IN THE INITIAL PERIOD DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article is based on the open archival material for researchers of the history and, they published scientific works, monographs, articles, held attemptska analysis of the pre-war and the initial period of the great Patriotic War.

Industrialization, «Great purge», the Third Reich, reconstruction“ the state system, the State Defense Committee

УДК 94

С. Н. Гиренок, Р. В. Мезенцев

ДВИЖЕНИЕ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА К ТИХОМУ ОКЕАНУ И ПРОЦЕСС КОНФЕССИОНАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОСВОЕНИЯ СИБИРИ. ТОРГОВЫЕ ПУТИ СООБЩЕНИЯ С ЦЕНТРОМ (XVI—XIX ВВ.)

В статье, на основе анализа опубликованных исследователями материалов и архивных документов, вводимых в научный оборот, предпринята попытка осветить процесс движения Русского государства на побережье Тихого океана

царь Иван I, Сибирь, христианизация, пути сообщения, Иркутск

Вплоть до конца XV века «собираение земель» Московским государством ограничивалось только европейской частью и Уральскими горами. Хотя новгородцы уже установили контакты с югрой, жителями побережья Северного Ледовитого океана

ещё в XI веке, а в XII—XV вв. русские поморы положили начало новому виду мореплавания — ледовому, исследовав значительную часть северного азиатского побережья (до устья реки Оби). И лишь взяв Казань (1552 г.), Русский царь Иван

И Васильевич Рюрикович (до венчания на царство московский князь Иван IV — Грозный) открыл путь к присоединению Поволжья, Урала и Сибири. Дальнейшее освоение присоединённых земель продолжили вольные казаки, охотники и крестьяне, бежавшие от крепостной зависимости в поисках лучшей доли и воли. Разгром Казанского и Астраханского ханств и последовавшее за этим присоединение («мирным» или «немирным путём») к Русскому государству ряда земель с народами Поволжья и Среднего Приуралья дали ему возможность для продвижения за «Каменный пояс». Пойти «Московию» в расположенные за ним «неведомые земли» понуждали как экономические «интересы», так и настойчивые попытки англичан и голландцев найти «северный путь в Индию». Правительство царя Ивана I в полной мере представляло, чем могут завершиться для него — в случае их удачи — эти «поиски»: превращением «северной части Азии в английскую или голландскую торговую факторию». И потому путь в Индию через Сибирь, присоединённую и осваиваемую Русским государством для иноземцев был закрыт [1, с. 54-55; 2, с. 302-303; 3, с. 10; 4, с. 63-64].

С конца XVI в. на освоенных территориях, для закрепления этих земель, землепроходцы выстроили ряд крепостей: Тюмень (на месте столицы Сибирского ханства г. Чинги-тура), Пелым, Тобольск (1597) на месте г. Искер — бывшей ставки хана Кучума — центр русской колонизации Сибири. Далее следуют города Берёзов, Сургут, Тара, Нарым; вслед за первыми отрядами служилых людей в границах названных земель появились русские поселенцы из числа крестьян и казаков. Закрепившись в опорных пунктах и оставив гарнизоны (для сбора дани), русские землепроходцы начали упорное продвижение в необозримые просторы Сибири. Русские пионеры-первопроходцы осваивали новые земли по двум направлениям — вдоль северного побережья промышленники-поморы, а вдоль южных границ Сибири — казаки и стрельцы, за которыми шли крестьяне, стремившиеся быть подальше от властей и крепостной зависимости. В северном направлении людей манила возможность пушного промысла (и моржовой кости) потому, что в то время пушнина ценилась наравне с золотом, а крестьяне-«кужане» разрабатывали земли речных долин благоприятных для земледелия, садоводства и скотоводства. Степи и луга создавали условия для развития земледелия второй по значимости отрасли крестьянского хозяйства в Сибири. Появление опорных крепостей помогло русским переселенцам обосноваться на плодородных землях, например, Минусинской котловины. С приходом русских поселенцев, в Зауралье и Сибири начинает развиваться хлебопашество, разведка полезных ископаемых (металлов, слюды, каменной соли). Продолжавшееся заселение Сибири — пахарями, охотниками, ссыльными, беглыми крепостными — заметно увеличило население её: в конце XVIII в. здесь проживало уже 1, 5 млн. чел [3, с. 10-11; 5, с. 41; 6, с. 55].

Одновременно с движением русских землепроходцев к Тихому океану происходил процесс христианизации коренных народов Сибири из-за того,

что в крайне сложном положении находился церковный организм на периферии Российской Империи (от Урала до Тихого океана) в XVII—XIX вв. потому, что неудовлетворительное состояние церкви преломлялось здесь через региональную специфику. Характерной чертой восточных епархий Империи была их относительная «молодость», многонациональный состав, конфессиональное многообразие и старообрядчество — составляющее значительную долю подданных в новых населённых пунктах. Процессом христианизации в восточных территориях первоначально занималась Тобольская епархия (1621), затем Иркутская (1707), Томская и Енисейская (1834). Так как, юг Западной Сибири с XVIII в., преобразился и стал промышленной горнозаводской зоной, то, возникла острая нужда для православных заводских работников и приписных крестьян в духовно-религиозной «справе». И потому в связи с этим «вопросом» необходимо было построить более 30 Православных храмов и обеспечить их священнослужителями [7, л. 45; 8, л. 18; 9, л. 83; 10, л. 110; 11, с. 109].

Помощниками официальной Церкви и продолжателями благого дела были миссионеры-подвижники. Таким ярким примером является Макарий Алтайский (в «миру» Михаил Яковлевич Глухарёв, 1792—1847), русский религиозный деятель, архимандрит, миссионер, переводчик, православный святой. В 1830—1843 гг. Макарий возглавлял религиозную «миссию для сибирских инородцев». В Алтайском горном округе он основал 3 миссионерских стана и обратил в христианство 675 местных жителей, обращая особое внимание на истинное усвоение православной веры и основ культурной жизни. Архимандрит Макарий основал 3 школы, богадельню, церковь, общежитие для монахов. Он положил начало изучению алтайских языков, составил словарь местных наречий, переводил церковные книги на языки местных жителей. Макарий Алтайский канонизирован Русской Православной Церковью, день его памяти 15 (28) мая [12, с. 223-225; 13, с. 2-6].

Отсюда следует, что в рассматриваемый период (XVIII—XIX вв.) Русская Православная Церковь, в Российской Империи, являлась важнейшим государственным институтом и опорой власти, представляя собой очень внушительную силу. Поэтому правительство понимало, что церковь является одной из основных сил в деле обеспечения стабильности и образования общества. Исходя из этого, уже в конце XVIII — первой половине XIX вв. региональное руководство стремилось увеличить количество церквей в Сибири и восточных регионах Российской Империи [14, с. 256; 15, с. 405; 16, с.153].

Дальнейшее освоение Восточно-Азиатской части Российской Империи и увеличение численности населения Сибири за счёт переселенцев из западных губерний страны «подталкивало» русских купцов к необходимости в активной торговле для роста их прибыли и эффективного оборота торгового (финансового) капитала. И уже к 1870 г. именно поэтому, российскими «торговыми людьми» завозилось в Иркутск до 110 тыс. пудов (более 18 тыс. т.) в год товара, на сумму 11, 5 млн.

рублей. По торговым документам исследованным историками, в том числе было товара: металлического — 36, 4%, мануфактурного — 13, 6%, бакалейного — 13, 6%, «колонияльного» — 9,1%, кожевенного, жирового — 9, 1%, иностранных и российских «хмельных» напитков — 9,1%, скобяного, игольного и москательного — 6,4%, галантерейного — 2, 7%. Весь поименованный ассортимент товара продавался в Иркутске, Забайкалье, Якутии, Приамурье и на побережье Тихоокеанской России [17, с. 45-46].

Первоначально Енисейская, Иркутская, Якутская и Забайкальская губернии входили в состав Восточно-Сибирского генерал-губернаторства, которое в 1887 г. стало называться Иркутским. На этом пространстве Восточно-Азиатской части Российской Империи стояло 28 городов. В Иркутске проживало более 51 тыс., в Красноярске — центре Енисейской губернии — 25; Енисейске — золотопромышленном и Минусинске — сельскохозяйственном центрах — по 10-11 тыс. жителей. В Забайкалье заметно отличались административный центр Чита и Кяхта — торговый пункт на границе России и Китая. Для сравнения, в большинстве российских городов насчитывалось от 3 до 5 тыс. жителей. А с 1882 г., во вновь созданное Приамурское генерал-губернаторство вошли территории, прилегавшие к Тихому океану, а также Забайкальская губерния. По статистике 1887 г. Енисейская губерния насчитывала 570 тыс., Иркутская — 515 тыс., Забайкальская — 672 тыс., а Якутская — 269 тыс. жителей. По переписи 1897 г., число населения Сибири достигло 7 млн. человек, однако его плотность не превышала 0,5 чел. на 1 кв. км. Из статистических отчетов того времени выделяется то, что только треть жителей приходилась на коренное население. Это был результат того, что начиная с XVII в. эту территорию постепенно заселяли выходцы из европейской части России. Первоначально мужское население из русских казаков (в 1725 г. было создано Забайкальское казачье войско, состоящее из жителей г. Албазина), основывавших остроги и деревни, составляло большинство. В XVIII в., по мере налаживания быта и укрепления семейных уз, женское и мужское население стало выравниваться [17, с. 42-44].

В первой половине XIX в. правительство Российской Империи организовало несколько экспедиций, для изучения морских границ страны. В 1849 г. Г. И. Невельской подтвердил доступность устья Амура для входа морских судов и островное положение Сахалина, отделённого от материка глубоководным проливом. По Айгуньскому договору от 28 мая 1858 г. левый берег Амура признавался российским, а правый, до реки Усури — китайским. По рекам Амур, Сунгари и Усури могли ходить только русские и китайские суда. По Пекинскому трактату от 14 ноября 1860 г. правительство Китая признало за Россией право на владение всем Приамурьем и Усурийским краем. Усть-Зейский военный пост был преобразован в город Благовещенск, а ниже по Амуру возник военный пост Хабаровка (потом г. Хабаровск) [3, с. 11].

Центр и побережье Тихоокеанской Руси связывали три вида путей сообщения. Первым из них являлись грунтовые дороги; веками основную роль в доставке товаров и людей в Сибирь играл гужевой транспорт. В 1735 г. по решению Сената, принятому двумя годами ранее, началось строительство Большого Сибирского конного тракта. Из Москвы дорога пролегла до Владимира, а затем по маршруту Пермь-Екатеринбург-Тюмень-Тобольск и далее по Томской губернии — на Ачинск, Красноярск, Канск, Нижнеудинск. И уже в середине XVIII в. тракт обслуживали 273 почтовые станции, которые ежедневно доставляли почту в Иркутск из Москвы [18, с. 55-57; 19, с. 21].

Несмотря на появление пароходов, основную роль при перевозке грузов играли небольшие суда. Судами одной навигации были барки, паузки, лодки и плоты. Товары из областей, расположенных к востоку от Тобольска и Омска до Байкала, отправлялись в европейские города России водным путём: из Семипалатинска и Омска — по Иртышу, из Томска — по Томи, Оби и Иртышу. Эти грузы «сходились» у Тобольска, от которого начиналось беспрепятственное плавание по «большим водам» Сибири. Сначала товары следовали по реке Тобол. Далее часть его шла по реке Нице и гужевым транспортом к Ирбиту; меньший груз направлялся по реке Туре, к транзитному пункту — Тюмени — для «волочения» через Урал на Каму. Тюмень была в большей мере транспортным, а не сборным и распределительным пунктом, так как река Тура являлась удобной для судоходства небольших судов. Из России в Сибирь, речным путём от Тюмени к Томску и Омску, а ещё меньше по зимнему пути, перевозились только мануфактурные, металлические, галантерейные товары, вина, машины и тому подобное. Количество их было не велико, так как потребности этой территории при дороговизне товаров были ограничены [17, с. 58-59; 19, с. 47-49].

Речные пути, второй вид путей сообщения, Западной Сибири представляли собой удобный водный путь, позволявший проходить значительные расстояния от Тюмени до Томска. Однако дальше на восток товары везли по Московскому грунтовому тракту. Основными речными путями Восточной Сибири были Енисей, судоходный на протяжении пяти-шести месяцев, Лена — семи, Ангара — девяти месяцев. Использование более длительного срока навигации на Ангаре осложнялось труднопроходимостью нижнего отрезка речного пути. Для перевозки грузов по Байкалу использовали мореходные лодки или крупные пароходы. В целях более продуктивного использования речных путей Сибири, для транспортировки грузов, научные круги обсуждали проекты широкого и интенсивного развития пароходных сообщений, в том числе сооружений шлюзовой системы, которая соединила бы бассейны Иртыша и Камы, через Уральский водораздел. Однако, в дальнейшем из проектов создания узла, объединяющего Волго-Камский, Обь-Иртышский, Ангаро-Енисейский, Амурский и Ленский бассейны в трансконтинентальную транспортную магистраль, удалось построить только Обь-Енисейскую вод-

ную систему. Благодаря сооружению канала, от озера Большое до реки Малый Касс, появлялась возможность прохождения судов из Оби в Енисей по небольшим рекам, на 200 км ниже Енисейска. С 1902 г., с вводом в действие железных дорог Сибири и Дальнего Востока, финансирование строительства каналов было прекращено [17, с. 67-70].

И 3-й вид — морские пути сообщения. Значительные объемы перевозок грузов по Сибири речным пароходством, во второй половине XIX в., достигались и благодаря значительным по товарообороту морским перевозкам. Ведь, русские поморы упорным поиском и исследованием сибирского побережья установили постоянную трассу и проложили лоцию Северного морского пути на запад и восток. И потому в 1870–80-е гг. отечественные и иностранные шхуны неоднократно успешно проходили из устья Енисея через Северный Ледовитый океан в порты г. Санкт-Петербурга [17, с. 61].

Во второй половине XIX в., купеческая инициатива, в Забайкальской, Амурской, Приамурской губерниях и южных окраинах Якутской области, перешла в руки иностранцев, чьи товары беспопытно пропускались через порты Тихого океана. Не выдержав конкуренции, большинство русских купцов на Амуре и в Южно-Уссурийском крае разорились. Доставкой морем пассажиров и грузов из Европы (через Суэцкий канал) на Дальний Восток занимались четыре крупные международные пароходные линии: Peninsular Company, Messagerie Maritimes, Ллойд немецкий и Ллойд австрийский, а также другие более мелкие компании [20, с. 2-7].

В 1880 г., с началом регулярных рейсов пароходов Русского Добровольного флота и значительным увеличением числа российских пересе-

ленцев на Дальнем Востоке, отечественные товары стали регулярно доставляться из Москвы в Одессу, а затем, морским путем, до Владивостока — торгового, интеллектуального и административного центра Южно-Уссурийского края. Путь к нему по морю занимал до 40 дней, в то время как «гужом» из Москвы по Сибири — не менее 320 дней. При доставке груза вокруг Азии и Европы через Петербург в Москву необходимо было затратить 62 дня, а маршрут из Одессы в Шанхай Русский Добровольный флот совершал всего за 37 суток. Столь значительная выгода во времени и соответственно экономия денежных средств за транзит вызвала понижение цен на российские и иностранные товары, доставлявшиеся из Одессы отечественным перевозчиком, в среднем в два раза. В силу этого, к 1891 г. товары российских торговых компаний стали преобладать на рынках Южно-Уссурийского края над другими [20, с. 20-27].

Несмотря на достаточно развитую систему доставки грузов гужевой транспорт по своей значимости занимал ведущее положение в стране, из — за своей проходимости и количества «тягла». И потому необходимо было решать вопрос комплексного подхода к перевозкам груза, что способствовало бы росту экономики в Восточно-Азиатской части империи. Уже в тот период времени становилось ясно, что необходима единая, причём государственная политика в решении данного вопроса, который являлся бы ключом к решению ряда проблем: развитие производства, рост народонаселения, добыча полезных ископаемых, строительство добывающих предприятий в Сибири и владение стратегической инициативой (геополитической) на Востоке Российской Империи. [3, с. 18-19].

Библиографический список

- Модоров Н. С., Черляков В. И. Из истории освоения русским государством правобережья Бии и прителецкой черни в XVII — первой четверти XVIII века. // МИР ЕВРАЗИИ. Горно-Алтайский государственный университет, 2008. № 1(1).
- Детская Энциклопедия. Том I. Земля. М., Издательство Академии Педагогических Наук РСФСР, 1958.
- Тарасова В. Н., Наговицын В. С. Транссибирская и Байкал-Амурская магистрали — мост между прошлым и будущим России. М., Издательство Центра «Транспорт», 2005.
- Кожин В. В. Россия. Век XX. М., Алгоритм, Эксмо, 2008.
- Малахова-Полякова О. В., Модоров Н. С. Закрепление Русского государства в Верхнем Приобье в XVII — первой половине XVIII века. // МИР ЕВРАЗИИ. Горно-Алтайский государственный университет. 2009. № 4(7).
- Паклин М. И. О некоторых аспектах развития скотоводства у русских крестьян Алтайского горного округа во второй половине XIX века. // МИР ЕВРАЗИИ. Горно-Алтайский государственный университет. 2009. № 4(7).
- Краевое государственное казенное учреждение «Государственный архив Алтайского края» (КГАК) Ф. 164. Оп. 1. Д. 166.
- КГКУ «ГААК» Ф. 50. Оп. 11. Д. 2.
- КГКУ «ГААК» Ф. 1. Оп. 1. Д. 45.
- КГКУ «ГААК» Ф. 26. Оп. 1. Д. 182.
- Сергеев А. Д. Духовному правлению быть в Барнауле // Алтай. 1995. № 3.
- Сборник тематических статей Института всеобщей истории РАН. Россия в середине XIX века (1825 — 1855 гг). Сост. М. Копыанова М., ОЛМА Медиа Групп, 2010.
- Адлыкова А. П. Из истории основания Чулышманского Благовещенского мужского монастыря // МИР ЕВРАЗИИ. Горно-Алтайский государственный университет, 2008. № 1(1).
- ТРИ ВЕКА. Россия от Смуты до нашего времени в 6-и т. Исторический сборник под редакцией В. В. Каллаша. Т. 6. XIX век, вторая половина. М., Юнвес, 2006.
- Никольский Н. М. История русской церкви. М., Мысль, 1988.
- Литягина А. В. Ценностные ориентации и социальные нормы горожан Западной Сибири (вторая половина XIX — начало XX в.): монография Барнаул, издательство Алтайского государственного университета, 2010.
- Железнодорожный транспорт Восточной Сибири из XIX в XXI век: К 100-летию Транссибирской магистрали: в 2 т. Статистические, финансовые, технические и торговые отчеты, распоряжения и пояснительные записки. Т. 1: 1837 — 1941 гг. Иркутск, Издательство Облмашинформ, 2001.
- Сигалов М. Р. Железнодорожное строительство в практике хозяйственного освоения Сибири. Новосибирск, Транспорт, 1988.
- Субботин А. П. Торговые сообщения в Восточной России и Сибири. Материалы, документы, аналитические отчеты комиссии по торговле и промышленности (в

связи с вопросом о направлении Сибирской железной дороги). СПб., 1885.

20. Краевский Г. Мировая транзитная железная дорога. Иркутск, типография «Печатное дело», 1898.

Алтайская государственная академия образования им. В. М. Шукшина (АГАО), г. Бийск
Получено 23.05.2013

S. N. Girenok, R. W. Mezentssev

THE MOVEMENT OF THE RUSSIAN STATE TO THE PACIFIC OCEAN AND THE PROCESS OF RELIGIOUSLY-ECONOMIC DEVELOPMENT SIBERIA, TRADE ROUTES MESSAGES WITH THE CENTER (XVI-XIX CENTURIES)

In the article, on the basis of the analysis of published researchers of materials and archive documents entered в научный turnover aims to elucidate the process of movement of the Russian state on the Pacific coast.

Tsar Ivan I, Siberia, Christianization, Railways, Irkutsk

УДК 94

В. Г. Дацышен

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.

В работе нашли отражение вопросы, связанные с организацией востоковедческого направления в академии наук Санкт-Петербурга

история, католические миссионеры, востоковедение, М.В. Ломоносов

Начало научного изучения истории Центральной и Восточной Азии в России относится к XVIII в. С этого же времени начинается история Санкт-Петербургской Императорской Академии Наук, учрежденной указом Петра I в 1724 г.

К началу XVIII в. уже был накоплен опыт прямых отношений между Русским государством и его новыми восточными соседями на южных границах Сибири. Возникшая к концу XVII в. необходимость качественно нового уровня знаний о соседях совпала со временем формирования академической науки в России. Здесь нелишне отметить, что в начале XVIII в. Россия демонстративно «повернулась спиной» к своему евразийскому культурному наследию, но реалии европейской культуры создавали необходимость развития востоковедения в стране, отчасти и без прямой связи с вытекающими из ее соседства с азиатскими странами.

Русские служилые и торговые люди успешно изучали страны и народы Центральной и Восточной Азии с самого начала XVII в. Однако предшественницей российской академической востоковедения следует считать деятельность европейцев на русской дипломатической службе. Первые труды по истории Центральной и Восточной Азии принадлежат российским представителям в Цинской империи. В архивах сохранилась работа, приписываемая Н. Г. Милеску-Спафарию «История о Китайском государстве, а именно о начале онаго, сколько имеется под владением онаго других государств... О китайских царях... Списана с рукописной истории, которая сочинена... от Рождества Христова 1678 году» [1]. Н. Г. Спафарию приписывается «Описание первой части вселенной, именуемой Азией...» [2]. Первая глава руко-

писи называется: «Когда началось царство китайское, и сколько их родостовий...». Н. Г. Спафарий был не просто образованным человеком, учившимся в Константинополе и в Италии, а являл собой образец европейского ученого-энциклопедиста и православного мыслителя. Работа Н. Г. Спафария написана на материалах исследований западно-европейских миссионеров, а основу ее составил перевод полученной в Пекине от иезуита Ф. Вербиста (Verbist) работы иезуита М. Мартини (Martini) «Novus Atlas Sinensis» (1655). В своих работах Н. Г. Спафарий представил и собственные суждения. Например, в тексте «описания первой части вселенной, именуемой Азией» он рассматривал «Никанское царство» как специфическое имя «Старого Китая», где было распространено христианство, завоевание же Китая «богдоями» являлось «божьей карой» за отступление от веры. Н. Г. Спафарий считал, что «...с помощью Божьей и царского величества счастьем скорым временем в Китае будет православие греческое...» [3].

Свой вклад в изучение истории внес и другой известный российский представитель в Цинской империи — Лоренц Ланге (Lange). Исследователи отмечают «сочинение Ланга о Китае — одной из ранних попыток дипломатического представителя России по выяснению прошлого, а также состояния этой страны в начале XVIII в.» [4]. Первая глава сочинения Л. Ланге была посвящена происхождению Китайского государства и названия Китая. История страны, в работе российского дипломата начиналась с трех легендарных императоров и определялась в 4415 лет, и за это время в стране сменилось 253 «императора». Кроме того, в рабо-

те выделялась отдельная, седьмая, глава «о том, как нынешние татары овладели Китайским государством» [4]. Последние главы были посвящены деятельности католических миссионеров, с историческими сюжетами по этой проблематике. Необходимо отметить, что работы Л. Ланге на русский язык не переводились, но это не было препятствием для знакомства с ними для образованных представителей российской элиты. Таким образом, российские дипломатические представители в Пекине уже в начале XVIII в. познакомили русскую элиту с основами китайской истории.

С начала XVIII в. в России стала формироваться академическая наука, ставшая фундаментом, в том числе и для российского научного востоковедения. Сложившиеся стандарты западноевропейской академической науки требовали учреждения в рамках Санкт-Петербургской Академии Наук научного востоковедения. Специально для этого в Россию был приглашен из Кенигсберга воспитанник Лейпцигского университета Г. З. Байер (Baeyer). Этот немецкий ученый в 1725 г. занял должность профессора греческих и римских древностей Академии наук, а 1734 г. Г. З. Байер стал профессором восточных языков. В столице Российской империи профессором Байером в 1729—1730 гг. была издана первая в Европе «Хинейская грамматика», кроме того, был составлен китайско-латинский словарь. В 1730 г. в Петербурге был издан главный труд Г. З. Байера по востоковедению — «Monumentum Sinicum» (исторический обзор европейских трудов по синологии; грамматика, словарь, данные о мерах и весах). Несмотря на множество недостатков, этот труд был новым шагом в научном китаеведении. Г. З. Байер работал в России до 1738 г., но так и не выучил русского языка. Тем не менее, вклад немецкого ученого на русской службе в будущее науки и популяризации китайской истории был немаловажным. В числе достижений необходимо отметить, что издание Г. З. Байером в Санкт-Петербурге текстов с использованием китайских знаков явилось первым опытом печати иероглифов в Европе.

Одновременно с немцем Г. З. Байером в Санкт-Петербурге при Академии наук работал и китаец Чжу Гэ. Привезен он был из Тобольска в 1734 г., крещен в 1736 г. под именем Федор Джога. С 1738 г. этот китаец начал преподавать китайский язык, сначала в Санкт-Петербурге, а затем — в Москве. Но Федор Джога, как и Г. З. Байер, не стал основателем российского китаеведения, и после возвращения из Пекина первых русских сиологов, он был отстранен от преподавания китайского языка.

После ухода Г.З. Байера, в Академии наук не осталось китаеведов, хотя есть указания, что в 1739 г. академиком Санкт-Петербургской Академии стал живший в Пекине иезуит знаменитый французский синолог А. Гобиль (Gaubil). Но Академия наук и без своих сиологов-академиков оставалась главным учреждением, в рамках которой решались вопросы изучения истории Китая. Например, согласно «Списку именному академическим служителям» за 1 мая 1748 г., в штате Академии наук были: «прапорщик Л. Розсохин,

ученики кит. и маньч. языков Л. Савельев, С. Корелин, Я. Волков» [5]. В марте 1756 г. Сенат отправил в Академию наук приобретенный в Пекине многотомный труд китайских историков первой половины XVIII в. для перевода на русский язык. Академики М.В. Ломоносов, И.Д. Шумахер, И. Штелин и И. Тауберт были ответственными за организацию и содержание работ по переводу «Китайской истории» [6].

Изучение истории Центральной и Восточной Азии в России шло одновременно со становлением современной исторической науки. Более того, так случилось, что именно история и китайский язык по факту оказались в основе академической науки на этапе ее становления. Это отметил еще М. В. Ломоносов, писавший в «Рассуждении о академическом регламенте и статье»: «3) Ректором Университета положен историограф, то есть Миллер, затем что он тогда был старший профессор... И если б Миллер был юрист или стихотворец, то, конечно, и в статье ректором был бы назначен юрист или стихотворец. 4) Историографу придан переводчик китайского и маньчжурского языков, то есть Ларион Россохин. Однако если бы Россохин вместо китайского и маньчжурского языков знал, например, персидский и татарский, то бы, конечно, в статье положен был бы при историографе переводчик персидского и татарского языка» [7].

Говоря о начальном этапе становления науки в России, можно отметить, что российская археология началась с работ Д. Г. Мессершмидта (Messerschmidt) в Южной Сибири. В свою первую экспедицию родоначальник российской археологии выехал в составе свиты посланника в Китай князя Л. В. Измайлова. Один из «отцов-основателей» российской исторической науки Г. Ф. Миллер (Muller) написал и опубликовал свое «Описание Сибирского царства» одновременно с «Историей Российской» М. В. Ломоносова, почти за 70 лет до выхода в свет «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Современники высоко оценивали значение собранных Г. Ф. Миллером «рукописных китайских известий». Вообще, «отца сибирской истории» можно считать непосредственным куратором всего российского востоковедения середины XVIII в. Например, в документах отмечается, 31 января 1757 г. был «Оглашен приказ об освидетельствовании перевода китайской книги “О происхождении и нынешнем состоянии народа манджур”, сделанного Л. К. Россохиным. Миллер взял это на себя» [8]. Совместная работа «отца Сибирской истории» и первого русского китаеведа в стенах Академии наук была не случайной. Как раз в 1748 г. в связи с возникшими в работе над «Историей Сибири» противоречиями между Г. Ф. Миллером и И. Э. Фишером (Fischer) в Академии наук было создано особое Историческое собрание для координации работы всех гуманитариев. В ее состав кроме выше названных историков вошли и другие ученые, в том числе и М. В. Ломоносов. Именно в ведение Исторического собрания были переданы академический Университет и Гимназия.

В 1755 г. Санкт-Петербургская Академия Наук приступила изданию первого в России научно-по-

пулярного журнала «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие». Одним из инициаторов этого издания был М. В. Ломоносов, редактировал журнал Г. Ф. Миллер. В данном журнале в 1750-х гг. были опубликованы первые статьи российских авторов, касающиеся истории Азии, такие как «О разных именах Китайского Государства» И. Э. Фишера и «История о странах, при реке Амуре лежащих» Г. Ф. Миллера.

Санкт-Петербургская Академия Наук с первых дней своего существования собирала привезенные русскими востоковедами книги, целенаправленно формировала азиатскую библиотеку. Первые китайские, монгольские и маньчжурские книги были привезены в Санкт-Петербург, вероятно, в 1730 г. находившимся на русской службе шведом Л. Лангом из его третьей поездки в Китай [9]. Еще в XVIII в. исследователи отметили: «...Лоренц, бывший российским резидентом при китайском дворе, привез в 1730 году из Пекина от езуитских миссионеров, числом 82 тетради в 8 папках» [10]. Правда, в одном из первых исследований по истории русского востоковедения говорилось: «С самого основания С. Петербургской Академии Наук библиотека ее имела уже небольшое собрание Азиатских рукописей и до 2800 (возможно опечатка — В. Д.) книг на Китайском языке» [11]. Исследователи полагают, что в первой партии привезенных из Пекина в Санкт-Петербург книг были только словари, книги по истории нигде не упоминаются. Тем не менее, в начале XVIII в. уже было положено начало коллекции книг на китайском, монгольском и маньчжурском языках в библиотеке Академии наук. Затем библиотека приобретала книги у возвращавших из Пекина миссионеров и учеников Духовной миссии.

В Академии Наук велась целенаправленная работа по сбору книг по истории Азии. Например, в инструкции «каравану в Пекин» под руководством Ф. Л. Еллагича от 3 апреля 1753 г. предписывалось найти и закупить в Китае отсутствующие в академической библиотеке «исторические и философские книги» [5]. Исследователь В.П. Таранович писал: «Из лиц, оказавших Академии Наук значительную услугу в деле пополнения ее музейного и библиографического фондов китайскими книгами... следует отметить Франца Луку Еллагича ((Franz Lukas Jellatscitsch)...» [12]. В 1753 г. Ф. Л. Еллагича вторично отправили в Пекин в составе торгового каравана с заданием: «1) Купить китайские философские и исторические книги, которых в библиотеке нет и о коих китайского языка переводчик известие подать может» [12]. Основной список необходимой для Санкт-Петербургской Академии наук литературы сформировал переводчик И. К. Росохин. Кроме того, в отдельной инструкции Академии Наук за подписью Шумахера была дана «роспись выписанным из каталогу Парижской библиотеки китайским книгам, которые из Китая в СПб. Имп. Библиотеку достать должно», в этом списке было 72 номера. Выполняя эти поручения, Еллагич купил в Пекине 123 экземпляра книг (51 название) различной тематики, в числе которых было 56 экземпляров (15 названий) книг исторических [12].

Говоря о вкладе Академии Наук в дело изучения истории Азии, необходимо отметить и тот факт, что, будучи центром научного востоковедения, Санкт-Петербургская Академия Наук в XVIII в. сама сдерживала развитие исследований. Когда в мае 1748 г. указом императрицы Елизаветы Петровны еще один китаевед, И. Быков, был причислен к Академии Наук, то от академиков последовала просьба «определить к иной службе» [5], этого молодого китаеведа. Еще раньше, в 1742 г. вышел указ Елизаветы Петровны «О невозможности содержать при АН одновременно Россохина и Джюги» [5]. Против такого отношения выступали многие ученые, например, М. В. Ломоносов в своей «Записке о необходимости преобразования Академии наук», утверждает: «хотя по соседству не токмо профессору, но и целой Ориентальной академии быть бы полезно» [7]. Но стоявшие у руководства Академии наук немецкие ученые «не пропускали» русских синологов на более высокие ступени в официальной русской науке. Никто из русских востоковедов, даже из числа получивших признание в научном мире Западной Европы, в XVIII в. не попал в число академиков у себя на родине.

В начале XIX в. были проведены реформы академической науки и университетского образования в России. В 1803 г. был принят новый «регламент» (устав) Академии Наук, в ведение главного научного учреждения этим уставом были возвращены и гуманитарные науки, в числе которых была названа история. «Регламентом» Академии Наук от 30 января 1830 г. выделялся класс «исторических и политических наук», в числе которых отдельно была названа «история и словесность азиатских народов» [13]. Еще раньше, в 1818 г. Комитет министров выпустил приказ «О необходимости устроить с 1 января 1819 г. при Кунсткамере Академии особое отделение для медалей, рукописей и книг восточных под названием Восточного кабинета и хранителем оного определить академика Френа» [5].

Становление академического востоковедения на этом этапе истории Академии Наук проходило в сложных условиях. Историки пишут: «На основе устава 1803 г., разрешавшего дополнять список наук, составлявших предмет занятий Академии, в эти годы была образована кафедра по восточным языкам и словесности... На кафедру восточных языков и словесности в 1804 г. был избран адъюнктом Ю. Г. Клапрот (Klaproth), приехавший в Россию, чтобы заняться изучением Востока... в 1811 г. он уехал за границу, увезя с собой многие собранные им материалы, а также некоторые рукописи и карты XVIII в., взятые им из Академии... продал в Национальную библиотеку в Париже... В 1817 г. Ю. Г. Клапрот был единодушно исключен из членов Академии наук... Таким образом, с 1811 г. представителя по востоковедению в Академии Наук совсем не осталось...» [13].

Через некоторое время академическое востоковедение в России было восстановлено. В 1817 г. в Санкт-Петербурге остался работать известный немецкий востоковед Х. Д. Френ (Frahm). Общепринятым считается тот факт, что с созданием по

его инициативе в 1818 г. Азиатского музея «в Академии наук возникло научное востоковедение» [13]. В том же, 1818 г., в Академию Наук был назначен новый президент — граф С. С. Уваров. Широкую известность этому государственному деятелю принес опубликованный еще в 1810 г. проект создания Восточной Академии в России, который, правда, не был реализован.

Говоря о развитии академического востоковедения в России в начале XIX в. необходимо упомянуть посольство в Китай графа Ю. А. Головкина, при котором ехала группа ученых от Академии Наук. Один из участников экспедиции Ф. Ф. Шуберт в характеристике главы ученой части этого посольства И. О. Потоцкого отметил: «Главным предметом его исследований была древняя история, а именно самая сухая материя — история скифов, о которых он писал и издал ценные труды» [14]. Почти все ученые в посольстве Ю. А. Головкина имели известность и как историки. В воспоминаниях Ф. Ф. Шуберта говорится: «посольство сопровождал также адъютант Клапрот, сын знаменитого химика, который понимал китайский, так же как и многие другие восточные языки или утверждал, что понимает, и который позднее приобрел известность как синолог и историк...» [14]. Сам Ю. А. Головкин и некоторые члены его посольства при подготовке к поездке в Китай знакомились с литературой и архивными документами по истории Китая и русско-китайских отношений. В Национальном архиве Республики Татарстан сохранилась «Выписка из журнала Главного правления училищ о посещении Иркутской гимназии 22 февраля 1806 г., представителями русского посольства в Китае» [15], где члены посольства Ю. А. Головкина смотрели «росписи китайских книг».

Развитию востоковедения в России способствовало то, что в штате Академии Наук всегда были специальные места для исследователей Азии. Например, штатом от 1830 г. выделялось две единицы ординарных академиков «для истории и словесности азиатских народов». Далее штат постоянно расширялся. Например, в 1857 г. в Отделении было уже пять штатных единиц действительных членов Академии Наук «для истории и словесности азиатских народов (семитов, индо-персов, армян, грузинцев, китайцев, тибетцев, маньчжуров, монголов и тюрков)» [5].

Развитие академического востоковедения, в том числе изучение истории Восточной Азии, в первой половине XIX в. было тесно связано как с миссионерской деятельностью, так и с необходимостью изучения восточных народов России. Показательным является случай приема в Академию наук монголооведа Я. И. Шмидта. Работая по коммерческой части с калмыками и переводивший по заданию Библейского общества «Новый Завет» на калмыцкий и монгольский языки, этот немецкий эмигрант стал крупнейшим в мире специалистом по истории и культуре монгольских народов. Уже в 1825 г. Г. И. Спасский опубликовал в своем журнале «Азиатский вестник» работу «Выписки из Монгольской Истории, сочиненной Сыцын-Сананн Тайджеею». В примечании

говорилось: «Находящийся при Российском Библейском Обществе Г. Шмидт переводит сию Историю. Подлинник сей Истории писан на Монгольском языке и называется Монгол Хадон Тагуджи» [16]. В опубликованной работе раскрывались и различные вопросы истории Китая, такие как: «Об изгнании Монголов из Китая».

Царским указом от 11 марта 1829 г. доктор философии Я. И. Шмидт, представивший доклад «Об истории восточных монголов и царствующего дома», был утвержден адъюнктом Академии Наук [5]. В течение нескольких лет профессор Я. И. Шмидт поэтапно прошел все «ступеньки» академика «по части истории и словесности азиатских народов». Как писал известный востоковед и один из основателей Русского Археологического общества П. С. Савельев, академик Я. И. Шмидт перевел и издал «единственную известную (на тот момент — В. Д.) “Монгольскую Историю”, Санан-Сэцэна» [17].

К середине XIX в. в число академиков по части истории и словесности азиатских народов были утверждены несколько востоковедов. Среди них были специалисты, в том числе по Монголии и Тибету. В Академии Наук существовал так же институт корреспондентов. В 1810 г. членом-корреспондентом по разряду восточной словесности и древностей был избран известный исследователь и общественный деятель, собиратель азиатских древностей Г. И. Спасский. Этот ученый в 1825 г. в Санкт-Петербурге начал издавать журнал «Азиатский вестник», что стало важной вехой в истории русского востоковедения. Издание это было не академическим, печаталось в не имеющей отношения к науке типографии. Однако журнал знакомил русскую общественность с зарубежным востоковедением, с деятельностью «Азиатских обществ» в Калькутте, Париже и Лондоне, давал библиографические обзоры, публиковал различные исследования по истории стран Центральной и Восточной Азии и проч. Много места в журнале отводилось публикациям переводов работ западноевропейских востоковедов. Следует иметь в виду, что Г. И. Спасский в начале 1820-х гг. установил связи и переписывался с создателем кафедры китайско-маньчжурско-татарских языков и литератур в Коллеж де Франс — Ж. П. Абелем-Ремюза (Abel-Remusat).

Много внимания издателем уделялось Тибету и Монголии. Уже в первых номерах было опубликовано «Краткое описание Тибета» в переводе с английского. В ней были материалы и по истории: «История. Мирское правительство Тибета не всегда находилось во власти Ламы: мы видим, что в 1624 году страна сия была управляема светским Государем... В 1642 году Далай-Лама отправил посланников к Тзонгту (Шунь-Дж), первому Китайскому Императору нынешней Маньчжурской династии, отдался под его покровительство и платил ему дань... В 1663 году Император Канхи, желая почтить Типу, или министра Далай-Ламы, наименовал его Князем и даровал ему золотую печать... В 1702 году горцы Нипаульские напали на Тибет и опустошили его ... Китайцы в то же время разставили войска на гра-

ницах Тибета...» [18]. В 1825 г. в «Азиатском вестнике» была опубликована работа, обобщающая весь опыт отечественного востоковедения — «О состоянии Восточной Словесности в России» [11]. Это было первое исследование в России по данной теме, и его научная ценность сохранялась, по крайней мере, до середины XX в.

Особого внимания заслуживает публикация в журнале перевода с французского языка выдержек из написанной и изданной в Париже книги известного немецкого историка и ориенталиста Ю. Клапрота (Klaproth), под названием «Рассмотрение Историков Азиатских». В начале работы говорится: «История древних народов разделяется на три главные отрасли: 1) на Мифологию, которая заключает в себе часть истины, облаченной непроницаемым покровом басен и аллегорий... 2) на Историю сомнительную, в которой происшествия, по крайней мере, вероятны... 3) на Историю достоверную, в которой происшествия истинны, хронология не подвержена ни малейшему сомнению и может поверена быть синхронистическим образом. Сия История начинается очень поздно у большей части народов Азии...» [19]. Специальный раздел работы Ю. Клапрота был посвящен Китаю: «окруженный с востока и с юга бурным морем... кажется с первого взгляда совершенно отчужденным от всех исторических происшествий человеческого рода; но каким удивлением будет поражен ученый, когда сверх чаяний своего, откроет в сей земле источники, проливающие свет на важные происшествия в Европе... желая проникнуть в древность самую отдаленную, ученые и невежды старались воспользоваться Историею Китайцев, как самого древнего народа, не зная в чем состоит она. Я полагаю, что сей предмет должно исследовать несколько подробнее...» [19]. Таким образом, Г. И. Спасский в 1825 г. не побоялся познакомить русскую общественность с новой и одной из самых передовых работ по истории Азии, принадлежавшей перу работавшего некоторое время в Санкт-Петербурге и оставившего после себя не лучшую память в России академика Ю. Клапрота.

Одним из важнейших направлений академического востоковедения в первой половине XIX в. было формирование коллекций исторической литературы и китаеведческих документов. В 1818 г. служившие в МИДе китаеведы П. И. Каменский вместе с С. В. Липовцовым составили каталог китайских и японских книг, которые Академия наук передавала Азиатскому музею. Один из первых исследователей русского востоковедения А. Ф. Рихтер писал в 1825 г. о библиотеке Академии Наук: «Недавно она приобрела богатое приращение и ныне в библиотеке сей отделения Китайских, Монгольских и Манжурских книг есть, едва ли не первое в Европе» [11]. Здесь необходимо отметить, часть приобретенных миссионерами в Пекине книг и рукописей оставалась в библиотеке Азиатского департамента МИД, которой Пекинская миссия напрямую подчинялась. Многие книги оставались в частных коллекциях исследователей. В предисловии к публикации летописи «Алтан-Тобчи», например, говорится: «Она

отыскана членами нашей духовной миссии в Пекине и привезена в Россию в двух списках: один находится в библиотеке Азиатского Департамента министерства иностранных дел, другой у профессора О. М. Ковалевского, в Казани» [20].

Особенно активно занимался комплектованием книжных коллекций П. Л. Шиллинг, избранный в 1828 г. членом-корреспондентом Академии Наук по разряду литературы и древностей Востока. Его трудами формировалась и коллекция китайской исторической литературы. Например, в числе книг, выкупленных П. Л. Шиллингом из библиотеки иркутского китаеведа А. Парышева для Азиатского музея, были: «№1. Гу-вень Ювань Гиянь битхе, полное собрание древностей извлеченное из Истории Китайской, Манжурской императором Канси, всего 64 тетради на Манжурском языке печатные. 2. Полное собрание древностей на Китайском языке 63 тетради...» [21]. Врач XI Пекинской миссии П. Е. Кириллов в своем послании П. Л. Шиллингу писал: «прошу... принять и гостинец китайский: шесть томов в императорском переплете на монгольском языке истории монгольских и татарских князей» [22].

В конце 1819 г. в истории отечественной гуманитарной науки состоялось знаковое событие, 3 ноября было принято Постановление общего собрания Академии наук об избрании в члены-корреспондентами первых синологов — П. И. Каменского и С. В. Липовцова. Десять лет спустя этой же чести был удостоен еще один русский китаевед — архимандрит Иакинф (Бичурин). Иакинф (Бичурин) свое последнее исследование «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» [23] писал по заданию Академии Наук, поступившему в 1846 г. Говоря о развитии академического востоковедения, необходимо отметить, свою роль в деле изучения истории Китая в первой половине XIX в. сыграла и Российская Академия, выполнявшая до вхождения в 1841 г. в состав Санкт-Петербургской Академии наук роль центра русской науки и культуры. В частности, именно в рамках этой Академии в 1816—1819 гг. готовился к печати перевод «Китайской истории» С. В. Липовцова. Таким образом, более чем через пол-века после первых крупных и передовых для своего времени китаеведческих работ русских исследователей, санкт-петербургские академики это официально признали. Опубликованные и сохранившиеся в рукописях переводные и аналитические работы архимандрита Петра (Каменского), С. В. Липовцова и архимандрита Иакинфа (Бичурина) сделали Санкт-Петербургскую академию наук центром европейского востоковедения, вывели на качественно новый уровень изучение истории народов Центральной и Восточной Азии.

Таким образом, в XVIII — первой половине XIX в. Санкт-Петербургская Академия Наук была в числе главных организаторов исследований и заказчиков историко-востоковедных исследований. Российское востоковедение явилось одной из основ отечественной академической науки в период ее становления.

Библиографический список

- Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. — М., 1977. С. 398.
- Спафарий Н.Г. Описание первья части вселенныя именуемой Азии, к ней же состоит Китайское государство с прочми его города и провинции. Церковно-славянский текст рукописи, принадлежащей Ф.Т. Васильеву, с биографией Н.Г. Спафария, выписанной А.И. Яцимирским, с описанием рукописи, сделанных А. А. и с предисловием и указателем Н.Ф. Катанова. — Казань, 1910.
- Соколов В.Н. Образ «христианского царства» на крайнем Востоке в европейской картографии XIV — XVIII вв. // Китайский благовестник. — 2000. — № 2.
- Шафрановская Т.К. Путешествие Лоренца Ланга в 1715-1716 гг. в Пекин и его дневник. // Страны и народы Востока. Вып. II. — М., 1961. С. 200.
- Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. — 1917 г.). — СПб., 1993. С. 71.
- Овчинников Р.В. «Рапорт» М. В. Ломоносова и других академиков в сенат о переводе «Истории Китайского государства» // Исторический архив. — 1961. — № 6. С. 234-235.
- Ломоносов М.В. Избранные произведения. В 2- томах. Т.2. История. Филология. Поэзия. — М., 1986. С. 344.
- Летопись Российской Академии наук Т.1. 1724-1802. Отв. ред. Н.И. Невская. — СПб., 2000. С. 445.
- Пан Т.А. Маньчжурские письменные памятники по истории и культуре империи Цин XVII-XVIII вв. — СПб., 2006. С. 15.
- Шафрановская Т.К., Шафрановский К.И. Приобретение в начале XVIII в. китайских книг российским резидентом в Китае Лоренцом Лангом // Страны и народы Востока. Вып. I. — М., 1959. С. 295.
- Рихтер А. Р. О состоянии Восточной Словесности в России // Азиатский вестник — 1825. — №8. С. 85.
- Таранович В.П. Научная переписка Санкт-Петербургской Академии наук с иезуитами, проживавшими в Пекине в XVIII веке // Пан Т.А., Шаталов О.В. Архивные материалы по истории западноевропейского и русского китаеведения. — СПб. — Воронеж, 2004. С. 44.
- Комков Г.Д., Левшиц Б.В., Семенов Л.К. Академия наук СССР. Т. 1. Изд. 2-е. — М., 1977. С. 156.
- Козырева М. Посольство графа Ю.А. Головкина в Китай в 1805 году. Из воспоминаний генерала от инфантерии Ф. Ф. Шуберта //http://www.peter-club.spb.ru/1703-2003/kosureva1.html
- Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 92. Оп. 1. Д. 3.
- Шмидт Выписки из Монгольской Истории, сочиненной Сыцын-Сананн Тайджю // Азиатский вестник. — 1825. — №6. С. 381.
- Гомбоев Алтан-Тобчи. Монгольская летопись, в подлинном тексте и переводе, с приложением калмыцкого текста Истории Убаши-Хунтайджия и его войны с Ойратами; перевод ламы Галеана Гомбоева // Труды Восточного отделения Императорского Археологического общества. Ч.6. — СПб., 1858. С. V.
- Келли. Краткое описание Тибета. Пер. Ф. Сазонович. // Азиатский вестник. — 1825. — №2. С. 91-95.
- Клапрот Рассмотрение Историков Азиатских // Азиатский вестник. — 1825. — №3. С. 151-152.
- Савельев П.С. Предисловие // Алтан-Тобчи. Монгольская летопись, в подлинном тексте и переводе, с приложением калмыцкого текста Истории Убаши-Хунтайджия и его войны с Ойратами; перевод ламы Галеана Гомбоева / Труды Восточного отделения Императорского Археологического общества. Ч.6. — СПб., 1858. С. V-VI.
- Яхонтов К.С. Китайские и маньчжурские книги в Иркутске. — СПб., 1994. С. 16.
- Чугуевский Л.И. Шиллинг Павел Львович [Обозрение фонда №56 Архива востоковедов СПбФ ИВ РАН]. // Письменные памятники Востока. — 2006. — №1. С. 259.
- Бичурин Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В трех частях с картою на трех больших листах. Сочинение монаха Иакинфа. Ч.1. — СПб., 1851.

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск
Получено 27.05.2013

V. G. Datsyshen

THE STUDY OF THE HISTORY OF CENTRAL AND EASTERN ASIA IN ST. PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES IN THE XVIII — FIRST HALF XIX CENTURIES

In the work of the tabbed reflection of the issues related to the востоковедческого directions of the Academy of Sciences of St. Petersburg.

history, Catholic missionaries, Oriental studies, M.V. Lomonosov

УДК 94

В. Г. Дацышен., Н. С. Модоров

РАСШИРЕНИЕ МАНЬЧЖУРСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII В. МАНЬЧЖУРО-КОРЕЙСКАЯ ВОЙНА 1636-1637 ГГ.

В статье, на основе опубликованных зарубежных источников, выявленных в научных библиотека Института востоковедения РАН и Института российской истории РАН, предпринята попытка проанализировать и показать становление и расширение Маньчжурского государства, его взаимоотношения с соседями в первой трети XVII века.

Центральная Азия, чжурчженьские племена, усиление маньчжуров, внешнеполитические отношения народов, «вассалы», даннические отношения, Маньчжурского государство, Минский Китай, Корея, маньчжуро-корейская война

Укрепление социально-экономического положения, внутривластная стабильность, рост населения, расцвет науки и культуры, успехи на международной арене всегда составляло вершину чаяний правительства любого государства. И Китай в этом плане не составлял исключения. Таким временем для него был, бесспорно, период, охвативший вторую половину XVII — начало XVIII вв. Именно в это время он добился наивысших успехов во внешней политике, в территориальном росте и т.д.

Эти успехи во внешней политике были обусловлены как талантом маньчжурских политиков и военачальников, энергией всего маньчжурского общества, так и огромным экономическим и культурным потенциалом маньчжурского государства. Всё это вместе взятое и обеспечило ему победу над противниками на всех направлениях.

Эпоха завоевательных войн маньчжуров началась, как принято считать, с похода в Корею в 1618 г. Это её европейское название произошло от «Корё», т.е. от названия государства и династии, существовавшей в X—XIV вв. Со времени господства династии «Ли», государство было переименовано в «Чосон» (по-китайски — «Чаосянь»). Однако, справедливости ради, отметим, что объектом их агрессивной дипломатии она стала ещё до того, как к власти пришла династия Цин.

Как известно, уже при Нурхади, когда маньчжурское государство — только ещё сформировавшееся — начало войну с Минской династией и оно уже тогда пыталось оказать давление на Корею и заставить её разорвать союзные отношения с Китаем. Но добиться этого маньчжурам тогда не удалось. Более того, с конца XIV в., когда к власти в Корее пришла династия «Ли» (правила в стране 1392 по 1910 г. — *Авт.*), между последней и Китаем установились мирные и дружественные отношения, переросшие во времена японо-корейской (или «имджинской» — *Авт.*) войны (1592—1598 гг.) в военный союз. Помощь, оказанная Китаем Корее в этой войне, ещё более укрепила китайско-корейские связи.

Забегая немного вперед, скажем, что такую же помощь оказал Корея Китаю и через 20 лет, когда маньчжурские ханы развяжут войну «за захват Ляодуна». Тогда она пошлет ему 13-тысячную армию во главе с Кан Хоннипом [1, с. 335]. Однако совместные действия союзников не увенчались успехом: минские войска были разбиты, а корейские, понеся большие потери, сначала прекратили (в апреле 1619 г. — *Авт.*) борьбу, а потом и вовсе сдались маньчжурам. В ходе переговоров с командованием последних, корейский парламент так объяснил участие корейцев на стороне Китая: «Мы прибыли сюда не по своему желанию. Прежде, когда японцы вторглись в наше государство, захватили наши города, заняли нашу территорию и создали опасное положение, мы, благодаря помощи, оказанной нам [Китаем], заставили японские войска отступить. Ныне, чтобы отблагодарить за благодеяние [мы] получили приказ прибыть сюда. Вы умиротворили нас, и мы должны перейти на [Вашу] сторону» [2, гл. 6, л. 136-14а].

Похоже, этот эпизод показал Нурхади «способ» как можно «перетянуть» Корею на свою сторону, лишив, таким образом, Минскую династию своего давнего союзника. И маньчжурский правитель начал активное дипломатическое «наступление» на Корею. Первым делом он отправил на родину командующего корейскими войсками и их командиров, добровольно сдавшихся маньчжурам. Затем были направлены в Корею два маньчжурских чиновника с его письмом к корейскому правителю, главная цель которого состояла в «возбуждении у последнего недовольства» Минской империей. «Корея, — писал Нурхади в своём послании, — помогла Минам войсками. Мы знаем, что это — не по Вашему желанию, что [Вы] не могли поступить иначе. К тому же, Мины никогда не помогали Вам в войне с японцами. Поэтому [Вы] отблагодарили их за такое благодеяние, приняв участие [в войне с нами] [2, гл. 6, л. 16а]. Далее, автор письма, не без замысла, вопрошал: «Разве допустимо, чтобы существовало только великое государство, а малое — целиком погибало? Мин является великой страной... [поэтому] ведет себя разнузданно, усиливает жестокость и несправедливость, угнетает [другие] государства и приносит им бедствия. Разве ван (в данном случае — король — *Авт.*) не знает об этом? Мы слышаны о намерениях минского правителя... Он желает, чтобы его сыновья управляли нами, маньчжурами, и твоей Кореей, что поистине опозорит оба наших государства. Ван должен сказать о своих намерениях. [Поскольку] оба наших государства не враждуют, [то] будете ли с нами строить планы, как отомстить Минам, либо, коль скоро вы помогали Минам, не оставите их? Об этом сообщите нам» [2, гл. 6, л. 166-17а].

Вот такую дипломатическую «разведку» развязали в 1619 г. маньчжуры. Прощупывая позиции Кореи, они намеренно запугивали корейского правителя тем, что, не откликнувшись на призыв маньчжуров, его страна может попасть под власть минских наследников. Иначе говоря, Нурхади настойчиво «вбивал» клин в отношения между Кореей и Китаем. Но этот дипломатический демарш не принес правителю маньчжуров желаемого результата.. Поручкой тому — доставленный ему спецкуррьером ответ корейского «вана». В нем последний четко и определенно заявил маньчжуру, что его страну связывают с династией Мин давние сыновние отношения, забвение которых равносильно нарушению «великого» долга. «Мины и мы, — заявил корейский правитель, — в течение более 200 лет не враждовали. Ныне Ваше государство враждует с Минами, в результате войны, которую Вы ведете между собой, страдает народ. Мины [же] и наше государство подобны отцу и сыну. [И] это разве не прекрасно?» [2, гл. 6, л. 176-18а].

Получив такой ответ, Нурхади понял, что привлечь Корею на свою сторону ему не удастся. Более того, последняя продолжала хранить верность союзническим отношениям с Минами. В частности, она укрыла перебежчиков из Ляодуна, отступавших под натиском маньчжурских войск. Это обстоятельство вызвало у предводителя пос-

ледних откровенное раздражение. «Если ты (куда девалась недавняя лояльность и вежливое обращение «Вы»), — писал он, согласно китайскому источнику, 12 мая 1621 г., — желаешь помогать Минам, тогда [с тобой] нечего и разговаривать» [2, гл. 7, л. 226].

И, действительно, маньчжурский правитель перешел, вскоре, от слов к делу: против Кореи, не пожелавшей порвать с Минами «узы дружбы», он применил оружие. К его применению Нурхацци подвигло, похоже, и укрытие Кореей минского полководца Мао Вэнь-луна, преследуемого маньчжурскими войсками, который, получив помощь от корейцев, продолжал противостоять неприятелю на границе Кореи и Ляодуна [1, с. 335]. Такой «наглости ванна» Нурхацци, естественно, потерпеть не мог. В конце 1621 г. он направил в Корею 5-тысячное войско с заданием: уничтожить армию Мао Вэнь-луна. Истребив часть ее, маньчжурские войска ушли из Кореи [2, гл. 8, л. 10а]. Но это еще не свидетельствовало о том, что они оставили страну в покое. Завершив объединение чжурчжэньских племен, маньчжуры вновь напали на Ляодун и захватили его, после чего, ими были разработаны планы захвата Кореи и Монголии, о которых Нурхацци доложил своим «бэйлэ» и сановникам на их сборе в апреле 1622 г. «Наше государство, — говорил он, — получило содействие Неба. [Мы] приобрели земли Ляодуна... На юго-востоке находится Корея, на севере — Монголия. Оба государства еще не покорены (естественно, маньчжурами — *Авт.*) [2, гл. 8, л. 17а].

Определившись с этим, маньчжуры стали целенаправленно обострять свои отношения с Кореей, объясняя свои действия тем, что последняя оказывала поддержку остаткам минских войск, действовавших против маньчжуров на границе Кореи и Ляодуна. Не отказал их правитель и в поддержке «мятежников корейского вана». В частности, маньчжуры «приютили» в 1625 г. сына Ли Кваля, восставшего против «короля Кореи», и других соучастников этого «мятежа». Им было предоставлено не только «политическое убежище», но и «даны чиновничьи должности», с полагающимся им рабами, скотом, жилищем, имуществом и землей [2, гл. 9, л. 96-10а].

Все эти идеологические, дипломатические и силовые «диверсии» вылились 23 февраля 1627 г. в войну маньчжуров против Кореи. Именно в этот день войска получили приказ о выступлении против «мятежного корейского вана». Обосновывая своё решение, маньчжурский хан подчеркнул, что Корея, в течение нескольких поколений «была виновной [перед] нашим государством». Поэтому «наш поход» предпринимается не только «для покаяния» её, но еще и потому, что «минский Мао Вэнь-лун очень близко приблизился к морским островам Кореи и, пользуясь её помощью, свирепствует против нас. Вот, почему мы «и снарядили [против него] войска в поход» [3, с. 98].

Не надо было быть большим стратегом, чтобы не видеть замысел маньчжурского правителя, вознамерившегося одним ударом покончить и с Мао Вэнь-луном, и захватить Корею. Начиная войну, новый маньчжурский правитель (Абахай —

Авт.) даже не известил вана последней о причинах своей агрессии (он это сделает значительно позже, когда маньчжурские войска уже успешно будут продвигаться по корейской территории — *Авт.*). В силу этого, корейский ван вынужден был обратиться к командующему маньчжурской армией «бэйлэ Аминю» за разъяснениями. И последний сделал это. В своем письме он указал следующие причины, побудившие его правителя «наказать корейского вана за то, что:

1. Во время завоевания маньчжурами племени «варка» (примерно, в 1600 г. — *Авт.*), корейские войска вступили на границе в борьбу с маньчжурской армией.

2. Корея не поблагодарила маньчжурского хана за то, что когда он, по просьбе их вана, убедил своего зятя (улаского бэйлэ Бучжаньтайя — *Авт.*) отвести войска с корейской территории, куда тот неоднократно вторгался.

3. В 1619-1620 гг. Корея неоднократно помогала Минам своими войсками, воевавшими против маньчжуров. Когда минские войска потерпели поражение, а корейцы попали в плен, то их не казнили, а вернули на родину. Однако корейский ван не оценил это и не поблагодарил победителей.

4. Корея укрыла минского военачальника (Мао Вэнь-луна), который захватив острова, стал грабить народ Ляодуна, который был «пожалован» Небом (якобы) маньчжурам. Несмотря на неоднократные требования последних, выдать им Мао Вэнь-луна, корейский ван так и не выполнил «закононого требования маньчжуров».

5. Корейцы не поблагодарили последних за их попытку в 1621—1622 гг. разгромить и пленить Мао Вэнь-луна, не нанеся даже малейшего вреда корейцам.

6. Корейский правитель помог Мао Вэнь-луну, терпевшему трудности с «провиантом», предоставив ему землю для посева хлебов.

7. Корея не прислала маньчжурам своего посла, чтобы выразить соболезнование, в связи со смертью Нурхацци (он умер 30 сентября 1626 г. — *Авт.*), и поздравить с восхождением на «ханово место» его сына — Абахая. Такой поступок, по мнению «бэйлэ Аминя», никак «не простителен», тем более, что Корея находилась «с умершим ханом в дружественных отношениях», в то время, как Минское государство, даже будучи врагом маньчжуров, но оно всё же выразило нам своё соболезнование [4, гл. 2, л. 16а-17а].

Вот такие «обвинения» выставили маньчжуры корейцам, начиная войну против них. Но они, по мнению исследователей, не выдерживают никакой критики. Во-первых, большая их часть относится к далекому прошлому, т.е. ко времени (1619, 1621 и 1624 гг.), когда маньчжуры сами «вторгались» в пределы Кореи, разрушая ее города и села, убивая мирных жителей.

Значительная часть маньчжурских «обвинений» просто надумана. К примеру, чего стоит их упрек в адрес Кореи относительно того, что она «не отблагодарила» маньчжурского хана за вторжение его войск, топтавших корейские земли, преследуя китайцев и, якобы, не нанеся при этом

вреда корейцам. Или же другое обвинение, касавшееся неотправки соблезнования маньчжурам, по поводу смерти Нурхади. О ней корейский ван мог (просто-напросто) не знать. Именно на это и указывал последний в своем письме хану Абахая [4, гл. 2, л. 186-19а)].

Теперь, что касается «деятельности» минской армии, предводительствуемой Мао Вэнь-луном. Корейская сторона (и этого не могли не осознавать маньчжуры) не могла нести ответственности за ее «деяния». Дело в том, что вышеназванная армия была направлена минским правительством, а посему она целиком и полностью опиралась на его авторитет и поддержку. Следовательно, вступить в борьбу с этой армией означало одно: во-первых, нарушить традиционные дружественные отношения с Минской империей, а во-вторых, обречь себя на войну с ней. То и другое было для Кореи не только противоестественным, но и неразумным делом. В связи с вышесказанным, возникает закономерный вопрос: «Почему (в этом случае) должно было нести ответственность правительство Кореи за то, что в противостоянии с минской армией маньчжуры оказались не столь удачными ни в конце 1621 г. ни в сентябре 1624 г.»? Теперь два слова относительно земель, которые обрабатывали воины Мао Вэнь-луна, выращивая на них «продукты для своего пропитания». Так, вот эти земли корейское правительство не передавало («добровольно», как это утверждают маньчжуры) Мао Вэнь-луну, а он захватил их, устроив затем на них свой «плагдарм».

Иначе говоря, семь из восьми «обвинений», предъявленных маньчжурами Кореи, были несостоятельными. И, тем не менее, они использовали их для оправдания своих агрессивных действий по отношению к Кореи.

Развязанная маньчжурами война против нее, оказалась весьма удачной для агрессора. Его армия достаточно быстро продвигалась по корейской территории. Согласно докладу ее командующего, уже 1 марта 1627 г. маньчжуры подошли к корейскому городу Ыйчжу и, захватив его, поголовно уничтожили солдат, защищавших его. Горожане же были пленены победителями. Оставив в поверженном Ыйчжу 1000 солдат (для охраны — *Авт.*) остальное воинство «бэйлэ Аминя» атаковало остров Чхольсан, где засел Мао Вэнь-лун и разгромили его войско. Сам предводитель вынужден был спастись бегством. 2 марта в руках маньчжуров оказался г. Чончжу. Спустя три дня они осадили г. Хансан и после упорного сражения, захватили его. Та же участь постигла 8 марта и г. Анчжу. Следуя своей тактике, победители истребили половину защитников города, а оставшихся (10 000 солдат) взяли в плен. Отдохнув в Анчжу четыре дня, маньчжуры двинулись на Пхеньян.

В отличие от других городов, столица не оказала врагу сопротивления. 13 марта ее защитники сдались маньчжурам без боя. Окрыленные этим успехом, последние, в тот же день, переправились через р. Тэдонган и разбили там свой лагерь. На следующий день маньчжурская армия

подошла к г. Чунхва [4, гл. 2, л. 13а-15б]. 15 марта сюда прибыли послы корейского правителя и передали «бэйлэ Аминю» письмо своего вана. В нем он предложил последнему отвести свои войска с территории Кореи и начать переговоры о мире [4, гл. 2, л. 16а].

Этот шаг корейского правителя был обусловлен создавшимся в стране положением. Быстрое продвижение вражеской армии и откровенно слабая боеспособность корейских войск воочию показали, что они не в состоянии «достойно» продолжать войну. Дальнейшее ее продолжение в создавшейся ситуации грозило привести страну к новым жертвам, значительным разрушениям и естественно к еще большей потере территории.

Ознакомившись с посланием корейского вана, Аминь отправил тут же ему свой ответ. В нем, как и раньше, вновь были повторены «семь обвинений» в адрес Кореи, но командующий «милостиво согласился» приостановить наступление своих войск, но только на пять дней. За это время, подчеркнул он, в его ставку должен прибыть корейский посол. Словом, направленный вану ответ, являл собой обычный ультиматум. «Если [ты], — писал Аминь, — действительно желаешь вести переговоры, [то] быстрее отправляй [своего] посла. Если будет нарушено [это] условие и [твой посол] не придет [вовремя], то наша армия тотчас...пойдет...вперед» [4, гл. 2, л. 176].

Кроме этого, командующий маньчжурской армией предложил в письме, отправленном с гонцом, направить к нему доверенное лицо, уполномоченное ваном вести переговоры. Относительно отведения своих войск, о чем просил правитель Кореи, Аминь ответил, что они будут отведены только после завершения переговоров [4, гл. 2, л. 19а].

Судя по развернувшимся дальше событиям, можно предположить, что корейский посол не успел прибыть вовремя, поскольку маньчжуры продолжили свое наступление и 21 марта 1627 г. они заняли г. Хванчжу (расположенный южнее г. Чунхва — *Авт.*) [4, гл. 2, л. 10а]. Лишь день спустя, к Аминю прибыли корейские послы, собиравшие ему о следовании «к бэйлэ доверенного человека вана для переговоров». Но это известие не было (вопреки возражениям многих командиров) принято во внимание маньчжурским командующим, отдавшим приказ войскам продолжать наступление. Это создало угрозу корейской столице. Поэтому ван (вместе с семьей) покинул ее и бежал на остров Канхвадо. Покинула столицу и большая часть горожан.

А маньчжурские войска продвигались, тем временем, дальше на юг. 23 марта, у г. Пхёнсяня, занятого ими накануне, им встретился корейский посол. В беседе с Аминем, он заявил, что уполномочен ваном вести переговоры. Далее он подчеркнул, что его страна готова признать предъявленные ей «обвинения», выслушать «материальные претензии», ценой которых можно прийти к принятию «соглашения» и остановить наступление маньчжурской армии.

Выслушав посла, предводитель последней «согласился» (т.е. показал вид), что предложения

посла им приняты. Он даже попросил посланца назвать населенные пункты, где можно было бы разместить маньчжурские войска. И последний назвал таковые. Они были также «приняты» командирами Аминя, как приемлемые для размещения войска. Однако, когда посол отбыл, Аминь тут же отверг все предложения корейской стороны «по умиротворению» и приказал (вопреки возражениям своих командиров) готовить армию для дальнейшего наступления на корейскую столицу [4, гл. 2, л. 206].

С подобным «коварством» главнокомандующего не согласились многие его подчиненные, в частности, «бэйлэ Юэто и младший брат Аминя (бэйлэ Цзиэрхапан — *Авт.*), направившиеся (вопреки приказу Аминя) со своими войсками в г. Пхёнсан, расположенный в 30 ли (чуть более 17 км — *Авт.*) от места расположения основных сил маньчжурской армии, чтобы ждать там окончания мирных переговоров [4, гл. 2, л. 21а].

А дальше события развивались так: корейский посол был оставлен в расположении маньчжурской армии, а к корейскому правителю, находившемуся в это время на острове Кванхвадо, был направлен «фуцзян (военный чин — *Авт.*) Лю Син-цзо». Прибыв в ставку корейского вана, он повел себя весьма вызывающе, ни сколь не соблюдая «дипломатической вежливости и этикета». Разгневанный спокойствием и молчанием корейского вана, Лю Син-цзо, всячески обругал его и обвинил в том, что он не думает «о бедствии своего народа» [4, гл. 2, л. 21а-21б].

Удовлетворив своё самолюбие, спесивый фуцзян выдвинул перед правителем Кореи ряд условий, с учетом которых мог быть заключен мир. В числе их значились: отправка в маньчжурский лагерь сына или младшего брата вана, который должен был дать клятвенное обещание о заключении союза, давать маньчжурскому хану ежегодно «дань» скотом и другими «местными изделиями» и др. Только «по завершению всех этих дел», заявил Лю Син-цзо, будут выведены из Кореи «наши войска» [4, гл. 2, л. 21б].

Выслушав спесивого посланца, ван твердо заявил ему: переговоры о мире могут начаться только после отвода маньчжурских войска. Однако это предложение сразу же было отклонено Лю Син-цзо. В силу этого, корейский правитель отправил в г. Пхёнсань своего младшего брата (Ли Гака — *Авт.*), который и прибыл туда вместе с фуцзяном маньчжур. Посланнику (а, по сути дела, заложнику — *Авт.*) корейского вана была устроена пышная встреча, в ходе которой последнему пришлось выполнить унизительную церемонию обряда «коуту» (троекратное коленопреклонение и отवेशивание девяти земных поклонов — *Авт.*). По ее окончании, Ли Гак преподнес подарки маньчжурскому правителю (100 лошадей, 100 тигровых и барсовых шкур, 400 кусков тонкого полотна и 15 тыс. кусков холста). После их вручения, Аминь устроил в честь посланника корейского правителя пышный банкет [4, гл. 2, л. 22б].

Завершив церемониальные «торжества», стороны приступили к переговорам, если можно так назвать действия маньчжуров. Последние все де-

лали для того, чтобы затянуть решение об отводе их войска. С этой целью, бэйлэ Ю-это внес, к примеру, предложение о даче клятвы правителем Кореи «о союзе», после которой, мол, уже можно говорить об отводе войска. Однако это предложение вызвало немалые возражения даже среди маньчжурских военачальников. Правда, командующий армией твердо заявил: если, кто хочет, то пусть возвращается на родину, а он, несмотря ни на что, намерен направиться снова к корейскому вану и возобновить с ним переговоры. Словом, в обстановке разногласий, всё же было принято решение об отправке к правителю Кореи маньчжурского посла с предложением: принять им клятву. В соответствии с данным решением, на остров Канхвадо отправились Лю Син-цзо и Бакши Курчань. Переговоры с корейским правителем продолжались несколько дней и завершились (после жарких споров) принятием процедуры заключения мира и текста клятвы. Принятие и подписание последней состоялось 18 апреля 1627 г. [4, гл. 2, л. 24а-24б].

Заключив мир, маньчжурские послы отправились домой. 19 апреля они были уже в расположении своих войска. После составления доклада о переговорах с ванном, он был доставлен маньчжурскому хану.

Однако заключение мира, не принесло корейской стороне облегчения, поскольку маньчжуры не собирались, по сути дела, выполнять условия подписанного ими договора. В частности, они не вывели свои войска из Кореи. На ее территории продолжали оставаться 1000 маньчжуров и 2000 монголов, которые не давали корейцам «спокойно жить и трудиться» [4, гл. 2, л. 25а-26б]. Свои действия бэйлэ Аминь объяснял правителю Кореи (по совету своего хана — *Авт.*) так: «...Мы потому разместили [свои] войска в Ыйчжу, чтобы защищаться от Мао Вэнь-луна. Если ты не будешь снисходителен к последнему, то наши войска...будут выведены из Ыйчжу [4, гл. 2, л. 26а].

Это, по общему признанию исследователей, был самый настоящий шантаж. Весьма разнузданно вел себя в данной ситуации бэйлэ Аминь. В условиях действия положения о мире, он разрешил своим войскам, возвращавшимся на родину грабить корейское население, попадавшее им на пути. Против такого распоряжения главнокомандующего вступили бэйлэ Ю-это и другие маньчжурские военачальники, справедливо полагавшие, что «грабеж населения — это нарушение условий мира». Однако Аминь не внял возражениям подчиненных и разрешил «трехдневный грабеж» захваченной маньчжурами территории [4, гл. 2, л. 27а].

Говоря о заключении маньчжуро-корейского мира 1627 г., невольно возникает вопрос: «Почему отказался маньчжурский двор от полного завоевания Кореи»? Ответ на него исследователи увязывают с несколькими причинами. Во-первых, с незавершенностью военных действий с Внутренней Монголией и Минской империей. Похоже, что маньчжурский правитель вполне справедливо полагал, что не завершив вышеозначенные войны, ему трудно будет рассчитывать на то, что ему удастся удержать в повиновении корейцев. Учиты-

вал, похоже, Абахай и то, что к этому времени корейская армия прекратила оказывать маньчжурам противодействие, но в стране развернулось широкое народное сопротивление агрессору, особенно в провинции Пхёнандо [1, с. 337]. Именно учитывая все эти обстоятельства, и пошел, похоже, маньчжурский хан на заключение мира с Кореей, на достаточно легких для неё условиях.

Идя на это, Абахай, что, вне всякого сомнения, преследовал и еще одну важную для себя цель, а именно: исключить из борьбы Корею и обезопасить, таким образом, свой тыл, а Минскую империю — лишить союзника. Но заключенный маньчжурами мир с Кореей, отнюдь не гарантировал последней, что первый раз и навсегда примирятся с ее «самостоятельностью» и ее нейтралитетом. Порукой вышесказанному — послужила незавершенность вывода маньчжурских войск из Кореи. Уже 20 августа 1627 г. корейский правитель вновь поднял перед маньчжурским двором вопрос о выводе остатков его войск с территории его страны, «кои мешают населению заниматься земледелием, [а к тому же] они повсюду грабят [наше население]» [4, гл. 3, л. 316].

В ответ на это, маньчжурский правитель ответил 29 августа 1627 г., что пребывание в Ыйчжу его войск — это вынужденная мера, что они оставлены там для предотвращения «разрушения» Минами установившегося мира. Чтобы не допустить этого, ван обязан послать в данный район свои войска и лишь только после этого, «мы убедимся... что подданные Мин... воровски не захватят [Вашу территорию, наши войска будут оставаться здесь] — в Ыйчжу» [4, гл. 3, л. 32а-32б].

Подобный ответ, естественно, не удовлетворил правителя Кореи. В октябре 1627 г. он снова повторяет свой запрос относительно вывода маньчжурских войск из Кореи. «Территорию нашего государства, — подчеркнул Инчжо, — мы охраняем сами... Кто же, по-воровски, захватит ее?» [4, гл. 3, л. 37а]. Настойчивость корейцев достигла-таки своего: в октябре 1627 г. маньчжурские войска были, наконец-то, выведены из Ыйчжу [4, гл. 3, л. 37б].

После этого, между двумя государствами установились регулярные посольские связи и оживилась торговля. Для активизации последней, в Корею прибыл в начале 1628 г. маньчжурский посол Инээрдай, а в марте — апреле того же года в г. Чунгане был открыт рынок [3, с. 105]. «Идиллия» такого рода отношений продолжалась меж ними только лишь до весны 1631 г. Корея, до того времени исправно исполнявшая все свои «данические отношения», вдруг нарушила их. Это выразилось в поставке весной 1631 г. сюзеру значительного меньшего количества дани. Это сразу же насторожило маньчжурский двор. Ответом на «недопоставку» Кореей «дани», последний ответил «уменьшением размеров ответных подарков» вану. Когда его посол обратился к советнику Инээрдаю за разъяснениями, то тот резко ответил: «Прежде, Вы помогали Минам нападать на нас, это привело к тому, что мы открыли [против вас] военные действия и потребовали [от Вас] ответственности. Твой ван бежал на острова. Наше

государство поступило [тогда, по отношению к Вам] весьма щедро, вернув [Вам] территорию. Вы сами согласились с усердием отправлять [нам] дань. А ныне [Вы] осмеливаетесь сравнивать количество [дани] с подарками» [5, гл. 293, л. 8а].

Раздраженные происшедшим инцидентом маньчжуры, отправили домой корейского посла, задержав у себя его сына. Подобные же претензии, которые выслушал посол, были высказаны маньчжурскими властями и в письме, направленном вану. Дабы не «раздражать» последних, он прислал «сюзеру» в апреле 1631 г. «дополнительную дань» и конфликт меж ними был на время исчерпан. Однако последний, как показало время, и не думал оставлять Корею в «покое» и стал выставлять ей новые «требования». Так, летом 1631 г. Абахай, предпринимая очередное наступление против Минского Китая, потребовал от Кореи поставить ему военные корабли. Но та ответила отказом. В ответ на это, Мукден отправил в начале 1632 г. в Корею своего посла с грамотой, содержащей обвинения «в потакании своих граждан к занятиям контрабандной торговлей, браконьерством и даже разбоями на маньчжурской территории. Наряду с этим, Корея «обвинялась» и в резком сокращении поставляемой Мукдену дани. Суммируя все «обвинения», последний потребовал от вана «восстановления присылки дани в былом размере», а также возвращения «сюзеру всех его беглецов» [3, с. 106].

Корейский правитель, свидетельствуют источники, согласился со всеми «претензиями», выдвинутыми в его адрес маньчжурским двором. Чтобы не обострять с ним отношений, он обязался выполнить требуемые от него «поставки». Однако, как заметили маньчжурские власти, «дань от строптивца поступала в урезанном виде» [5, гл. 293, л. 8а].

Это обстоятельство вновь «активизировало» переписку между двумя государствами. Главными ее темами стали в течение 1632—1633 гг. дань и торговля. Первая, как и прежде, рассматривалась маньчжурским двором как «символ» вассальной зависимости вана от него, а вторая — как средство «взаимного обогащения и процветания». Руководствуясь тем и другим, он уделил «дани» более, чем значительное внимание. Об этом, с большой тревогой писал корейский правитель в начале 1633 г. В своем послании, он подчеркнул, что за год, т.е. в течение 1633 г., маньчжуры увеличили дань в 10 раз. В ответ на данное «замечание», маньчжурский хан признался в марте 1633 г., что это «увеличение» надо воспринимать, как «репрессивную меру». «В прошлый раз, — писал Абахай своему оппоненту, — дань, присланная твоим государством, была мала [по количеству] и плоха [по качеству]. Поэтому теперь [тебе] установлена сравнительно большая дань [5, гл. 293, л. 8а]. Сделав такое серьезное «внушение» вассалу, хан Абахай предупредил последнего, что если его государство, т.е. Корея, будет присылать «нам дань» ниже установленного «уровня», то с ваном будет прекращен обмен послами. Однако «торговлю [ты] можешь продолжать по-старому [5, гл. 293, л. 8а].

Понимая, что «требуемая с вана дань» нелегка, маньчжурский хан уведомлял «вассала», что ее «мы можем заменить посильной: и Абахай предложил заменить выплату дани «отправкой» корейских войск и военных кораблей в поход против Минской империи. «Если ты, — писал маньчжур, — жалеешь финансы... то помоги нам один раз войсками против Минов... или пошли 300 больших кораблей для нападения на острова...И этим ты искупишь [свою] вину [перед нами] за укрытие [у себя] нашего беглого народа» [5, гл. 293, л. 8а]. Чувствуя свое военное превосходство, маньчжурский правитель вел себя нагло и развязано. «Или помоги войсками и кораблями, — ультимативно заключал он свое письмо, — или вноси быстрее дань и подарки!.. Размышляй и решай скорее» [5, гл. 293, л. 8а].

Не желая ввязываться в войну, корейский правитель предпочел выплатить маньчжурам дань. И она была «явлена» им в середине 1633 г. За полную и своевременную ее выплату, доставивший оную корейский посол удостоился «соответствующих наград». Не остался без поощрения и ван: ему были пожалованы «черные соболя» [3, с. 107].

Урегулировав в известной степени вопрос о дани, маньчжуры задумали разрешить (несмотря на разногласия) также и проблему «взаимовыгодной торговли» и о нелегальном переходе границы гражданами того и другого государства. Однако занятые войнами с Внутренней Монголией и с Минской империей, они не доводили решение этих обеих проблем до военного конфликта. Маньчжурский двор, «видя, что Корея не ценит договора с нами», решил в «сложившейся ситуации» только лишь на применение против нее «политических и экономических санкций», в т.ч. и на временное прекращение торговли с Кореей [4, гл. 14, л. 18а].

Но, принимая такое решение, маньчжуры понимали, что в этой торговле больше всего заинтересованы они сами, нежели корейцы. Об этом, в полной мере свидетельствует письмо хана Абахая, написанное им в октябре 1633 г. Из него видно, что со времени заключения договора 1627 г., его подданные неизменно настаивали на том, чтобы «взаимная торговля велась четыре раза в год». Однако Корея не согласилась с таким требованием. Поэтому они, «скрепя сердце», пошли на принятие условия выдвинутого ею: проводить торговлю на корейской территории только два раза в год (весной и осенью) и только в Ыйчжу [5, гл. 293, л. 8б].

Возбуждая вопрос о торговле, так им необходимо, маньчжуры в то же время намеревались установить «свои правила игры», т.е. они устанавливали высокие цены на свои товары, особенно на женьшень, и неизменно понижали их на корейские товары. Приведем на сей счет жалобу корейского правителя, высказанную им в сентябре 1633 г. в письме, адресованном маньчжурскому хану. «...Ваш посол, — писал он, — прибыл в Хверен и [он] приказал купцам продавать и покупать [товары] по уравненным (им назначенным) ценам» [5, гл. 293, л. 8б].

Подобный диктат со стороны маньчжуров, естественно, не способствовал развитию торговли

между двумя государствами. Это было невыгодно для Кореи и она, по идее, должна была высказывать свое недовольство, по этому поводу, в первую очередь. Но на деле, все обстояло иначе: свои претензии неизменно высказывали Корею маньчжурские власти. Их постоянно не устраивали цены на товары, а также «отсутствие доброкачественных (естественно, корейских — *Авт.*) товаров» и закрытие ею рынков. В октябре 1633 г. маньчжуры в очередной раз подняли вопрос о «снижении цен» на женьшень и закрытии корейской стороной ряда рынков. «...Вы, — писал маньчжурский хан, — по-прежнему нарушаете соглашение. Прежде была установлена цена на женьшень [в размере] 16 лянов (1 лян = 37,3 г серебра — *Авт.*). Твое государство, ссылаясь на то, что у вас [в Корею — *Авт.*] женьшень не употребляют, давало только 9 лянов. И, несмотря на указания, что отсутствует необходимость в женьшене, каждый год [твои люди] переходят с твоей территории на нашу и, пренебрегая виной, собирают этот «неужный [для вас] корень. Почему же [они так] поступают?.. Что касается закрытия твоим (вместо «Вашим» — *Авт.*) государством рынков, то не для того ли [это делается], чтобы поставить [нас] в затруднительное положение, в связи с потребностью нашего государства в одежде» [5, гл. 293, л. 8б]?

Выдержки и приведенного выше письма, воочию свидетельствуют о недовольстве маньчжурских властей положением, сложившимся в торговле между двумя государствами. На его изменения (естественно, в свою пользу) и настаивали маньчжуры, нисколько не заботясь об «интересах» своих партнеров. Даже зная о затруднениях корейцев в «товарах», он не переставали обвинять их в умышленном сокращении их поставок на маньчжуро-корейский рынок. О своих затруднениях корейский Ван откровенно писал Абахая в ноябре 1633 г. «[Наши] государственные запасы [товаров] уже иссякли. Островных товаров (вероятней всего, японских — *Авт.*) уже давно нет... [нечем] ...заполнить рынок. [Поэтому] прошу Ваше государство извинить [нас]» [5, гл. 293, л. 8б].

К этому чистосердечному признанию, следовало бы и отнестись по-человечески. Но не таков был Абахай. В последовавшем от него ответе (в декабре 1633 г. — *Авт.*) он с сарказмом заявил: «[Два] государства дружат, но не торгуют. Это неразумно» [5, гл. 293, л. 8б].

Подобный же настрой, в отношении торгового партнера, сохранил маньчжурский правитель и в 1634 г. В направленном им весной того же года письме, он снова настаивал на своевременном открытии торговых рынков, об установлении «твердых цен», требовал не прекращать торговлю шелковыми тканями и бумагой. Ответ корейского вана на все эти «надо», был очень тактичен: «в весеннюю торговлю у наших купцов было мало и шелка и полотна», значительно уменьшилось у них и «количество бумаги» [5, гл. 293, л. 9а].

Дальнейшая переписка сторон о развитии торговли между ними выявила только одно: стремление Кореи «ограничить» торговлю с маньчжурами, сведя ее к товарообмену между послами и

сопровождаящими их людьми. Было похоже, что корейских купцов, правительство Кореи в целом, не устраивал диктат Мукдена в деле установления условий торговли, цен и в определении ассортимента товаров.

Столкнувшись с твердой позицией Кореи в торговых делах, противная сторона не нашла ничего лучшего как обвинить первую в желании вести «контрабандную торговлю». В одном из своих писем, посланных Абахаем корейскому вану в конце 1634 г., он с раздражением вопрошал: «Разве [Ваша] тайная торговля с нашим беглым населением не увеличивает [ваших] злоупотреблений? Ведь уже выяснено, что твои (опять унижительная для корейского правителя форма обращения — *Авт.*) подданные из Кёнхына и других пунктов тайно торгуют с нашими беглыми людьми. Разве подобные злоупотребления исходят не от твоего (вновь недопустимая форма обращения) государства» [5, гл. 293, л. 9а]?

Но корейский правитель, судя по развитию дел в дальнейшем, не пошел на обострение отношений с маньчжурским двором и, не допуская репрессий с его стороны в свой адрес, взял на себя «вину» за сокращение торговли. Такой оборот дел удовлетворил маньчжурского правителя, о чем он (опять не без сарказма) написал в своем письме. При этом, Абахай опять не отказал себе в «удовольствии» в очередной раз упрекнуть вана: «Непонятно, откуда берутся у тебя товары для контрабандной торговли и почему их нет, когда к тебе приезжают наши послы» [5, гл. 293, л. 9а].

В последующие два года в отношениях двух государств не было «острых моментов». Два раза в год они обменивались послами, причем, последние и сопровождавшие их лица занимались торговлей. К сожалению, имели в это время и «нарушения» границ. В них маньчжурские власти неизменно обвиняли Корею, которая, заявляли они, не в силах была «осуществлять контроль на границе». Более того, маньчжурский хан прямо обвинял корейского вана в «поощрении своих подданных на вторжения на нашу территорию» с целью приобретения женьшеня, ловли рыбы и для иного воровства». Эти и другие «вины корейца» он «подкрепил» и его запретом «продавать нашим купцам» хорошие товары.

Таким образом, слова и дела маньчжурского правительства свидетельствовали, что над Кореей «сгущаются тучи». Об это же говорило и содержание письма, пришедшее ее вану из Мукдена. В нем «кореец» был обвинен в «неучтивости» к маньчжурскому хану, которая проявилась в намеренном пропуске иероглифа «фын» (который употребляется в обращении «низшего» к «высшему» и выражает «преданность, уважение», а также подчеркивает «неравенство сторон» — *Авт.*), в нарушении правил торговли, в помощи, наконец, продуктами Минам. Разъяснения, направленные Абахаю корейским ваном не были приняты во внимание ни ханом, ни его правительством.

Несложное сопоставление данных переписки сторон позволяют сделать вполне очевидный вывод: своими «обвинениями» в адрес корейского вана, маньчжурское правительство намеревалось

усилить на него свое давление, с целью получения от последнего различных уступок, а главное — они служили оправданием агрессивных акций, готовившихся Мукденом против Кореи. Последние особенно активизировались с лета 1635 г., т.е. со времени победы маньчжуров над Чахарским ханством.

На агрессивные действия против Кореи их подталкивала и её известная самостоятельность, а также ее твердая позиция в вопросах торговли. Не последнюю роль сыграла в этом деле и война маньчжуров против Минской империи. Поставив Корею «на колени», они могли получить, с одной стороны, послушного «во всем вассала», а с другой, — «союзника» в борьбе против Минов. Словом, Абахаю нужен был «прочный мир и спокойствие на границах с Кореей. Став союзником маньчжуров, она могла не нанести удар Минской империи с тыла.

Однако решить «корейский вопрос», оказалось делом, весьма непростым. Корейское государство держалось с достоинством в отношениях со всеми народами, в т.ч. и с маньчжурами. Принять же добровольно «их подданство», корейский правитель, естественно, не собирался. Это претило богатым традициям его народа в борьбе за независимость. С другой стороны, он не хотел быть «послушной марионеткой» Мукдена. Всё вышесказанное, всецело подтверждалось перепиской, ведшейся между этими государствами.

Правоту положения и дел корейского правителя осознавал и Абахай. Однако по мере роста его сил, укрепления Маньчжурского государства (благодаря подчинению соседних племен и народов на юге Маньчжурии и в Южной Монголии — *Авт.*), честолюбивые и агрессивные тенденции их правителя с каждым годом возрастали. Этому, в немалой степени, способствовало и личное его «возвеличивание». В соответствии с «нижайшим прошением» его приближенных советников (в общей сложности 25 человек — *Авт.*), Абахай принял в марте 1636 г. (в связи с 10-летием своего правления — *Авт.*) титул «хуанди» (т.е. император — *Авт.*), который имел до этого времени только китайский император. По этому случаю, Абахай «пожелал», чтобы о происшедшем узнал и корейский ван. Выполняя «пожелание хуанди», представители маньчжурской и монгольской аристократии направили в Корею соответствующее письмо. Одновременно с этим, Абахай направил к вану и своего посла Инээрда. Похоже, ему просто не терпелось узнать, как же отреагирует последний на его «возвеличение». Однако корейский правитель не поддержал «рвение» маньчжурский и монгольских «бэйлэ». Отказался он и принять посла «новоявленного хуанди». Чем же был обусловлен столь опасный — для корейского вана — шаг?

А «ларчик», как гласит народная мудрость, открывался очень просто. Во-первых, он руководствовался заботой о своей стране. Дело в том, что признание, а точнее, согласие вана признать маньчжурского хана «хуанди», т.е. императором, сразу же превращало его во «владыку Поднебесной» и автоматически ставило Корею в зависимое (подчиненное) положение. С другой стороны, «при-

знание» им письма маньчжурской и монгольской знати являло собой, без всякого преувеличения, враждебный акт по отношению к китайскому императору. На унижение достоинства последнего корейский правитель, естественно, пойти не мог. Не последнюю роль во всем этом сыграло и вызывающее поведение маньчжурского посла (оскорбительный тон в беседе с корейским министром, угрозы ему и чиновникам, отказ взять ответное письмо корейского правителя и др.) в ожидании приема у последнего. Не удостоившись его, Инээрдай «силой» взял у жителей корейской столицы лошадей и, нарушая дипломатический этикет, самовольно покинул Корею [6, гл. 28, л. 6а-6б].

Узнав о самовольном отъезде маньчжурского посла, ван отправил вслед за ним гонца, чтобы вручить ему свое письмо. И его маньчжур встретил «грубо»: он «силой отобрал у посланника письма, предназначавшиеся пограничным чиновникам, в которых им предписывалось быть бдительными и крепить оборону границ [6, гл. 20, л. 6б].

Маньчжурская сторона очень резко отреагировала на случившееся. Маньчжурский двор тут же (25 апреля 1636 г.) собрал большой совет. Разгневанные его участники, единодушно высказались за отправку «большой армии [чтобы] уничтожить Чаосянь (т.е. Корею — *Авт.*) [6, гл.28, л.96]. Однако маньчжурский хан несколько охладил пыл ретивых сановников: он предложил корейскому вану прислать к нему (в качестве заложников) своих сыновей, а также сыновей своих сановников. В случае отказа — он пригрозил ему походом и «наказанием» его страны [6, гл. 28, л. 9б].

Подобное, вызывающее поведение маньчжурского двора по отношению к Корее объяснялось только одним: он был окрылен успехами, достигнутыми в противостоянии с Минской империей. На этой волне Мукден был намерен осуществить свою давнюю мечту: превратить Корею в своего «подлинного и послушного вассала». Но начинать первыми военные действия против корейского правителя Абахая не хотелось, ибо в этом случае, его могли назвать агрессором. Война же против Кореи, по его замыслу, должна быть «наказанием» за ее «проступки». И маньчжурский правитель с нетерпением стал ждать удобного «случая» (повода) для начала войны. Но «подлый солхо» (кореец — по-маньчжурски — *Авт.*) вел себя достойно и не давал Абахая даже малейшего повода для развязывания войны. Потому-то он и вынужден был до конца 1636 г. проводить политику «высокой дипломатии», т.е. осуществлять обмен послами и письмами. Чтобы прослыть поборником мира, маньчжурский правитель даже «проигнорировал» оскорбительный для себя «выпад» корейского вана, выразившийся в «непочтительном поведении» его послов на церемонии провозглашения Абахая императором и изменении, в силу этого, названия маньчжурского царства «Цзинь» на «Цин»: корейские послы не поклонились тогда (в отличие от других дипломатов) маньчжурскому правителю. Последний, желая спровоцировать конфликт, резко заявил: «[Похоже, корейский ван] желает, чтобы мы первыми пошли на конфликт, убив его послов, а затем

[он] намерен возложить на нас ответственность [за то], что мы нарушили клятву о союзе. Поэтому [он] побудил их (своих послов — *Авт.*) так [поступить], т.е. не совершать поклон [6, гл. 28, л. 22б]. Эти же «измышления Абахай повторил и в своем письме, направленном, позднее, правителю Кореи. «Если ты сам осознаешь свои преступления и раскаешься в них, — ультимативно заявлял он, — [ты] должен послать [к нам своих] сыновей и братьев в качестве заложников. В противном случае, мы в определенный [день] отправим большую армию к твоим границам, и если ты даже раскаешься, то будет поздно» [6, гл. 28, л. 49а].

Везший вану это письмо посол, не выдержал и вскрыл его. Ознакомившись с его «оскорбительным содержанием», он не нашел нужным передавать «сие послание» маньчжурского хана, чтобы не позорить своего «отца-государя». Поэтому, добравшись до маньчжурского пограничного пункта Тунъюньбао, корейский посол вернулся ханово письмо правителю данного города [5, гл. 293, л. 10а].

С этого момента отношения между двумя государствами стали (по инициативе маньчжуров — *Авт.*) обостряться. В ноябре 1636 г. маньчжурский двор не принял корейского посла. «Твой ван, — заявил ему Абахай, — не принял моей грамоты и отправил моего посла обратно. [Поэтому], с какой стати, мы будем читать твое письмо» [5, гл. 293, л. 10а]. Иначе говоря, посол вана вернулся обратно «ни с чем».

Такого рода дипломатические «пикировки» привели, по инициативе маньчжуров, к логическому концу: в середине декабря 1636 г. Абахай отдал приказ Бинбу (Военной палате — *Авт.*) о сборе войск 25 декабря 1636 г. в Шенцзуне, который и был срочно выполнен [6, гл. 32, л. 12б-13а, 18б]. Уже 28 декабря «хуанди» приказал цинь-ванам (князьям первой степени) и бэйлэ — князьям третьей степени — *Авт.*) идти в поход против Кореи [6, гл. 32, л. 19а].

Отправке войск в поход предшествовала «пропагандистская» (иначе и ее и не назовешь) акция, устроенная императором Абахаем: в храме предкам им была прочитана молитва, в которой звучала «жалоба» на Корею, перечислялись все «ее вины», обусловившие его принять решение начать войну против этого государства. Всё это было изложено и в указе, обращенном к идущим в поход воинам. В нем император, не отходя от «традиции», собрал воедино и прошлые, и нынешние «вины» корейского вана, в частности, помощь Кореи минским войскам в 1619—1620 гг., воевавших с маньчжурами; укрытие у себя китайских беженцев и снабжение их продовольствием; и укрытие у себя китайских беженцев и снабжение их продовольствием в 1521—1622 гг.; «незаконное вторжение корейцев на маньчжурскую территорию (для рыбной ловли и охоты) в 1627 г.; в отказе Кореи поставить маньчжурам боевые корабли для борьбы с Минами и др. [6, гл. 32, л.13-15а].

Как видим, большая часть обвинений, предъявленных маньчжурским императором к Корее, не могла быть поводом к войне, если учесть,

что за многие из них она расплатилась (или продолжала расплачиваться) кровью своих подданных и обременительной (для населения) данью. Видимо, сознавая это, «хуанди Абахай» ввёл (для «цементации» шаткости выдвигаемых им обвинений) «новый обвинительный аргумент» — нарушение Кореей «многолетней дружбы», выразившееся в решении ее правителя укрепить и усилить пограничные заставы на случай войны. В этих его «деяниях», маньчжурский император увидел «нарушение союза и дружбы (между государствами — *Авт.*)...и замышление предательства» [6, гл. 32, л. 16а].

Так, опираясь на действительные и мнимые «вины», маньчжурский двор «определился» в вопросе о войне с Кореей и начал интенсивно готовиться к ней.

Наряду с подготовкой к войне регулярных войск, которые, получив приказ, отправились в Корею, маньчжурский правитель направил в ее столицу «спецотряд» — 300 солдат-диверсантов, значившиеся по документам «торговцами». Атака регулярных войск с фронта и диверсионные акции мнимых торговцев начались одновременно: в конце декабря 1636 г. К сожалению, Корея оказалась не готовой к войне. В силу этого, она стала терпеть одно поражение за другим. Несмотря на упорное сопротивление корейских солдат и мирного населения, маньчжуры достаточно легко устраняли очаги сопротивления. Уже к 5 января 1637 г. они подошли (с юга) к г. Ыйчжу [6, гл. 32, л. 21а]. Спустя четыре дня, маньчжурские войска под командованием Юэго подошли к Пхеньяну. Возглавлявший его оборону градоначальник, не принимая боя, тут же бежал [6, гл. 32, л. 22б].

В тот же день (т.е. 9 января — *Авт.*) к столице Кореи подошли и другие маньчжурские войска. Всё говорило о том, что дни ее «сочтены». Чтобы выиграть время, корейцы вступили в переговоры с «победителями», которые завершились банкетом в честь последних. Используя эту «паузу», правитель Кореи тайно покинул столицу. Узнав об этом, маньчжуры сразу же устремились в погоню за ним. 11 января отряд, возглавляемый Мафугой, подступил к г. Намхансину, где укрылся корейский ван, и осадил его [6, гл. 32, л. 25а].

Говоря о действиях маньчжуров по «умиротворению» Кореи, следует сказать два слова о мерах, которые они принимали для достижения намеченной цели. Главной из них, естественно, было применение войной силы. Но не меньшую роль, наряду с нею, сыграла и «психологическая» атака, широко использовавшаяся маньчжурами. С этой целью, они распространяли письма, обращения своего императора, обращённые к населению Кореи, чиновникам и к армии. Дискредитируя правителя Кореи, который, по их словам, «не заботился» ни о государстве, ни о своём народе, они призывали корейцев отказаться от такого руководителя, прекратить сопротивление и «покориться» нашему «хуанди» коей и позаботится о них [6, гл. 32, л. 22б-24б]. Расхваливая своего правителя, маньчжуры уделяли много внимания его «миролюбию». Говоря о нём, они всячески

очерняли корейского вана, породившего «эту войну», нарушив многолетнюю дружбу и союз с «вами». На это маньчжуры особенно акцентировали внимание в обращении, адресованном народу Кореи.

«Мы, — гласило оно, — не желали наносить вам вреда, это ваш государь и чиновники навлекли бедствия на вас. Вы живите спокойно и...трудитесь. Будьте осторожны, не поступайте легкомысленно. Если [Вы] ...убежите, то...встретитесь с нашими войсками и подвергнитесь опасности. Оказавшие сопротивление будут уничтожены...Тем же, кто добровольно покорится [нам], не будет причинено никакого вреда. Более того, им будет оказана [наша] милостивая поддержка» [6, гл. 32, л. 18б].

Особенно активно воздействовали они, в этом плане, на командование корейской армии. Но, видимо, не слишком надеясь на «психологическое воздействие» на противника, маньчжуры развернули широкое наступление на суше (на города Намхансан, Ыйчжу, Анчжу и др. — *Авт.*) и на море (на острова Кадо, Чхольсан и др. — *Авт.*). Не встречая почти нигде серьезного сопротивления, маньчжурские войска быстро продвигались вперед. 24 января 1637 г. они подошли к Пхеньяну, взяли его и «разграбили» население столицы. Но были населенные пункты, где маньчжуры встретили серьезное сопротивление. Главным из числа таковых — стал г. Намхансан. В его районе, сообщал маньчжурский источник, были разгромлены корейские войска, насчитывавшие (в общей сложности) 23 тыс. человек. Окончательное сопротивление в этом районе было ликвидировано лишь в конце января 1637 г. [6, гл. 34, л. 12а].

Разгром корейских войск под Намхансаном (и на данном направлении — *Авт.*) показал, что Корея уже не в силах противостоять агрессору. Осознав это, корейский ван, направил своих сановников в ставку маньчжуров, которые передали там 11 февраля 1637 г. «желание «своего правителя подчиниться приказам маньчжурского императора. Однако его двор, не сразу принял капитуляцию корейского вана. Поэтому он вынужден был еще раз обратиться (теперь уже письмом — *Авт.*) к императору с аналогичной просьбой. Ознакомившись с данным посланием, последний приказал вану арестовать трех-четырёх своих сановников, виновных «в нарушении договора о дружбе» и передать их Цинам для «наказания» (т.е. казни). Наряду с этим, вану было приказано покинуть «осажденный город» и лично явиться к императору «с повинной» [6, гл. 33, л. 19а-19б].

С подобным унижением, вану было трудно согласиться. Но обстоятельства — понуждали его сделать это. Скрепя сердце, он указал в письме хуанди, что «представляемое им государство...желает быть вассальным владением и из поколения в поколение служить великому государству» [6, гл. 33 л. 26а].

Приняв «личную» капитуляцию корейского правителя, маньчжурский двор направил ему соответствующий указ, в котором было перечислено, что должна выполнить Корея (в обязатель-

ном порядке — *Авт.*): а) отказаться от минского летосчисления; б) прекратить связи с Минским государством; в) передать Цинам грамоты и печати, полученные от династии Мин; г) отправить к маньчжурскому двору двух сыновей вана, а также сыновей или (при их отсутствии) младших братьев сановников; д) применять при переписке дайцинский календарь; е) посылать послов и подарки к Новому году и к торжественным дням императорской семьи (к дням рождения хуанди, его жены и сыновей), а также в дни траура.

Большие обязанности выпали на долю вана, в связи с капитуляцией. Его государство должно было оказывать Цинам военную помощь (пехотой, кавалерией, кораблями) в случае похода маньчжуров против Минской империи. Сразу же после капитуляции корейский ван обязан был направить в район острова Кадо (Пхидао) свою пехоту и 50 кораблей. Что касается плененных, захваченных маньчжурами, то последние определились так: в случае их бегства, они разыскиваются, задерживаются, а потом передаются Цинам. Корейцы не имели права строить новые и укреплять старые городские стены. Торговать Корея могла только с японцами. Послов Японии Корея должна была препровождать до маньчжурского двора, всячески их оберегая.

Чётко был определен и размер дани, которую Корея должна была раз в год поставлять маньчжурам «местными изделиями», а также золотом и серебром. В частности, она обязана была давать 100 лян (1 лян = 37,3 г) желтого золота, 1000 лян серебра, 200 пар буйволовоых рогов, 100 барсовых (леопардовых) шкур, 100 оленьих шкур, 1000 пакетов чая, 400 шкур выдр, 200 кусков белого полотна, 2000 кусков разноцветного шелка, 400 кусков льняной ткани, 1000 кусков разноцветного тонкого полотна, 1400 кусков холста, 10 000 мешков риса и др. [6, гл. 33, л. 316-32а].

Захват маньчжурами 24 февраля 1637 г. корейского острова Канхвадо, пленение жены и сыновей корейского вана, многих его сановников с

семьями поставили последнюю точку в маньчжуро-корейской войне. Ею стала церемония принятия маньчжурским императором капитуляции правителя Кореи. Она проходила недалеко от г. Намхансана. Покинув город, последний (в окружении гражданских и военных чиновников) пошел «на поклон» маньчжурскому императору, восседавшему на троне недалеко от своего военного лагеря. Ван и его окружение, совершив обряд «коу-тоу» (трёхкратное коленопреклонение и девять земных поклонов), пали ниц перед Абахаем и «повинились в своих проступках». После этого, корейский ван произнес краткую речь, в которой отметил «великодушие» императора, помиловавшего «всех виновных» и сохранившего (тем самым) «гибнущее наше государство... что потомки будут помнить вечно» [6, гл. 33, л. 33а].

В ответной речи Абахай в очередной раз подчеркнул, что корейский правитель «осознал [накопец] свою вину и покорился [нам]... Отныне и впредь он [должен быть] предан нам всем сердцем и [не должен забывать] милостей, ему оказанных. Поэтому не следует больше говорить о прежних делах и вспоминать о старом зле» [6, гл. 33, л. 33б].

Выслушав речь «хуанди», корейский ван приблизился (по его приказу) к нему. И снова правитель Кореи, его сыновья сановники вновь повторили трехкратное коленопреклонение и отвесили девять земных поклонов. Завершилась церемония «приёма капитуляции» банкетом, окончившийся возвращением корейскому вану плененных (жены, детей и сановников) [6, гл. 33, л. 33б-34а].

Приняв капитуляцию корейского правителя, маньчжурский император приказал своим военачальникам отправить в корейскую столицу жену правителя, его третьего сына (вместе с домочадцами — 76 чел.), а также жен и сыновей сановников (166 чел.), оставив в качестве заложников (при маньчжурском дворе) старшего и среднего сына вана.

Так закончилась маньчжуро-корейская война 1636-1637 гг., которая привела к ещё большей зависимости Кореи от маньчжурского государства Цин.

Библиографический список

1. История Кореи. Перевод с кор. Ким Дю Бона и др. — Т. 1. — М., 1960.
2. Да Цин Тайцзу Гаохуанди шилу» (Хроника правления всех государей великой (династии) Цин. — Токио, 1937-1938. Использованы материалы В.А.Моисеева.
3. Внешняя политика государства Цин в XVII веке. — М.: Восточная литература, 1977.
4. Хроника правления императора Тайцзу великой династии Цин. — Токио, 1937. Материалы В.А.Моисеева.
5. Хуанчао вэнь сянь тункао (Систематический свод и исследование письменных источников и материалов [касающихся] царствующей [цинской] династии). [б.м.], [б.г.]. Материалы В.А.Моисеева.
6. Да Цин Тайцзун Вэньхуанди шилу (Хроника правления императора Тайцзуна великой династии Цин). — Токио, 1937.

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск,
Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск
Получено 26.04.2013

Dachishen V.G., Modorov NS.

THE EXPANSION OF THE MANCHU STATE IN THE FIRST HALF OF THE XVII CENTURY. МАНЬЧЖУРО-THE KOREAN WAR 1636-1637 GG.

In the article, on the basis of the published foreign sources, identified in the scientific library of the Institute of Oriental studies and Institute of Russian history RAS, makes an attempt to analyze and show the formation and expansion of the Manchu state, its relations with its neighbours in the first half of the XVII century.

Central Asia, чжурчженьские tribes, strengthening of the Manchus, the foreign-policy relations of the peoples, «vassals», subordinate relations, the Manchu state, Minsk China, Korea, Manchurian -the Korean war

УДК 902

*Э. П. Дворников***ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ КАК ИСТОЧНИК
ПО РЕКОНСТРУКЦИИ КУЛЬТУР НОМАДОВ ГОРНОГО АЛТАЯ**

Работа посвящена характеристике элементов обрядовой практики с точки зрения их информативности в реконструкции изучаемых культур. Рассмотрены объекты погребально-поминального цикла.

реконструкция, культура, обряд, археологическая наука, курган

В настоящее время идёт процесс формирования интереса к истории появления ныне живущих народов, этногенетической истории, становления и развития культуры. В этом смысле очень важный пласт информации предоставляет нам археологическая наука с ее, если хотите, в прямом смысле глубинным изучением истоков обрядов, традиций, культур. Нередко это практически единственный источник для подобных реконструкций особенно при отсутствии или скудности письменных источников.

В сферу ведения обозначенной науки попадает, прежде всего, погребально-поминальная обрядность во всём многообразии, иллюстрирующей основы существовавших культурных традиций. Обратимся в нашем случае к важнейшему этапу, отражающему переход в иной мир посредством анализа составляющих элементов погребального объекта. Мы не должны забывать о том, что собственно погребальный объект фиксирует лишь в общем, плане проведённый ритуал погребения, с определённой долей вероятности мы можем восстановить перечень мероприятий соплеменников умершего до момента похорон и после, что не фиксируется в овеществлённых элементах обряда. В частности речь идёт о событиях предшествующих проведения собственно погребальных действий, а именно комплекс воздействий соплеменников на тело умершего. Ярчайшим отражением таких операций является нанесение специальных сюжетов в виде татуировок, хирургические манипуляции, мумифицирование покойного как у пазырыкцев, изготовление посмертной маски как у представителей таштыкской культурной общности, а то и вовсе сжигание покойного, что, например, было характерно для енисейских кыргызов. Важнейшую часть церемониала представляет этап собственно похорон, что и фиксируется в конечном итоге при раскопочных работах как овеществлённый остаток погребального ритуала.

В диапазон решаемых нами проблем входят как внешние, так и внутренние составляющие обозначенного действия. Говоря о внешних, характерных чертах, следует сконцентрировать внимание на пространственно-территориальное расположение некрополей в соответствии с географическими характеристиками. Нам представляется, что важнейшее значение при внешнем анализе следует отводить планиграфическим особенностям возведённого мемориала. Приведенный аспект имеет нередко датирующее определение и позволяет отметить основные мировоззренческие моменты, отраженные в представлении древних о гармонии

внешней среды и внутреннего мира человека, абсолютное равновесие, упокоевание, комфорт, который должен быть присущ соответствующему месту. Следует отметить, что древним народам по им известным приметам удавалось находить такие места укромные, скрытые от лишних глаз, желательного с наличием водного источника реки или ручья. Собственно памятники принято было располагать на незатопаемых, хорошо прогреваемых террасах. В наше время данными проблемами гармоничного расположения объектов озадачены ландшафтные дизайнеры для создания садово-парковых зон. Анализируя материалы полевых исследований, становится отчетлива общая закономерность независимо от культурных традиций, некое знание принципов выбора мест для символического покидания земного мира, окончания земного пути и перехода в иное состояние.

К числу основных наземных элементов характеризующих погребальный обряд следует отнести форму насыпи и характер выкладки. Курган — архитектурное сооружение, несущее в себе информацию: строительную, технологическую и идеологическую. Данное сооружение, в нашем случае, нужно рассматривать не как архитектурное строение, а как результат археологизации архитектурного сооружения [1, с. 22-25].

Скифский курган, как искусственно созданный объект находится на границе трёх естественных (реальных) и в то же время мифологических сфер. Средней (дневная поверхность, мир живых; здесь чаще находится устье входа в погребальное сооружение). Нижней («подземелье», мир мертвых, где обычно располагается погребальная камера) и верхней (небесно-воздушная среда, мир высших божеств, куда устремлена курганная насыпь). Очевидная ассоциативность курганной насыпи свидетельствует в пользу неслучайности данного ключевого элемента скифского погребального комплекса. При этом, стихийная всеохватность мифологических представлений предполагает несомненную мифологическую значимость всех включенных в погребальный комплекс элементов, вплоть до самых, на первый взгляд, незначительных.

Очевидно, и насыпь, и пространство около курганов сакрализировались, в том числе и посредством ритуальных действий, при этом степень сакральности уменьшалась по мере удаления от геометрического центра насыпи. Анализ скифских погребений привел к однозначному подтверждению трактовки скифского курганного комплекса, как символической модели упорядоченно-

го мира в вертикальной и горизонтальной проекциях.

Наиболее информативным источником становится погребальная камера, в которой фиксируется широкий круг составляющих, начиная от формы самой могильной ямы, каменных или деревянных конструкций образующих, например, каменный ящик, срубную конструкцию, что опять таки хорошо иллюстрируется на материалах пазырыкской культуры. Важный блок культурных представлений передан в диаметрально противоположных традициях ингумации (труположения) и кремации (трупосожжения). Важное значение представляет ориентированность могильной ямы и умершего относительно сторон горизонта. Отдельный круг представлений связан с сооружением так называемых кенотафов «пустых могил». В данных объектах есть основные составляющие обряда погребения, но нет собственно тела виновника сего действия. В этом случае следует отметить обязательность проведения погребальной церемонии для умершего человека даже в случае отсутствия его тела (безвестная пропажа вне отечества), это как совершенно необходимый ритуал перехода в новое качество. Важнейшую смысловую нагрузку несут остатки элементов одежды, а в некоторых случаях и прекрасные образцы выполненные древними модельерами для удобства носки в условиях ведения кочевого хозяйства и несомненно для подчёркивания статуса их носителей. Следует говорить об особом пазырыкском стиле в целом восточном, но разительно отличающемся от китайского своей едва уловимой спецификой характерной для представителей кочевой культуры, хотя, и создан наверняка на основе китайского модельного стиля.

Практически в каждом погребальном объекте отмечается определённый набор предметов, возможно особый ритуальный перечень изделий, иногда явно специально изготовленный по случаю, по мнению соплеменников необходимый для «правильного» проведения погребального церемониала.

Основопологающим отличием погребальной обрядности кочевых народов от оседлых земледельческих представляется пребывание в погребальной камере в большинстве случаев захоронения лошади, сравнительно часто это высокопородные экземпляры, возможно, специально подготовленные для подобных церемоний.

Важным источником по истории и культуре древних кочевников Горного Алтая являются поминальные памятники. Они отражают обряды поминального цикла, призванные увековечить память о деяниях соплеменников, героев-воинов, кочевых вождей. К их числу относятся кольцевые выкладки, оградки подквадратной и подпрямоугольной формы. Объекты сооружались по определённому канону, ритуальной традиции, уходящей своими корнями в глубь истории. В рамках отдельной культуры в обрядово — ритуальной практике были свои варианты погребения и поминок присущие клановой традиции в основополагающих чертах не выходящей за рамки общепринятых правил. После совершения погребения

усопшего, по истечении определенного времени производили его поминки с ритуальными действиями: разведением огня, пиршеством, жертвоприношением, для кормления душ умерших. Неотъемлемым элементом поминок было возведение объектов ритуально — поминального комплекса: оградок, изваяний, стел, ритуальных курганов, балбалов.

Традиции поминальной обрядности, связанные с сооружением каменных оградок, выкладок и установкой каменных стел, у племён Центральной Азии восходят к эпохе бронзы. В этот период древние скотоводы стали сооружать менгиры, ряды стел, установленных внутри квадратных оградок. В период существования культуры керексуров, в эпоху поздней бронзы, на поверхности поминальных стел наносились рисунки, изображавшие головной убор, ожерелье и пояс с оружием, оленей и других животных. Оленные камни ставили рядами лицевой стороной на восток. Перед ними сооружались выкладки из камней, жертвенники в честь поминаемых воинов [1, с. 136-162]. В Горном Алтае, входившем в ареал культур бронзового века и эпохи раннего железа, известны ряды оленных камней и стелы в оградках. Возможно, часть оградок без находок относится к эпохе бронзы [2, с. 159; 3, с. 45-51]. Для пазырыкской культуры характерными являлись остатки тризн в насыпях курганов, которые производились на этапе сооружения насыпи. Поминальными объектами этого периода становятся различные выкладки, столбики, восьмикаменные кольца. По мнению В. Д. Кубарева на могильниках Восточного Алтая часто встречаются выкладки в два — три ряда и размещены, как правило, с запада от погребальных курганов. Хотя имеются варианты местоположения восьмикаменных выкладок с востока (Юстыд I, Джолин I). По мнению Ю. С. Худякова, наличие двух трёх колец может соответствовать первым и последующим поминкам [4, с. 87-89]. При раскопках выкладок в них найдены следы огня, кальцинированные кости животных и фрагменты керамических сосудов от поминальных тризн. На Средней Катуни, на памятнике Ороктой — Эке, в долине реки Ороктой, исследованы квадратные и прямоугольные оградки, расположенные с запада от погребальных памятников с севера на юг, вдоль склона гор. Инвентаря в ороктойских оградках не имеется, за исключением фрагмента керамики с орнаментом, характерным для пазырыкской культуры. По мнению многих исследователей, подобная трансформация стала возможной под влиянием миграции пришлой группы населения, связанной с притоком центрально азиатских кочевников времен хуннского завоевания. В этот период оградки встречаются довольно редко.

Последствия экспансии хунну послужили началом формирования булан-кобинской культуры. Оградки булан-кобинской культуры, как уже не однократно отмечалось, уложены из валунов или скальных обломков, ориентированы в большинстве своём по странам света. Отличительной чертой от оградок завершающего этапа пазырыкской культуры является сооружение каменного ящика

или ямки под насыпью. Кроме того, среди исследованных оградок зафиксировано погребение лошади. Наиболее характерным отличием оградок от позднепазырыкских является помещение в оградку разнообразного инвентаря: предметов вооружения, конской упряжи, предметов быта и украшений. Такое модифицирование в сознании кочевников, видимо, связано с политическими событиями, а именно продолжительное ведение войны. разумеется, сородичи, сопровождая своего умершего, желали, чтобы он и в стране умерших предков мог эффективно воевать с противником. Кроме того, произошли изменения в возведении внеградных элементов комплекса. Если в пазырыкской культуре, даже на её финальном этапе, в комплексе оградок не отмечалось возведение дополнительных объектов, то в булан-кобинскую эпоху часть оградок стали сопровождать цепочки вертикально поставленных камней. Одна из исследованных оградок содержала две стелы с внешней стороны. Типологическое разнообразие свидетельствует об эволюции и многовариантности поминальной обрядности. С переселением в середине VI века в Горный Алтай древнетюркских племён, поминальная обрядность приобрела ещё более сложную систему. Оградки анализируемого периода в большей части возведены из плит или скальных обломков, некоторые по одной, две, три окружены валом и рвом. Под насыпью оградок наблюдаются разнообразные элементы: ямки, ящики, деревянные столбы в центре и по углам ограждения. Инвентарь древнетюркских оградок, как и в прежнюю эпоху очень разнообразен. В оградках значительно чаще стали помещать железные наконечники стрел, зафиксировано умножение количества разнообразной посуды (горшки, банки, чаши). Внеградные конструкции значительно усложнились, появилась скульптура как одно, так и в сочетании с балбалами. Кроме того, отмечено появление деревянных столбов вне ограды на стыках плит, также вне ограды зарегистрировано сооружение каменных ящиков — алтарей. Отличительной чертой поминальной обрядности древних тюрков явилось сооружение выкладок различных форм, в которых отмечаются остатки тризны в виде зольников, прокалов, фрагментов костей и керамики. На памятниках более раннего периода подобных объектов пока не выделено.

Удивительное разнообразие элементов поминального обряда в древнетюркскую эпоху связано с локальными особенностями и социальной дифференциацией древнетюркского общества. В период I Тюркского каганата поминальный культ приобрёл воинский характер, о чём свидетельствует распространение балбалов — символов убитых врагов. В надписи Кюль-тегина говорится: «В

честь моего отца кагана во главе вереницы (каменей) поставили балбалом Баз-кагана» [5, с. 83]. Правитель тогуз-огузов Баз-каган был разгромлен Тоньюкуком и поставлен «балбалом» на поминальном комплексе в честь древнетюркского Ильтерес — кагана [6, с. 238-255]. Видимо, в этот период получили развитие изваяния, которые в период II Восточного каганата и последующие периоды Уйгурского и Кыргызского каганатов стали изготавливаться в виде объемных скульптур с реалиями. В тоже время происходила модификация обряда, слияние культов. Именно поэтому мы имеем на сегодняшний день типологически различные поминальные памятники.

Необходимо отметить некоторые моменты, более или менее принимаемые всеми исследователями. Оградка, как объект поминального назначения ограждала пространство, вмещающее душу поминаемого от участников поминок. Находки костей различных животных сообщают о том, что производилось кормление души умершего. Кормление души совершалось через поминальный костёр. Многие предметы просто сжигали на костре, что фиксируется в виде зольников и прокалов, в которых часто находят, например, железные предметы. Различные китайские хроники утверждают, что тюрки после похорон накладывали камни и устанавливали при этом каменный столб [7, с. 168-184]. «Китайские мастера, скульпторы и камнерезы участвовали в оформлении их мемориалов, сооружали поминальные храмы, изготавливали стелы с надписями, статуи людей и животных, выполняя волю китайского императора» [8, с. 227]. Поминальная обрядность испытывала различные инокультурные влияния. В частности, в связи с экспансией хунну, инфильтрацией населения в пазырыкскую среду, незамедлительно повлияло на изменение форм поминальных оградок. Древние тюрки восприняли некоторые элементы китайских поминальных традиций в оформлении мемориалов древнетюркской аристократии [9, с. 148]. На рубеже периодов раннего и развитого средневековья прежняя центральноазиатская традиция сооружения поминальных оградок затухает, что связано со смелой населения.

Подводя итог выше сказанного, следует отметить широкую информативность обряда погребения и поминок в изучении культур кочевников Горного Алтая. Ритуальные действия по обозначенным обстоятельствам, являлись важнейшим этапом в жизненном цикле человека. Анализируя материалы, мы можем реконструировать природно-ландшафтный фактор существования культур, их хозяйственно — материальную основу и мировоззренческие ориентиры древних обществ.

Библиографический список

1. Грязнов М. П. Курган как архитектурный памятник // Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований в 1960 г. М., 1961.
2. Худяков Ю. С. Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. — Новосибирск, 1987.
3. Суразаков А. С. О древнетюркских каменных оградках // Тюркология-88. Фрунзе, 1988.
4. Савинов Д. Г., Рева Л. И., К вопросу о ритуальных памятниках эпохи бронзы Южной Сибири (могильники Барлык II и Узунтал IV) // Культура древних народов Южной Сибири. — Барнаул, 1993.
5. Худяков Ю. С. Поминальные памятники пазырыкской культуры Горного Алтая // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. Материалы международной конференции. — СПб., 1996.

6. Войтов В. Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово — поминальных памятниках Монголии VI — VII вв. — М., 1996.
7. Кляшторный С. Г. Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах (к интерпретации Ихэ — ханын — норской надписи/ С. Г. Кляшторный // Тюркологический сборник. 1974. — М., 1978.
8. Худяков Ю. С. Древнетюркские поминальные памятники на территории Монголии (по материалам СММКЭ в 1979-1982 гг.) // Древние культуры Монголии. — Новосибирск, 1985.
9. Бичурин Н. Я. (Иакинф) Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена, I. М. - Л. 1950.
10. Худяков Ю. С. Дискуссионные вопросы изучения поминальных памятников древних тюрков в Горном Алтае // Древности Алтая. — № 9. Горно-Алтайск, 2002.

Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск
Получено 04.02.2013

Е. Р. Dvornikov

FUNERAL MAKE MENTION RITUAL SPRING RECONSTRUCTION CULTURE NOMADS GORNY ALTAI

This work dedicated character elements ritual practice with point of view information in reconstruction study of culture. Examine objects funeral make mention cycles.

reconstruction, culture, ritual, archaeologic science, barrow

УДК 94

Н. Ф. Иванцова

ВЛАСТЬ И ЗАПАДНОСИБИРСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО В 1917 Г.

В статье на основе архивных и опубликованных источников раскрывается общее и особенное во взаимоотношениях власти и крестьянства Западной Сибири в период неоднократной ее смены в 1917 г.

**царское, Временное правительство, советское правительство, западносибирское
крестьянство, организации, политические настроения**

Активизация теоретического осмысления исторического опыта взаимодействия власти отдельных социальных сообществ, общественных структур, объединений и пр. нашла проявление в проведении многочисленных конференций, круглых столов, в издании сборников статей, документальных материалов [1]. Заметим, в советское время это не носило системного характера. В 1917 г. положение крестьянства в системе производства, общественных отношений, государственных властных структур неоднократно и значительно изменялось. Проблема «власть и крестьянство» всегда связана с понятием «настроения», которые можно рассматривать как «социальные», как психологические индивидуально-коллективные эмоции и суждения, отражающие текущие и перспективные ожидания, требования крестьянства, а также представление о возможности их реализации в конкретной исторической ситуации, и которые определяются вопросами экономического и политического характера.

Изучение взаимоотношения власти и сибирского крестьянства в 1917 г., когда царская администрация была заменена на «временную», а затем большевистскую, представляется интересным и в плане комплексного рассмотрения указанной проблемы на общероссийском уровне и выявление общего и особенного в решении вопросов переустройства деревенской жизни.

Сибирские исследователи, обращаясь к проблеме взаимоотношения крестьянства и власти в 1917 г., чаще рассматривали их с позиций классовой борьбы, в рамках большевистской идеологии. В общем виде этот подход обозначен в «Ис-

тории советского крестьянства», «Истории Сибири», «Истории крестьянства Сибири в период строительства социализма», включающих, следует отметить, колоссальный массив документальных материалов [2]. Авторы отметили, что во время войны экономическое положение сибирского крестьянства ухудшили возросшее налоговое обложение, отвлечение на войну работоспособного мужского населения, повышение цен на сельскохозяйственную технику. Период 1917 г. обозначался как период аграрной революции, а начало большевистского правления — периодом согласованных действий власти и крестьянства, которое вполне «устраивала проводимая большевиками политика».

В советский период исследование проблемы «власть и сибирское крестьянство», как правило, традиционно ограничивалось анализом политики Временного правительства, аграрной революции и ее составной части — крестьянского движения, а также политических настроений, крестьянских организаций, советского строительства [3]. Все вопросы рассматривались в контексте классовой борьбы с царизмом и на втором этапе — с буржуазным правительством, причем, одни (Л. М. Горюшкин, Г. П. Жидков, В. М. Самосудов) выдвинули тезис об особой активности западносибирского крестьянства в борьбе с властью, о «длительности, массовости и упорстве, бескомпромиссности» ее с царской и особенно с администрацией Временного правительства, другие (Т. В. Якимова, Е. Н. Бабилова, В. Г. Зыкова) отмечали его инертность, пассивность, политическую незрелость, а созданные организации ха-

рактизовались как кулацко-эсеровские, буржуазные, проправительственные. Советские исследователи были единодушны в определении характера взаимоотношений сибирского крестьянства и большевистской власти, как конструктивных и даже гармоничных. Крестьянство изображалось активным проводником политики большевиков в политических и экономических реформах конца 1917 г. [4].

В постсоветское время историков интересовали вопросы общественного сознания, крестьянской ментальности, политических настроений. Определенную роль в формировании нового видения революционной сибирской деревни сыграло обращение к изучению социальной истории. На смену созданной в прежней историографии картине, в частности, соответствия всех действий большевистской власти настроениям и чаяниям подавляющего большинства сибирского крестьянства приходит понимание неоднозначной реакции крестьянского социума, причем, на наш взгляд, с преувеличением конфликтационной составляющей власти и крестьянства. Причем, за рамками исследований остались вопросы конфронтационности или взаимодействия в решении вопросов землепользования, землеустройства, налоговой политики [5].

В Западной Сибири проживало в 1917 г. 8,3 млн. человек, из которых 95% было связано с сельскохозяйственным производством [6, с. 90]. Царская администрация, в том числе, в Алтайском округе в лице Кабинета, проводя работу по устройству переселенцев, землеустройству, оставила в неприкосновенности землевладение крестьян — старожилов. Если в Томской губернии отрезки составляли 0,96% [7, с. 5-6] (заметим, это были лесистые горные участки), то в Тобольской губернии крестьянские наделы даже увеличились на 4,98% [8, с. 58]. Правительственная администрация поддерживала арендаторов-предпринимателей, из которых более 50% составляли зажиточные крестьяне, предпринимала меры к развитию кооперативного движения. Кооперативные хозяйства в Западной Сибири составляли 52% хозяйств, охватывая до 2/3 населения [9, с. 70]. Местные власти чаще через систему налогообложения в предреволюционные годы поощряли создание опытных полей, ферм, пчеловодческих хозяйств, мукомольного производства, элеваторного хозяйства, центральная власть повышала конкурентоспособность сибирского хлеба тарифной политикой, а также централизованными закупками хлеба для армии, развитие маслоделия — предоставлением кооперативам дешевых кредитов. Были необременительными для подавляющего большинства населения и налоги. В среднем на двор в Алтайском округе в 1915 г. приходилось 11 руб.10 коп. (в 4 раза меньше, чем в Англии) [10, л. 31]. Хотя налоги и разные повинности из малосостоятельных хозяйств изымали до 10% дохода (из состоятельных — 3,5-4%), они не лишали их возможности производительно вести хозяйство [11, л. 2-3].

Аграрная реформа, предполагавшая переход к частному землевладению, не изменила в Запад-

ной Сибири систему землепользования земель. В 1917 г. частновладельческие хозяйства в регионе составляли 0,07%, (из 1 млн. крестьянских и 30 тыс. инородческих), им принадлежало не более 3,6% пашни [12, с. 96]. Правительство не оказывало давления в решении главного вопроса реформы переводу крестьян в разряд собственников земли. По данным переписи 1917 г. в Томской губернии общинными были 88,4% хозяйств и им принадлежало 96,4% земель [13, л. 7-7об]. Община, по — прежнему, была фактической властью на селе. Царская администрация и крестьянское самоуправление взаимодействовало в главном: те и другие видели задачей динамичное развитие сельскохозяйственного производства региона. И сельское хозяйство Западной Сибири в годы войны, несмотря на отвлечение на фронт более 740 тыс. работоспособного населения, демонстрировало высокие темпы развития. Так, сбор зерновых в Алтайской, Томской, Тобольской губерниях в 1915—1917 гг. увеличился на 43%, поголовье скота выросло на 20%, даже в условиях постоянных реквизиций численность лошадей достигла 3,7 млн. голов — рост на 17,7%. [14, л. 1-4, с. 18, с. 214].

Известия о февральских событиях в Петрограде в сибирской деревне встретили сдержанно. Но после получения известий об отречении Николая II от престола крестьянство, судя по многочисленным телеграммам, выразило поддержку Временному правительству. На Алтае уже в марте население требовало сменить администрацию. Вскоре на сходах и собраниях началось устранение от должностей волостных старшин, крестьянских начальников, лесничих, явочным порядком стали создаваться различные комитеты волостного и сельского уровня. А затем уже в рамках Постановления Временного правительства от 19 марта 1917 г. произошла к июлю передача власти народным собраниям и исполнительным комитетам [15, л. 1, л. 198, л. 1-3, л. 71, 36]. Инициаторами и организаторами подавляющего большинства комитетов выступала интеллигенция, частично рабочие и солдаты, идеологически они находились большей частью под влиянием эсеров. В их составах по рекомендации свыше были включены и представители старой администрации, в том числе и старосты, старшины, а также кооператоры, служители культа, купцы, предприниматели, политические ссыльные и крестьяне, которые без ущерба для своего хозяйства могли выполнять общественную работу. Деятельность волостных и сельских комитетов часто выходила из-под контроля администрации. На Алтае лесничество постоянно требовали от исполняющего обязанности начальника Алтайского округа привлечь комитеты к охране земель и лесов, но исполкомы часто сами становились организаторами разного рода (от вырубki леса до захвата земель) беспорядков [16, с. 69-70].

Центральная и местная власть, принимая во внимание всю важность земельного вопроса и осознавая неспособность исполкомов реально влиять и в рамках закона заниматься земельными делами, принимает 21 апреля 1917 г. постановление

о создании земельных комитетов. В Западной Сибири были созданы губернские, уездные и в 95% волостей волостные комитеты [17, л. 3-42]. В некоторых местностях, где земельный вопрос требовал немедленного решения, появились и сельские земельные комитеты. И данные комитеты заполнялись почти на треть представителями администрации. Почти все они находились под влиянием эсеров. Большинство земельных комитетов действовали в рамках политики центральных и местных властей: проводили опросы населения, регулировали вопросы землепользования, переселений, в ряде случаев становились на защиту интересов арендаторов-предпринимателей, принимали меры по охране лесов, пресекая самовольные порубки, участвовали в организации полевых работ, в частности, предпринимали меры к сохранению посевов, заставляли проводить запашку, засев пустующих участков, регулировали вопросы найма рабочих. Часть комитетов действовали довольно радикально: передавали земли арендаторов безземельным, требовали от лесничих бесплатного отпуска леса, изымали земли у служащих лесничеств и пр.

На основе проведенных многочисленных опросов сельского населения губернские земельные комитеты к моменту большевистского переворота имели программу решения в Западной Сибири земельного вопроса. Она включала в себя отмену частной собственности на леса и землю, передачу ее на общинных началах без разрешения наемного труда «в собственность всех граждан», введение прогрессивного подоходного налога [18, л. 84-85].

Западносибирское крестьянство неоднозначно восприняло идею создания земских организаций. Об этом свидетельствовала и малоактивность, а часто неучастие деревни в избирательной кампании. В ряде мест на Алтае, в частности, в голосовании приняло участие 8-9% избирателей, а в Каменском уезде земству был объявлен бойкот [19]. Несмотря на усилия властей выборы в земства повсеместно затянулись (к ноябрю 1917 г. они действовали едва ли в половине волостей), где-то по инерции продолжались до момента их полной ликвидации большевиками в апреле 1918 г. Заметим, и к моменту упразднения многие земские собрания и управы не были полностью укомплектованы. Возможно и потому, что в уездных органах предполагалось представительство от крестьян до 3/4 состава, а в волостных — «исключительно хлеборобов-крестьян» при условии, отметим, работы в них, как правило, на общественных началах, что крестьяне позволить себе не могли. Ряд земских учреждений, во главе которых оказались правые эсеры, превратились в своеобразные политические организации, ставшие центрами объединения антибольшевистских сил.

В мартовско-октябрьские дни крестьянство под влиянием агитации социалистов формирует и свою систему власти — советы. На основе этого советские исследователи делали вывод о реальном двоевластии в Сибири [20, с. 55-56, 61]. Создание крестьянских советов не было явлением заметным. Так, в октябре 1917 г. в Алтайской

губернии волостные советы были избраны в 15 из 246 волостей, т.е. в 6% из их общего числа [21, с. 215-216]. Чаще всего инициаторами создания советов были эсеры, часть советов была сформирована сельскими обществами, и депутаты были избраны на сходах. Доминирование эсеров в советах определяло и повестку дня крестьянских съездов. Под их влиянием чаще всего формулировались «наказы»- своеобразные требования к власти о путях решения насущных проблем. Отметим, в них четко была обозначена позиция: предоставить право решения всех вопросов (от формы власти до земельного) Учредительному собранию.

Протоколы съездов зафиксировали при большом разбросе мнений отношение западносибирского крестьянства к важнейшим вопросам развития общества. В решениях съездов фиксировалось требование передачи всех земель в общенародное достояние с запрещением купли-продажи. Интересно, что крестьянство единодушно высказывалось за продолжение войны до победного конца и в этом вопросе оно безоговорочно поддерживало власть. В организации продовольственного дела, развития производства меры, предлагаемые крестьянством (увеличение посевных площадей, создание опытных полей, снабжение населения семенным материалом, сельскохозяйственными машинами, работа курсов агрономов, монтеров-инструкторов, развитие кооперации, создание артелей по совместной обработке земли, учет продовольствия, регулирование цен на хлеб и пр.), выходили далеко за те рамки, которые определялись центральной властью.

Одной из форм организации крестьянства Западной Сибири в 1917 г. стали союзы. Местная власть, в том числе общинная, относилась к ним индифферентно. Союзы были детищем правых эсеров, но более — кооператоров. Последние часто явочным порядком «записывали» в союзы крестьян — кооператоров. Союзам отводилась роль объединений в подготовке к Учредительному собранию. Нечеткая организационная структура не дает возможность определить их численность. Можно говорить, что они не стали массовыми объединениями. Деятельность их была малозаметной и сводилась к «политическому просвещению» крестьянских масс, чаще — к культурно-просветительной работе в деревне. Неприятие власти вызывала деятельность союзов деревенских бедноты (солдат, неприписанных крестьян). «Закон» Каменского, приговоры Средне-Алеуского, Медведковского, Чиньевского союзов свидетельствуют об отказе в поддержке Временному правительству, о стремлении радикально решать вопросы землепользования вплоть до конфискации земель, сельскохозяйственного инвентаря и передаче их, прежде всего, малоземельным [22, л. 14].

Примечательно, что союзы Западной Сибири отказались участвовать в работе съезда Всероссийского крестьянского союза. Трое делегатов, представлявших регион, были из союзов бедноты, которые противостояли эсерским руководителям. Союзы к осени стали неуютны эсерам, пытавшимся поставить их под свое влияние (во исполнение решения Западносибирского съезда

крестьянских депутатов) путем объединения с советами. Они оказались ненужными и крестьянству потому, что устранялись от решения вопросов деревенской жизни.

Наибольшее взаимодействие с властью осуществляла в мартовско-октябрьские дни западносибирская кооперация. Этот период кооператоры называли «золотым». Местная власть не противодействовала монополизации кооперативами заготовки хлеба, поручила ей проведение продразверстки и организации продовольственных комитетов, выдавала ей дешевые кредиты. Политическое кредо кооперации (Учредительное собрание, демократическая республика, местное самоуправление) не противоречило программным требованиям эсеров, кадетов, т.е. проектам реформ действующего правительства. Сибирская кооперация последовательно поддерживала политику Временного правительства, о чем открыто заявляла. И по-другому не могло быть. Именно в этот период кооперация многократно увеличила прибыли. Так, обороты Союза сибирских маслодельных артелей выросли в 1917 г. на 220%, а в денежном выражении в 1916 г. составляли 35 млн. руб., а в 1917 г. — 160,3 млн. руб. [23, с. 48].

Значительно в 1917 г. изменилась роль общины. Прежде всего, декларируя принцип выборности администрации, она последовательно избавлялась от неугодных крестьянских начальников, лесников, объездчиков, старост. Часто на сельских сходах происходило формирование низшего звена государственных и общественных организаций, в частности, сельских и волостных исполкомов, земельных и продовольственных комитетов, земств, союзов, советов, наконец, кооперативов. Наказы, приговоры, принятые на сходах, становились основой для выработки резолюций на разного рода съездах, а также программ реформ и деятельности местных и губернских органов власти.

В марте — октябре община «управляла» и беспорядками в деревне. Причины антиправительственных выступлений крылись в бездействии правительства в решении аграрного вопроса. Постановления Временного правительства по земельным отношениям, переселениям, налоговому обложению и пр. являлись, по — существу, продолжением политики прежней власти. В воззваниях подчеркивалось, что земельная реформа будет требовать длительной подготовки, что вопрос может быть решен Учредительным собраниями, что нужно избегать незаконных действий. Сибирская администрация неоднократно выступала с обращениями к населению с просьбами не нарушать законов и порядка.

Власть, однако, вынуждена была, учитывая настроение масс, решать наиболее значимые проблемы. Кабинетские земли передаются в казну, но, по-прежнему, разрешалась их аренда, как и аренда других земель, в том числе, предпринимателями; с целью обеспечения хозяйств наемными рабочими запрещаются обратные переселения; прекращаются землеустроительные работы, несмотря на то, что 66,5 тыс. переселенцев и беженцев оставались без узаконенных наделов [24]. Из-за выступлений крестьян по причине недовольства

лесными порядками губернские исполкомы на основе «Временных правил» выработали свои правила пользования лесом. Организация надзора за использованием леса возлагалась на земельные комитеты. Однако, система лесопользования и лесоуправления осталась прежней — лесничества с прежним штатом и прежними функциями. Местные власти предпринимали попытки регулирования продовольственного дела путем организации учета хлебных запасов, установления твердых цен и реквизиции его излишков. Крестьянство ряда зернопроизводящих районов (Барнаульского, Бийского уездов) в ответ на это объявило бойкот: привоз зерна, муки в города прекратился.

Советские историки — сибиреведы утверждали, что в Западной Сибири противостояние крестьянства и власти достигло революционного уровня. Л. М. Горюшкин, Г. П. Жидков, Ю. В. Журов рассматривали крестьянские выступления в марте — октябре 1917 г. в Западной Сибири как аграрную революцию [25]. Причем к формам классовой борьбы они отнесли не только захват земель, порубки леса, отказ от арендных платежей, но и сходы с принятием наказов, съезды, митинги, образование организаций, например, советов. Представляется, абсолютизировать революционность сибирского крестьянства и его конфронтационность вряд ли уместно. Умонастроение основной массы деревенского населения можно характеризовать как выжидательное законопослушание. Отдельные группы часто под влиянием агитации солдат, большевиков, анархистов, которые убеждали их в том, что земля теперь стала всенародным достоянием, и каждый имеет полное право распоряжаться ей по своему усмотрению, решались на крайние формы в своих действиях: захвату по сути свободных земель, рубке леса, неподчинение лесной страже. Как правило, все это санкционировалось крестьянскими обществами. Можно было слышать заявление о том, что власть не помогает в развитии производства, однако задачу поменять основу общественной организации и существующие производственные отношения западносибирское крестьянство не ставило. Даже неуплату налогов можно с известной степенью условности считать антиправительственными выступлениями. Часто это имело простое объяснение: крестьянство чувствовало слабость власти и использовало эту ситуацию. Причем, опять и эти проблемы регулировались сельским сходом и в какой-то мере имели правовую основу.

Многочисленные жалобы, прошения, отложившиеся в ГАРФе, местных архивах свидетельствуют о том, что сибирское крестьянство оставалось в основной массе послушным. Захват земель у своих состоятельных общинников, как и подворников был явлением исключительным. Практических экономических результатов ни «приговорно — наказные» кампании, ни акты прямого действия не имели. Можно говорить, что власть не навязывала свои порядки, а крестьянство сохранило традиции, оставшись приверженцем общинной организации, надельного землевладения.

Программу политических преобразований крестьянство представило в наказах Учредительно-

му собранию, в которых чувствовалась рука и влияние эсеров. Неизменным оставалось требование отмены частной собственности и обращение ее в общенародное достояние, вопрос о власти предлагалось решить Учредительному собранию, высказывались пожелания бесплатного судопроизводства, отделение церкви от государства, замена армии народным ополчением [26, с. 149, л. 6]. На съездах советов в отдельных выступлениях зазвучали в октябре требования «мировой революции», заключение мира и опубликование тайных договоров, передача власти советам [27, л. 245, л. 10]. Можно утверждать, что в целом влияние большевиков из-за малочисленности, недостаточного знания психологии крестьянства, а главное, лозунга национализации земли, который не был понятен деревни, было минимальным, практически незаметным. Определяющего воздействия их на деревню не было. Систематической работы, как эсеры, среди крестьянства они наладить не сумели. Степень их влияния как нельзя лучше показывают выборы в Учредительное собрание, которые, как известно, проводились уже при большевистской власти. В частности, в Алтайской губернии в самом в 1917 г. населенном и неспокойном районе Сибири 87% голосов получили эсеры и их сторонники. Большевикам отдали предпочтение 7,3% избирателей [28, л.32]. Можно утверждать, что за экономическое и политическое реформирование западносибирское крестьянство выступало общим фронтом, и далеко не под большевистским лозунгами.

После прихода большевиков к власти крестьянство, судя по решению сходов, словесно осудив действия и подтвердив требования Учредительного собрания, заняло в ноябре — декабре 1917 г. выжидательную позицию. Большевикам принятием декрета «О земле», когда они фактически отреклись от своей аграрной программы национализации, взяв на вооружение эсеровскую программу социализации, удалось нейтрализовать деревню. В большей части районов крестьянство пассивно наблюдало за происходящим. В решениях отдельных крестьянских сходов признание власти Советов

та Народных Комиссаров обговаривалось рядом условий: если в СНК будут введены крестьяне, если СНК передаст власть Учредительному собранию, если СНК «не будет являться правительством одной партии» и т.д. [29, л. 10, л.47-48].

О непризнании власти большевиков заявили кооператоры, областники, земства, предложив организовать «экономическую блокаду Петрограда», а сибирское казачество заявило о непризнании и советов, призывав заменить их земствами [30, л. 106, л. 57, л. 26]. Земельные комитеты также выразили недоверие СНК, Ленину, подчеркнув нелегитимность «комиссарской власти», но в то же время заявили: «Власть должна находиться у Советов» [31, л. 43]. Такие настроения и позиция достаточно значимых организации определила особенности советизации Западной Сибири. В конце ноября власть была «провозглашена» в Омске, в декабре — в Барнауле и Томске. Следует указать и на следующие обстоятельства: на уездном уровне власть перешла к советам в 1918 г., причем, советы к июню действовали в 60% волостей, и только в 4-5% сел; в советах продолжали определять политику эсеры; во многих районах признание советской власти никак не связывали с подчинением большевикам, подчеркивая, что советская власть не есть власть большевистская; наконец, включительно по апрель в ряде мест существовала реально конструкция коллегиального управления: советов, земств, исполкомов, дум.

Отношение крестьянского населения Западной Сибири к власти в 1917 г. не было однозначным. С царскими чиновниками с проявлением отдельными крестьянами недовольства приоритетным оставалось сотрудничество. Выступившее единым фронтом в мартовско — октябрьские дни 1917 г. с поддержкой Временного правительства западносибирское крестьянство довольно единодушно выразило свое отрицательное отношение к большевистскому перевороту. К начавшемуся процессу создания советской государственности («советизации») сибирская деревня проявила безразличие и оставалась в ноябре — декабре пассивна.

Библиографический список

1. Власть и общество в России: традиции и современность. Рязань, 2008; Государственная власть и крестьянство в конце XIX — начале XXI вв. Коломна, 2009; Власть и общество в России в XX веке. Самара, 2011; Власть и общество в России в XIX—XX вв. Орехово-Зуево, 2012; Общество и власть в СССР и постсоветской России. М., 2013; Общество и власть. В 5-ти т. / Сост. А.А. Кулаков, В.В. Смирнов и др. М.: Институт Российской истории РАН, 2008.
2. История советского крестьянства. М., 1986; История Сибири. Томск, 1987; Крестьянство Сибири в период строительства социализма. 1917—1937 гг. Новосибирск, 1983.
3. Политика царизма в Сибири. Иркутск, 1987; Агалаков В.Т. Советы Сибири (1917—1918 гг.). Новосибирск, 1978; Горюшкин Л.М. Крестьянское движение в Сибири в 1917 году. Новосибирск, 1975; Его же крестьянские комитеты в Сибири в 1917 г. // Известия Сибирского отделения АН СССР, Новосибирск, 1978. № 1. Вып. 1. С. 68-79; Бабикина Е.Н. Двоевластие в Сибири. Томск, 1980; Черняк Ю.И. Эсеровские организации в Сибири в 1917—1918 гг. Томск, 1987; Октябрь в Сибири (март 1917 — май 1918 гг.). Новосибирск, 1987; Якимова Т.В. Факторы формирования политических настроений крестьянства Западной Сибири в 1917 году // Из истории социально-экономической и политической жизни Сибири. Томск, 1980. С. 51-61; Зыкова В.Г. Крестьянские исполнительные комитеты в Сибири в период Октябрьской революции // Вопросы истории социального и экономического развития Сибири. Томск, 1986. С. 3-14; ее же. Крестьянские союзы в Сибири в 1917 г. // Вопросы социалистического строительства в Сибири (1917—1929 гг.). Томск, 1983. С. 79-93 и др.
4. Агалаков В.Т. К историографии Советов Сибири в октябре 1917 г. // Классы и партии в Сибири в период Великой Октябрьской социалистической революции. Томск, 1977. С. 168-181; Борьба за власть Советов на Алтае. Барнаул, 1977; Горюшкин Л.М. Претворение в жизнь Декрета о земле в Западной Сибири в конце 1917 — начале 1918 г. // Крестьянство и сельское хозяйство Сибири в 1917—1961 гг. Новосибирск, 1965, Вып. 5. С. 7-27; Журов Ю.В. Большевистские организации и первые революционные преобразования в сибирской деревне (1917—1918 гг.) // Из истории Красно-

- ярской партийной организации. Красноярск, 1974. Вып. 6. С. 7-27; Борьба большевиков Сибири за народные массы в годы революции и Гражданской войны. Красноярск, 1983; Щагин Э.М. Октябрьская революция в деревне восточных окраин России. М., 1974.
5. Государство и общество Сибири в XVII—XX вв. Новосибирск, 2008; Власть общество в Сибири в XX веке. Новосибирск, 2010; Социокультурная трансформация населения Сибири в XX веке. Новосибирск, 2011; Рыков В.М. Политикоэкономическое видение русской революции 1917-1920 гг. // Наука. Университет. 2008. Новосибирск, 2008. С. 63-68; его же. Земские органы Сибири в период революционных преобразований. 1917-1919 гг. // Сибирская деревня. Омск, 2008. Ч. 1. С. 289-292; Шиловский М.В. Трансформация элементов общественного сознания сибирских крестьян в начале XX века // Крестьянство восточных районов России и Казахстана в революции и гражданской войне (1905-1921). Ишим, 2006. С. 11-17.
 6. Пронин В.И. Город и сельское население Сибири в конце XIX — начале XX вв. // Город и деревня Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1984.
 7. Центральный государственный исторический архив (ЦГИА). Ф. 391. Оп. 6. Д. 657. Л. 5-6.
 8. Храмов А.А. К вопросу об итогах поземельно-устроительной реформы в Сибири // Из истории Алтая. Томск, 1978. С. 58.
 9. Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года. М., 1921. С. 70.
 10. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. 65. Оп. 1. Д. 231. Л. 31.
 11. Там же. Ф. 184. Оп. 1. Д. 162. Л. 2-3.
 12. Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. Вып. 3. Пг., 1917. С. 96.
 13. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. 146. Оп. 1. Д. 388. Л. 7-7об.
 14. Подсчитано по данным: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1783. Оп. 7. Д. 4. Л. 1-4; Нагнибеда В.Я. Сельское хозяйство Томской губернии. Томск, 1924. С. 18; Сельское хозяйство России в XX веке. М., 1923. С. 214.
 15. Подсчитано по данным: Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 19. Оп. 1. Д. 91. Л. 1; Д. 18а. Л. 198; ГАРФ. Ф. 1706. Оп. 1. Д. 31. Л. 1-3; Ф. 1788. Оп. 2. Д. 181. Л. 71; ЦГАФ АК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 16. Л. 36.
 16. Горюшкин Л.М. Крестьянское движение в Сибири в 1917 г. Новосибирск, 1975. С. 69-70.
 17. Подсчитано по данным: Государственный архив Томской области (ГАО). Ф. Р. 934. Оп. 1. Д. 2. Л. 3-42.
 18. ГАРФ. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 74. Л. 84-85.
 19. Власть и западносибирское крестьянство в 1917 г. Известия Алтайского губернского исполнительного комитета. 1917. 29 октября.
 20. Бабилова Е. Н. Указ. соч. С. 55-56, 61.
 21. Победа Великого Октября в Сибири. Томск, 1987. Ч. 1. С. 215-216.
 22. ГАО. Ф. Р. 166. Оп. 1. Д. 7. Л. 14.
 23. Доклады Центрального правления общему собранию уполномоченных Союза за 27-31 марта, 1-5 апреля 1918 г. о деятельности Союза за 1917 г. Курган, 1918. С. 48.
 24. ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 221. Л. 110 — 110об.
 25. Горюшкин Л.М. Об этапах аграрной революции в Сибири // Историческая наука в Сибири за 50 лет. Новосибирск, 1972. С. 78, 93; Жидков Г.П. Особенности аграрной революции на Алтае в 1917 г. // Тезисы докладов и сообщений десятой сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1968. С. 268 - 272; Журов Ю.В. К вопросу об аграрно — крестьянской революции в Сибири // Историческая наука в Сибири за 50 лет. С. 99 - 100.
 26. Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917 — 1919). Томск, 1957. С. 149; ГАРФ. Ф. 3875. Оп. 1. Д. 10. Л. 6.
 27. ГАО. Ф. 58. Оп. 1. Д. 1а. Л. 245; ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 190. Л. 10.
 28. Голос труда. 1917. 5 декабря; ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 123. Л. 32.
 29. ГАО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1436. Л. 10-11; Оп. 4. Д. 226. Л. 47-48.
 30. ГАРФ. Ф. 393. Оп. 2. Д. 95. Л. 106; ГАО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 226. Л. 57; Д. 292. Л. 26.
 31. ГАО. Ф. 934. Оп. 1. Д. 18. Л. 43.

Московский государственный университет им. Ленина, г. Москва
Получено 11.05.2013

Ivanzova N. F.

POWER AND WESTERN SIBERIA PEASANTS IN 1917

In article on the basis of archival and published sources disclosed the General and the particular in relations between the authorities and the peasantry of Western Siberia in the period of the repeated hang in 1917.

Royal, the Provisional government, the Soviet government, Western Siberia peasantry, organization, political mood

УДК 329.14

Н. П. Курусканова

БАРНАУЛЬСКИЕ ЭСЕРЫ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

В статье на основе впервые вводимых в научный оборот документальных источников изучена история барнаульских эсеров в начале XX в.

революция, социалисты-революционеры, социал- демократы, политические ссыльные, нелегальные издания, политические кружки, провокаторы, военные союзы

В отечественной историографии отсутствуют работы, посвященные истории барнаульских эсеров. Предлагаемая статья является первой попыт-

кой восполнить существующий пробел. Предшественниками эсеров в Барнауле в 1890-х гг. являлись члены политических кружков, руководи-

мых ссыльными народниками А. Я. Сулиным, А. А. Силиным, Н. С. Гуляевым, И. Е. Овсянковым, С. П. Швецовым, В. К. Штильке, М. О. Курским и др. Например, в политическом кружке Силина и Сулина, существовавшем в 1895—1899 гг., преобладали учащиеся горного училища. В кружках читалась народническая и марксистская литература. Среди членов кружков распространялась и нелегальные издания местного производства. Члены кружков установили связь с томскими эсерами. В Барнауле, например, в 1903 г. распространялся журнал томских эсеров «Отголоски борьбы». Впоследствии многие участники народнических кружков сыграли заметную роль в освободительном движении в Сибири [1, с. 68, 83, 84; 2, с. 102; 3, с. 637-638; 4, с. 830-831; 5, с. 140; 6, л. 327-328, 330].

В 1904 г. был оформлен на первом учредительном съезде руководящий орган местных эсеров — Сибирский союз социалистов-революционеров (с середины 1905 г. — Сибирский союз ПСР), возглавляемый Областным комитетом (ОК) с центром в Томске. В это же время стала функционировать небольшая по численности Барнаульская группа ПСР. В нее вошли ссыльные народники, представители местной интеллигенции, учащиеся. Ее членами являлись, например, А. А. Силин, М. В. Смольницкая-Шейн и др. [3, с. 521-522; 6, л. 327].

В создании эсеровской организации в Барнауле, как и в других местах Сибири, решающая роль принадлежала бывшим политссыльным народникам. Также, как и у других сибирских формирований ПСР, позиции барнаульских эсеров в деревне были очень слабыми. До Первой революции в сельской местности Алтая не было оформленных партийных групп эсеров. Только в ходе Первой российской революции, наряду с действовавшей в Барнауле небольшой группой ПСР (10 чел.), в уезде были созданы эсеровские крестьянские организации [5, с. 161; 7, с. 22; 8, л. 17].

Барнаульская организация ПСР в начальный период революции не вела активной печатной пропаганды, что объяснялось, в первую очередь, ее малочисленностью и отсутствием средств для создания собственной типографии. Поэтому местные эсеры распространяли издания, выпущенные другими организациями ПСР. Так, 8 апреля 1905 г. отставной фельдфебель А. П. Сысоев доносил начальнику Томского ГЖУ, что получил от неизвестного лица в Барнауле пачку из 12 экз. печатных брошюр ПСР и одно писаное от руки стихотворение «Ткачи» Генриха Гейне [9, л. 1-1об.]

В условиях русско-японской войны эсеры приступили к агитационно-пропагандистской работе среди военных. В Барнауле среди демобилизованных солдат в 1905—1906 гг. вел пропагандистскую работу 20-летний член Барнаульской организации ПСР, учитель Николай Поликарпович Александров. По воспоминаниям барнаульского социал-демократа Н. Т. Изюмченко, работа среди военнослужащих в это время была поставлена слабо и у эсеров, и у эсдеков. Поэтому представители этих партий работали в солдатской среде совместно, «партийной розни и резкого разграничения

на фракции тогда не наблюдалось» [3, с. 19; 10, л. 57]. Еще одним направлением деятельности барнаульских эсеров стала работа в зарождавшихся профсоюзах. Например, в образовавшемся в октябре 1905 г. местном отделении профсоюза учителей и работников образования.

В октябре 1905 г. в результате черносотенного погрома по революционному подполью Барнаула был нанесен серьезный удар. Избиениям подвергся ряд деятелей освободительного движения. Погром угнетающе повлиял на общественно-политическую жизнь города. После репрессий конца 1905 г. группа эсеров значительно ослабла. Возрождение эсеровского подполья началось весной 1906 г. Эсеры и социал-демократы совместно проводили в лесу массовки, которые посещали рабочие. По воспоминаниям эсдеков П. Тузовского и П. Е. Семьянова, у части барнаульских рабочих весной-летом 1906 г. «были уклоны в сторону эсеровщины». Н. Ф. Шубкин также вспоминал, что в Барнаул «заезжали иногда только эсеровские работники, с которыми устраивались дискуссии у местных социал-демократов. Одна из таких дискуссий была, например, в помещении чертежной, внизу Народного дома». На таких дискуссиях выступал член ОК Сибирского союза ПСР П. Я. Дербер («Петя маленький») [8, л. 17-17об.; 10, л. 92; 11, с. 6-7]

Следует отметить, что местные эсдеки и эсеры активно помогали друг другу в подпольной работе. Об этом свидетельствует пример Е. В. Богословского. Руководя подпольной типографией барнаульских эсдеков в 1905—1907 гг., он одновременно работал землемером Алтайской землеустроительной партии. Его начальником являлся бывший ссыльный, эсер П. М. Юхнев. Богословский вспоминал, что, «благодаря снисходительному отношению начальника партии Павла Михайловича Юхнева», он мог посвящать «все свое время зимой партийной работе». По воспоминаниям Е. В. Богословского, в июне 1906 г. «последние дни пребывания Маслова (А. М. Маслов — руководитель Барнаульского комитета РСДРП — Н. К.) в Барнауле были очень тревожными. Социалисты-революционеры (у них была на диво поставлена информация) сообщили нам, что Маслов будет арестован» [6, л. 76; 12, с. 46, 231].

Барнаульская группа ПСР окрепла осенью 1906 г. в связи с приездом сюда профессионального революционера, томского студента Сергея Николаевича Носкова (настоящее имя Тимофей Ефимов). В качестве парпрофессионала в 1906—1907 гг. в Барнаульской группе ПСР также работал Петр Философович Тюшев, который проводил организационную и пропагандистскую работу [3, с. 572; 4, с. 826; 13, с. 158-159; 14, л. 119-119об.].

Эсерам удалось увеличить численность своей организации за счет привлечения в нее учащихся местных средних учебных заведений. По донесению начальника Томского ЖУ, в Барнауле существовал «правильно организованный кружок учащейся молодежи барнаульских учебных заведений», находившийся под руководством эсеров, имевший свою программу, издававший подпольный журнал и листовки. Он систематически

собирался, составлял протоколы заседаний и принимал резолюции [15, с. 162]. Участниками нелегального эсеровского кружка являлись Е. З. Владимиров, П. Глазкова, З. Овсянкина, П. Рузина, В. Середкин и др. Занятия у кружковцев, кроме Носкова, проводили беглые политссыльные из Нарымского края фельдшерца Любовь Ивановна Преловская, Софья Натарзон, Яков Пальма [6, л. 365, 370-371, 383, 385; 16, л. 365].

Судя по найденным полицией при обыске 30 января 1907 г. у члена кружка 17-летней гимназистки Екатерины Зиновьевны Владимировой нелегальным изданиям Барнаульской группы ПСР, Томского и Иркутского комитетов ПСР, ряда других эсеровских организаций, а также купонным книжкам Студенческого союза при Томском комитете ПСР, можно сделать вывод, что кружковцы поддерживали связи с организациями ПСР в Томске и других городах Сибири, изучали программу ПСР, различные партийные документы. Они также распространяли в городе гектографированные прокламации Барнаульской группы ПСР, в которых, по сообщениям полиции, «имелся призыв вступать в ряды ПСР для борьбы с правительством» [17, л. 1, 3, 6-7об.].

Кроме учащихся в состав местной эсеровской группы входили учитель, врач, два военных фельдшера, акушерка, несколько солдат и др. Так, членами Барнаульской группы ПСР являлись учитель Н. П. Александров, военный фельдшер П. С. Середкин, П. Ф. Рулев, бежавший из Омска солдат Ф. А. Савченко и др. [6, л. 365, 370-371, 383; 8, л. 17; 17, л. 1, 3, 6-6об.; 18, л. 1-1об., 4; 19, л. 267-268, 270-271об., 273об.-274].

Барнаульская группа ПСР во второй половине 1906 г. наладила изготовление литературы на гектографе. На нем Л. И. Преловская изготовляла листовки и журнал эсеровского ученического кружка. Эсеровскую типографию выдал, видимо, сосед, анонимно приславший барнаульскому уездному исправнику письмо с сообщением о ее местонахождении. 28 апреля 1907 г. полиция нагрянула на квартиру Преловской, однако незадолго до этого она ушла. Преловская скрывалась на конспиративной квартире у социал-демократа А. Д. Васильева. Полиция захватила гектограф, около 10 фунтов шрифта, брошюры и листовки, подписные листы, переписку Барнаульской группы ПСР. 26 ноября 1907 г. Л. И. Преловскую с подложным паспортом на имя Галины Стронской задержали в Омске. По приговору Томского окружного суда 1 августа 1908 г. Преловская была приговорена к заключению в тюрьму сроком на 1 год (срок сокращен на треть) [6, л. 240об.-241об., 385; 15, с. 157; 17, л. 1, 6; 18, л. 1-1 об., 4; 20, л. 35; 21, л. 175об.].

В литературе утвердилось мнение, что члены Барнаульской группы ПСР отвергали экспроприации. Однако, в бумагах Преловской жандармы нашли «оттиск письма начальнику Барнаульской почтово-телеграфной конторы о 300 руб., которые он обязан положить на известное место на кладбище» [18, л. 1; 22, с. 48].

В начале 1907 г. барнаульские эсеры приняли участие в избирательной кампании во II Государственную думу. Ими распространялись неле-

гальные издания. Так, 5 марта 1907 г. в Барнауле была распространена прокламация Томского комитета ПСР «К гражданам! Граждане! Приближается время выборов...» с изложением избирательной платформы ПСР в период выборов во II Государственную думу и призывом голосовать за кандидатов ПСР [23, с. 57; 24, л. 14].

На 3 областном съезде сибирских организаций ПСР, состоявшемся 23-28 апреля 1907 г., делегат от Барнаульской организации ПСР не присутствовал. В это время эсеры занимались подготовкой массовки, которая состоялась в Барнауле 1 мая 1907 г. [25, с. 22; 26, с. 120].

Кроме того, с февраля 1907 г. членами Барнаульской организации ПСР была развернута активная работа по созданию Военного союза из солдат местного гарнизона. Организационно оформить Военный союз им удалось в июле 1907 г. Барнаульские эсеры широко распространяли среди солдат революционную печать. Среди распространяемой ими литературы — издания ЦК ПСР, Всероссийского Офицерского союза, газета «За народ» Всероссийского союза солдат и матросов, брошюры издательств «Донская речь», «Труд», «Земля и Воля», газета «Сибирские партийные известия» и брошюры «Проект поземельного закона, внесенного во II Государственную думу группой ПСР», «Программа ПСР» издания ОК Сибирского союза ПСР, прокламации Томского комитета ПСР и Барнаульской группы ПСР. Наиболее интенсивная агитационно-пропагандистская работа велась эсерами среди солдат 12-го пехотного Барнаульского полка, а также военнослужащих артиллерийской батареи и местной военной команды. Эсеры врач Евфратов, акушерка М. Натансон, фельдшеры Цаплин, П. С. Середкин, надзиратель больных Ф. А. Савченко проводили также революционную пропаганду среди солдат, находившихся на лечении в Барнаульском военном госпитале.

В изъятом у фельдшера Барнаульского лазарета П. С. Середкина письме было сказано, что он занимается распространением нелегальной литературы, которую получает «свежей, только что выпущенной из-под станка». По словам П. Середкина, распространяемая среди солдат литература читается ими «с большой охотой». Однажды в лазарете начальство обнаружило 70 эсеровских прокламаций местного производства, а на чердаке лазарета 24 июня 1908 г. была найдена бомба [19, л. 267-267об., 271об., 274; 24, л. 20; 27, л. 28;].

Под руководством эсеров проводились солдатские массовки, в которых принимали участие до 60 чел. На сходках эсеры призывали солдат сплотиться в Военный союз, обсуждался проект его устава, происходили выборы членов солдатского комитета. Руководство Военного союза состояло из лиц, избранных солдатами разных подразделений, и представителей местной организации ПСР. Организаторами и руководителями Барнаульского военного союза являлись члены местной группы ПСР военный фельдшер П. С. Середкин, П. Ф. Рулев, Ф. А. Савченко. Кроме них, среди солдат активно работали рядовые И. С. Жибурин, В. А. Золотов, В. А. Иванов, С. С. Козлов, О. И. Ольчак.

Эсеры издали и распространили в виде листовки «Устав Барнаульского военного союза при Барнаульской группе ПСР» (1907, до 11 июля). В Уставе Барнаульского военного союза определялась конечная цель его деятельности — созыв Учредительного собрания. Общими целями союза являлись: социализация земли, все виды гражданской свободы и т.п. Союз преследовал также специфически военные цели: замену армии милицией, увеличение материального содержания военнослужащих и т.п. Для достижения этих целей, согласно уставу, предусматривались отказ стрелять при усмирении восстаний, мирная забастовка и, наконец, вооруженное восстание.

Под влиянием эсеровской пропаганды, по заявлениям военного начальства, среди солдат «участились случаи заявлений всякого рода претензий, и, наконец, имела место посылка на имя командира войсками округа анонимного письма к последнему от нижних чинов полка и «некоторых офицеров», в котором заключались жалобы на строгость командира полка, полковника Писарева, на вмешательство его в распоряжения врача, на плохое качество пищи и т.п., а в конце письма содержалась даже угроза убить командира полка» [19, л. 267об.-268, 270-274; 28, л. 62-63об.].

В ходе Первой революции барнаульским эсерам удалось увеличить численность своей организации до 20 чел., хотя она значительно уступала местной организации РСДРП, имевшей в 1906 г. в своих рядах 100-140 чел. Отметим, что, в отличие от эсдеков, организационная деятельность эсеров в 1905—1907 гг. практически не проявилась в сельской местности Алтая — одном из главных центров крестьянских выступлений в регионе [29, с. 47-48].

После поражения Первой российской революции и досрочного роспуска II Государственной думы эсеровское руководство на III Совете ПСР (1907, июль) приняло резолюцию о бойкоте выборов в III Государственную думу, в целях «продления» революции. Солидарность с тактической линией ЦК ПСР выразили члены Барнаульской организации ПСР, которые в региональной эсеровской газете «Сибирские партийные известия» (1907, 2 авг. №2) обнародовали свое решение принять активное участие в бойкоте выборов в III Думу.

В послереволюционный период деятельность Барнаульской организации ПСР часто прерывалась по причине арестов ее членов. В августе и октябре 1907 г. был арестован ряд активистов и эсеров, работавших в Военном союзе.

В 1908 г. барнаульские эсеры активизировали свою издательскую деятельность. В период реакции они использовали в своей издательской работе типографию, 2 гектографа, литографа и мимеограф. Барнаульские эсеры выпустили на гектографе для солдат местного гарнизона два номера сатирического журнала «Крамольник» (1908, апр.-май), «Журнал учащихся» (1908), листовки «Отчет с 20 апреля по 1 июня 1908 г.» (1908, после 1 июня), «К гражданам гор. Барнаула. В то время как в России после грозного революционного 1905 г. кровавая реакция снова сковала

народ...» (1908, ранее 9 авг. №1) [17, л. 15; 23, с. 117-118; 30, с. 94; 31, л. 1-1об.; 32, л. 66, 67; 33, л. 56об.-57, 60об.; 34, с. 135; 35, с. 111, 114].

Дальнейшая деятельность эсеров была прервана из-за репрессий властей. Еще с мая 1908 г. о Барнаульской организации ПСР полиция получала информацию от сексота Томского ГЖУ И. Пономаренко (кличка «Макарыч»). Он контактировал с некоторыми эсерами, выполняя их поручения по распространению литографированной и печатной нелегальной литературы. Другой провокатор Н. А. Успенский в 1908 г. стал руководителем пропагандистской группы Барнаульского комитета РСДРП. Третий провокатор техник С. С. Беда при содействии Пономаренко и Успенского смог внедриться в среду подпольщиков [6, л. 370-371, 425-426; 17, л. 15; 36, л. 2, 6, 11, 15].

22 июля 1908 г. в Барнауле по доносам этих провокаторов было арестовано около 80 подпольных работников. Среди арестованных были эсеры Н. С. Носков (умер в тюрьме в 1908 г.), члены Военно-революционного союза ПСР Ф. А. Савченко, П. С. Середкин, И. С. Жибуренин, П. Ф. Рулев и др. Оставшиеся на свободе эсеры вскоре были арестованы. Так, 5 сентября 1908 г. подверглась аресту член Барнаульской группы ПСР Е. З. Владимировна. У нее изъяли значительное количество печатных изданий местной организации ПСР. После ликвидации Барнаульской группы ПСР И. Пономаренко 9 августа 1908 г. выехал из Барнаула в Томск для дальнейшей работы сексотом. Из-за массированных репрессий властей к концу 1908 г. в Барнауле и Алтайском крае были разгромлены все подпольные организации [6, л. 365, 370, 371, 383, 385, 425-426; 17, л. 15; 36, л. 2, 6, 11, 15].

В 1909 г. в результате арестов был ликвидирован эсеровский Военный союз. Военный суд в Новониколаевске 8-10 июня 1909 г. осудил арестованных по делу Барнаульского военного союза ПСР П. С. Середкина, И. С. Жибуренина, П. Ф. Рулева, Ф. А. Савченко, О. И. Ольчака, С. С. Козлова, В. А. Иванова, В. А. Золотова, приговорив их к каторге, тюремному заключению, дисциплинарному батальону [3, с. 488-489; 19, л. 260-260об., 267-268об., 270-274об., 277].

Барнаульские эсеры считали виновником провалов революционных организаций Е. П. Обручаникова. Спасаясь от покушения на него эсеров, Обручаников 19 июля и в сентябре 1909 г. обращался в полицию с просьбой его арестовать [37, л. 62-62об., 74-75].

Судя по документам, у эсеров после арестов сохранилась печатная техника. Они предлагали ее местным социал-демократам, потерявшим свой гектограф после ликвидации организации РСДРП 22 декабря 1908 г. Однако эсеры вскоре отказались отдать свою печатную технику эсдекам [38, л. 8об.-9].

Эсеры Барнаула в 1909 г. изготовили на гектографе и 29 августа 1909 г. разбросали по улицам города свою прокламацию «Свободолюбная идея. Самодержавное правительство состоит из дворян...», в которой говорилось о необходимости

борьбы за Учредительное собрание. Типография Барнаульской группы ПСР была раскрыта полицией 3 декабря 1909 г. В ней были захвачены все типографские принадлежности, 4 пуда шрифта, набор печатаемого воззвания, тысяча экз. прокламаций. При типографии арестовали 5 чел. из технической группы [39, л. 72, 100; 40, л. 73].

Всего с июня 1907 г. по 1909 г. барнаульские эсеры, по нашим данным, выпустили 5 наименований листовок, известен тираж 3 из них — 545 экз. В 1910 г. у эсеров в Барнауле собственная множительная техника отсутствовала [41, с. 505].

На рубеже 1910—1911 гг. заметно оживилось эсеровское подполье Сибири. Это было связано не только с изменениями, которые происходили в общественно-политической жизни страны и края. В 1911 г. в ряде городов региона оформились отделения Сибирской автономной группы ПСР, чья

деятельность была направлена на возрождение эсеровского подполья, активизацию нелегальной и террористической деятельности. Стремясь пресечь деятельность эсеров, в середине 1911 г. жандармы по наводке провокаторов провели аресты среди барнаульских эсеров. А в середине декабря 1911 г. полиция произвела крупномасштабную операцию по ликвидации Автономной группы и ее отделений по всей Сибири. Ликвидации подверглось и ее отделение в Барнауле. Эти аресты надолго парализовали эсеров [22, с. 38, 42, 50; 42, с. 98].

Сведениями о существовании и деятельности эсеровской организации в Барнауле в течение 1912 г.-начала 1917 г. мы не располагаем. Судя по всему, если в Барнауле и проживали в это время отдельные сторонники ПСР, то в оформленную организацию они не входили и ничем себя не проявили.

Библиографический список

1. Швецов, С.П. Культурное значение политической ссылки в Западной Сибири / С.П. Швецов // Каторга и ссылка. — 1928. — №3(40). — С. 57-87.
2. Швецов С.П. Культурное значение политической ссылки в Западной Сибири / С.П. Швецов //Каторга и ссылка. — 1928. — №11(48). — С. 88-105.
3. Политическая каторга и ссылка: Биогр. спр. членов О-ва полит. каторжан и ссыльнопоселенцев. — М.: Все-союз. о-во полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1929. — 686 с.
4. Политическая каторга и ссылка: Биогр. спр. членов О-ва полит. каторжан и ссыльнопоселенцев. — М.: Все-союз. о-во полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1934. — 879 с.
5. 1905 год в Сибири: Сб. ст. и восп. — Новониколаевск: Сибкрайиздат, 1925. — 202 с.
6. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-5. Оп. 2. Д. 19.
7. Казанцев, М.И. Эсеры и революционная агитация в сибирской деревне в 1905-1907 гг. / М.И. Казанцев //Из истории социально-экономической и политической жизни Сибири (конец XIX в. — 1918 г.). — Томск: ТГУ, 1976. — С. 3-26.
8. Исторический архив Омской области (ИсА ОО). Ф. 19. Оп. 1. Д. 58.
9. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 411. Оп. 1. Д. 149.
10. ГАО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 89.
11. Тузовский, П. Записки рабочего (Воспоминания из революционного движения) / П. Тузовский. — Барнаул: Гос. тип., 1925. — 40 с.
12. Богословский, Е.В. Как это было / Е.В. Богословский //В борьбе и тревоге. — Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1977. — С. 46-50.
13. Каторга и ссылка. — 1928. — №10(47).
14. ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1940.
15. Шамахов, Ф.Ф. Школа Западной Сибири в конце XIX-начале XX веков / Ф.Ф. Шамахов. — Томск: ТГУ, 1957. — 271 с.
16. ГАО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 26.
17. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 124. 1907 г. Оп. 45. Д. 329.
18. ГАРФ. Ф. 124. 1907. Оп. 45. Д. 328.
19. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 801. Оп. 7/67. 1909 г. Д. 81.
20. ИсА ОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 99.
21. ИсА ОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 398.
22. Шиловский, М.В. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX — начала XX века. Вып. 3. Социалисты-революционеры: Учеб. пос. / М.В. Шиловский. — Новосибирск: НГУ, 1996. — 84 с.
23. Курусканова, Н.П. Нелегальные издания сибирских эсеров (1901-февраль 1917 г.) / Н.П. Курусканова. — Томск: ТГУ, 2004. — 127 с.
24. ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 3585.
25. Знамя труда. Изд. ЦК ПСР. — 1907, 1 июля. — №1.
26. Барнаул. Летопись города. — Ч. 1. — Барнаул: Алтай, 1994. — 224 с.
27. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 530. Д. 719.
28. ИсА ОО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 115.
29. Тофорова, Г.С. Из истории Барнаульской организации РСДРП накануне и в годы первой русской революции // Большевики Сибири и Дальнего Востока в борьбе за массы (1903-1917) / Г.С. Тофорова. — Томск: ТГУ, 1976. — С. 42-55.
30. Курусканова, Н.П. Нелегальная печать сибирских эсеров в период борьбы с самодержавием (1901 — февраль 1917 гг.): Учеб. пос. / Н.П. Курусканова. — Омск: ООИПКРО, 2000. — 110 с.
31. ГАРФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. 15206.
32. ГАРФ. Ф. ДП. ОО. 1908. Д. 9. Ч. 65.
33. ГАРФ. Ф. ДП. ОО. 1908. Д. 9. Ч. 65. Лит. А.
34. Ноздрин, Г.А. Деятельность организаций мелкобуржуазных партий в сибирской деревне в 1907—1914 гг. // Революционное и общественное движение в Сибири в конце XIX-начале XX в. / Г.А. Ноздрин. — Новосибирск: Наука СО, 1986. — С. 133-159.
35. Майдунова, Н.А. Революционные издания эсеров в Западной Сибири (июнь 1907-июль 1914 гг.) // Издание и распространение книги в Сибири и на Дальнем Востоке / Н.А. Майдунова. — Новосибирск: ГПНТБ, 1993. — С. 110-126.
36. ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 402.
37. ГАРФ. Ф. ДП. ОО. 1909 г. Д. 9. Ч. 65.
38. ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 481.
39. ГАРФ. Ф. ДП. ОО. 1909 г. Д. 9. Ч. 65.
40. ГАРФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. 15144. Ч. 65.
41. Курусканова, Н.П. Нелегальная издательская деятельность сибирских социалистов в период первой российской революции (1901 г.-февраль 1917 г.) / Н.П. Курусканова. — Краснодар: Краснодар. ЦНТИ, 2012. — 515 с.
42. Хазиахметов, Э.Ш. Партийные организации и группы политических ссыльных Сибири (1906-февраль 1917) / Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. — февраль 1917 г.). Вып. 3 / Э.Ш. Хазиахметов. — Иркутск: ИрГУ, 1979. — С. 88-101.

Красноярский государственный университет, г. Красноярск
Получено 12.05.2013

N. P. Kuruskanova

BARNAUL'S SOCIALISTS-REVOLUTIONARIES: PAGES OF HISTORY

In the article, on the basis of documentary sources for the first time entered into a scientific turn the history socialists-revolutionaries of Barnaul in the beginning of XX century is studied.

revolution, socialists-revolutionaries, social-democrats, political exiled, illegal editions, political mugs, provokers, the military unions

УДК 94

Н. Н. Ложкина

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ В 1965—1985 ГГ.

В работе на основе архивных и опубликованных материалов проанализирована степень разработанности историографии вопроса.

историография вопроса, анализ проблем, Горный Алтай, основные труды, научное исследование

Изучение истории социального развития в 1965—1985 гг. на современном этапе является весьма актуальным, так как это период интенсивных социальных преобразований, курса на «повышение благосостояния советского народа». Исследование на примере национального региона такого, как Горно-Алтайская автономная область, позволяет охарактеризовать пути реализации социальной политики государства в рамках специфичного региона, выявить общее и особенное в развитии системы.

Историография исследуемой темы включает три этапа. Первый из них охватывает 1965—1985 гг. — в эти годы началось исследование проблем социального развития страны и регионов, накапливался материал, появились первые оценки. Второй — 1985—1991 гг. — это время расширения в научных исследованиях интереса к проблемам социального развития и выработки методик и подходов в анализе и оценке процессов. Третий, российский, этап охватывает период с 1991 г. и по настоящее время — это время критического осмысления проблемы в целом, особенно на региональном уровне. Каждый этап историографии содержит работы, непосредственно связанные с темой исследования. По возможности выводы и оценки привлечены для анализа поставленной проблемы.

Среди общесибирских исследователей обращают на себя внимание такие авторы, как В. В. Алексеев, Т. Е. Санжиева, А. Н. Шапошников. Значительный массив данных и оценок социального развития Сибири по истории энергетического строительства и его социально-экономических последствий содержится в работах В. В. Алексеева [1]. Им характеризуется процесс сооружения сверхмощных электростанций и линий электропередач. Работа примечательна тем, что автор анализирует малоисследованную проблематику в контексте воздействия на социальное развитие региона. Эта работа была продолжена

Т. Е. Санжиевой. Она исследовала социально-экономические последствия энергетического строительства на материалах Бурятской АССР и сделала выводы о том, что обеспечение значительного подъема материального и культурного уровня жизни советских людей на основе высоких темпов производства, повышение его эффективности и роста производительности общественного труда неразрывно связаны с электрификацией страны [2].

Проблема материального благосостояния населения Сибири наиболее полно раскрыта в монографии А. Н. Шапошникова [3], который на протяжении всего исследования анализирует механизм формирования доходов: динамику, факторы и дифференциацию, соотношение поступлений из отдельных источников и т.д. Им изучен уровень и структура доходов различных групп населения, даны социально-экономические характеристики семей с различными доходами, категорий работников по уровню заработка. Ценным в данной работе стали данные и методики статистического обследования сел Новосибирской области.

В русле исследований более узких проблем благосостояния населения работал коллектив З. И. Калугина и Т. П. Антонова [4]. В их монографии рассмотрены состояние и роль личного подсобного хозяйства сельского населения; проанализированы факторы дифференциации размеров, состава и доходности этой категории хозяйств, а также затрат труда в них; представлен баланс труда сельского населения в личном подсобном хозяйстве; отражены социально-экономические последствия его ведения, выявлены основные тенденции и перспективы ведения личного подсобного хозяйства.

На региональном уровне особое место в историографии изучаемой темы на первом этапе занимают небольшие по объему, но в значительной степени ценные по содержанию работы О. А. Малахова [5], где непосредственно на примере Горно-Алтайской автономной области рассматрива-

ются проблемы совершенствования торгового и бытового обслуживания населения именно горных районов. Его работы позволяют сделать вывод о том, что развитие общественного обслуживания имеет ряд специфических особенностей, которые вытекают из структуры хозяйства, расселения населения, а также природно-климатических факторов. На основе изучения картографического материала, статистических данных и экспедиционного обследования местности автор анализирует и определяет основные тенденции развития существующих центров бытового, торгового обслуживания.

Первой попыткой обобщить и систематизировано изложить исторический путь развития Горного Алтая в исследуемый период явились «Очерки по истории Горно-Алтайской областной партийной организации» [6]. В них особое внимание уделено вопросам неуклонного укрепления национальной автономии, зарождения и развития ее промышленности, преобразования сельского хозяйства Горного Алтая, культуре его коренного населения. Немало места в «Очерках» уделено проблемам роста благосостояния: доходов сельчан, пособий, совершенствования налогообложения, развитию жилищно-бытовых условий, народного образования и здравоохранения. «Очерки» основаны на широком документальном материале, это не снижает их ценности, в том числе и методологической, при раскрытии проблем социального развития и сегодня.

В этом же ряду находятся «Очерки по истории Горно-Алтайской автономной области» [7], другого коллектива авторов. Им также присуща последовательность, развернутость и высокая степень обобщения. Целый ряд тем (положение различных слоев населения области, уровень их благосостояния, образования, культуры и т.д.) здесь был затронут впервые. Отмечая информационную ценность, следует указать, что приведенный в «Очерках» статистический материал дан не в динамике, а отрывочно, что во многом является следствием политической конъюнктуры и отсутствием у исследователей доступа к ряду документов, находившихся в то время в «спецхранах».

Следует отметить вышедший в 1978 г. в Барнауле сборник статей «Вопросы истории Горного Алтая» [8]. Среди публикаций были и такие, которые в той или иной степени отразили историю развития женского труда и формирования интеллигенции в Горном Алтае. И хотя напрямую они не касаются интересующего соискателя периода, тем не менее, автор использовал сведения общего характера, позволившие воссоздать более полную картину социального развития Горного Алтая в послевоенные годы.

Таким образом, анализируя исследования социальных проблем на первом этапе отечественной историографии, можно констатировать, что они, не смотря на серьезный отпечаток идеологических наслоений, опираются на солидную источниковую базу и представляют собой ценный материал. В выше перечисленных работах вопросы социального характера рассматривались в общих чертах, не затрагивая при этом глубинных при-

чин социальных противоречий, так как авторы увлекались анализом «глобальных проблем» в ущерб местным.

Ситуация начала меняется в середине 80-х гг. XX в. Актуализация благодаря «перестройке» историко-антропологического подхода в исследованиях способствовала постановке новых проблем, находившихся до этого времени на втором плане. Внимание исследователей все чаще обращалось на повседневную жизнь человека, зачастую совсем не заметную в русле происходящих в стране и мире политических процессов. В последнее десятилетие XX столетия исследователи все чаще обращались к изучению тех или иных социальных процессов, происходивших на определенных территориях и имевших в силу этого свою особую специфику. Это позволило выявить не только динамику и характер развития различных процессов в регионах и стране в целом, но и определить их влияние (положительное или негативное) на жизнь населения.

В 1985—1990-е гг. появилось значительное число работ на региональном уровне. Так, в монографии В. Д. Смирнова [9] на примере одного из типичных колхозов Сибири анализируется опыт перестройки организационно-экономических и социальных отношений на базе использования коллективного подряда, отличающегося сплошным охватом всех производств и служб предприятия, включая управленческую службу. Рассматриваются проблемы, связанные с переводом первичных подрядных звеньев на полный внутрихозяйственный расчет с чековой формой взаиморасчетов.

На общесибирском уровне ценной является монография И. А. Аргунова [10], где на основе конкретных исторических фактов и социологических данных характеризуется «претворение в жизнь национальной политики» и помощь российского рабочего класса в утверждении нового образа жизни якутов.

Серьезная попытка анализа проблем, связанных с условиями труда и жизни сельского населения, предпринята в коллективной монографии «Социально-экономическое развитие Сибирского села» [11]. В ней обобщены результаты четырех социолого-статистических исследований западно-сибирского села., дан анализ произошедших изменений в жизненных условиях на селе, рассмотрен процесс выравнивания различий между городом и селом, поиска социальных резервов повышения эффективности агропромышленного комплекса.

На региональном уровне к числу изданий, в которых были освещены проблемы социально-политического и социально-экономического характера, может быть отнесен сборник «Вопросы истории Горного Алтая» [12]. В статье В. Р. Андронкиной рассмотрены отдельные аспекты социального развития Горно-Алтайской автономной области. Подход к интересующей нас проблематике, проявившийся в статьях по Горному Алтаю, может в полной мере характеризовать сложившуюся тенденцию в деле изучения социальных проблем в целом. Если на союзном уровне в середине восьмидесятых годов прошлого сто-

летия обозначился в этом направлении определенный прогресс, связанный со сменой исследовательских парадигм и расширением проблематики, то на региональном — край — область — автономные образования — все оставалось по-старому. Историки касались вопросов развития социальной инфраструктуры, культурно-бытового строительства, отмечали изменения, произошедшие в регионе в первое послевоенное десятилетие, появление в его отдаленных уголках «социальных новшеств» (электрическое освещение, детские ясли и сады, благоустроенные улицы и т. п.), но анализ не выходил за рамки господствовавшей в стране официальной идеологии, не допускавшей «очернения» и критики социалистической идеи, советского строя. В связи с этим следует отметить, что даже в начале 90-х гг. немногие авторы стремились всеобъемлюще и критично показывать реальное положение дел в социальной сфере.

Анализ публикаций начала 90-х гг. — на третьем этапе развития историографии и изучаемой темы — показывает, что ученые, наряду с вопросами экономического характера, начинают все чаще обращаться к изучению социальных проблем, среди них следует отметить О.Э. Бессонову. В работе «Жилье: рынок и раздача» [13]. В ходе исследования автор приходит к выводам о том, что в рамках системы государственного обеспечения в СССР существовал скрытый рынок распределения жилищных ресурсов. Интересным в данной работе является системное доказательство присутствия принципа рыночной экономики в процессе осуществления государственной политики в сфере жилищного обеспечения населения. Кроме того, здесь рассмотрены недостатки жилищной политики СССР, которые виделась автору в отсутствии конкуренции между организациями, осуществляющими госзаказ, что непосредственно влияло на качество выполняемых работ.

В монографии В. В. Боброва [14] разработаны и научно обоснованы основные понятия, позволяющие достоверно описывать и объяснять возникновение, функционирование, преобразование и распад социальных объектов. Дано определение сущности социального, представлены уровни, формы и особенности его проявления в нравах, обычаях и нормах позитивного права. Условия и критерии устойчивости осуществления социальных объектов рассмотрены на примерах развития социальных организаций, занимающихся воспроизводством количественных и качественных характеристик населения страны, а также всесторонним обеспечением его жизнедеятельности.

Одним из тех, кто активно занялся исследованием целого ряда проблем социального развития городов Сибири, была Н. В. Куксанова [15]. В ее работах рассматриваются демографические процессы, протекавшие в регионе и выступавшие как некий итог политики освоения Сибири. Основное внимание в работе концентрируется на рассмотрении тенденций и противоречий развития социальной сферы, обеспечивающей повседневную жизнь человека, жилищно-коммунального хозяйства, транспортного обслуживания,

обеспеченности населения продуктами питания и товарами народного потребления. Автором уделяется особое внимание реконструкции взаимосвязей между промышленным освоением региона и изменением в нем экологической ситуации, а также показана взаимосвязь между социально-бытовым развитием городов и динамикой численности их населения.

Основные факторы социальных изменений сельского населения Западной Сибири ярко представлены в статье И. Б. Карпуниной и А. П. Мелентьевой [16]. Авторы на широком материале приходят к выводу, что в интересующий нас период происходят существенные изменения в численности и составе сельскохозяйственного населения, обусловленные индустриализацией аграрного производства, переменами в их социально-экономическом положении, жизненных установках. По их мнению, итогом многолетних социально-демографических изменений в сельском населении явилось кардинальное изменение в уровне и соответственно образе жизни, а это очень ценный материал в ходе изучения социального развития региона.

Особо выделим издание, в котором содержится разработка различных аспектов истории культуры в отношении страны в целом. В работе В. П. Машковского [17] представлен всесторонний информативный материал по проблемам истории советской культуры. Несомненную ценность представляют выводы о том, что в исследуемый период в духовной сфере сложились противоречия между стремлением к многоцветности культуры, самовыражению, развитию народных традиций и их жестким подчинением только официальной идеологии.

Анализ общих проблем социального развития Западной Сибири 1960—1980-е годы нашел отражение в работах Н. Ю. Гавриловой и В. П. Карпова [18]. Названные авторы дают оценку уровня социального развития населения на примере новых городов Западной Сибири. Одной из главных причин отставания социальной сферы от быстро растущих потребностей населения историки считают ведомственное решение проблем, но рассматривают проявление ведомственности только в жилищно-гражданском строительстве. Ограничиваясь анализом состояния социальной сферы только нефтедобывающих районов Западной Сибири, авторы не проводят аналогий с другими регионами Сибири.

Обширный и разнообразный материал по характеристике населения Горного Алтая впервые был обработан и систематизирован в динамике в разрезе административных районов в сборнике «Население Горного Алтая», составленным А. П. Макошевым и А. И. Минаевым [19]. В нем представлены данные по численности населения, национальному и половозрастному составу, демографической статистике, состоянию рождаемости, смертности, естественному приросту, миграции и т.д. Причем данные приводятся почти за столетний период. Особо следует отметить то, что статистические материалы сборника сопровождаются анализами и выводами по каждому разделу, что позволяет сформировать полное представление о региональных и исторических особенностях региона.

В монографии Л. Н. Баевой [20] представлена социальная и экономико-географическая характеристика региона. Значимость данного материала заключается в том, что в нем автором систематизирован и обобщен обширный материал по социальным и эколого-экономическим проблемам региона.

Значительный вклад в изучение социальной истории внесла О. А. Гончарова [21]. Предметом ее внимания стало развитие системы здравоохранения в Горном Алтае — один из малоизученных вопросов социального развития. Опираясь на солидную источниковую базу, ею были изучены многие, не затрагивавшиеся до этого «острые вопросы»: демографическое положение в Горном Алтае, охрана и условия труда и жизни населения региона, доходы и жилищно-бытовое обеспечение.

Среди авторов, изучавших общие вопросы социально-экономического характера (продовольственное положение в регионе, соотношение личного и общественного в жизни крестьян и многое другое) на региональном уровне, следует отметить И. Ф. Медведева [22].

Социальные аспекты развития городской среды Горного Алтая исследованы Т. В. Анкудиновой [23]. Автор, опираясь на солидную источниковую базу, охарактеризовала процесс возникновения социальных служб, выявила особенности социальной политики, проанализировала социальные изменения в г. Горно-Алтайске, что является, несомненно, ценным материалом в ходе анализа поставленных соискателем проблем.

Завершая историографический обзор исследуемой темы, можно констатировать, что в работах вышеперечисленных авторов были выделены основные направления политики государственного обеспечения населения региона, определены общие характерные черты в решении задач социального развития, показана история советского образа жизни. Однако проблема социального развития Горного Алтая в 1965—1985 гг. отражалась в исследованиях фрагментарно, в общих чертах. Многие авторы не уделяли должного внимания особенностям и специфике реализации программ социального обеспечения, поэтому большинство вопросов и проблем остались вне рамок исторических работ.

Библиографический список

1. Алексеев В. В. Электрификация Сибири. Историческое исследование. Ч. 1. — Новосибирск, 1973.
2. Санжиева Т. Е. Социально-экономические последствия электрификации национальных районов Сибири в условиях развитого социализма / Т. Е. Санжиева // Социальные аспекты индустриального развития Сибири. — Новосибирск, 1983.
3. Шапошников А. Н. Социально-экономический анализ формирования доходов сельского населения: (На примере Новосибирской области) / А. Н. Шапошников. — Новосибирск, 1983.
4. Калугина З. И., Антонова Т. П. Личное подсобное хозяйство сельского населения: Проблемы и перспективы / З. И. Калугина, Т. П. Антонова. — Новосибирск, 1984.
5. Малахов О. А. Проблемы совершенствования общественного обслуживания сельского населения (на примере Горно-Алтайской автономной области) / О. А. Малахов // Вопросы географии Горного Алтая. — Барнаул, 1975; Малахов, О. А. Сельское расселение в горных районах и территориальная организация торгового обслуживания населения (На примере Горно-Алтайской автономной области) / О. А. Малахов // Некоторые проблемы географии Горного Алтая. — Барнаул, 1975.
6. Очерки по истории Горно-Алтайской автономной областной организации КПСС. — Горно-Алтайск, 1971.
7. Очерки по истории Горно-Алтайской автономной области. — Горно-Алтайск, 1973.
8. Вопросы истории Горного Алтая. Сб. статей. — Барнаул, 1978.
9. Смирнов В. Д. Социально-экономический эксперимент в колхозе / В. Д. Смирнов. — Новосибирск, 1986.
10. Аргунов И. А. Социальное развитие якутского народа (историко-социологическое исследование образа жизни) / И. А. Аргунов. — Новосибирск, 1985.
11. Калмык В. А. Рывкина Л. А. Хахулина Р. В и др. Социально-экономическое развитие сибирского села / В. А. Калмык и др. — Новосибирск, 1987.
12. Вопросы истории Горного Алтая / Под ред. Н.В. Екеева. — Горно-Алтайск, 1986.
13. Бессонова О. Э. Жилье: рынок и раздача / О. Э. Бессонова. — Новосибирск, 1993.
14. Бобров В. В. Социальное развитие: сущность, условия и критерии устойчивости. — Новосибирск, 2005.
15. Куксанова Н. В. Социально-бытовое развитие городов Сибири в 1960 — 1970 гг. / Н. В. Куксанова. — Новосибирск, 1994.
16. Карпунина И. Б., Мелентьева, А. П. Основные факторы социальных изменений в сельском населении Западной Сибири / И. Б. Карпунина, А. П. Мелентьева // Гуманитарные науки в Сибири, 2001. № 2.
17. Машковский В. П. История отечественной культуры XX века: курс лекций / В. П. Машковский. — Ч.2. — Кемерово, 2001.
18. Гаврилова Н. Ю. Социальное освоение Севера Западной Сибири (60 — 80-е годы): основные итоги и проблемы / Н. Ю. Гаврилова // Западная Сибирь: проблемы истории и историографии. — Нижневартовск, 2000; Гаврилова, Н. Ю. Развитие социальной сферы районов нового промышленного освоения Севера Западной Сибири / Н. Ю. Гаврилова // Известия вузов. Нефть и газ. — 2000. — № 4.
19. Макошев А. П., Минаев, А. И. Население Горного Алтая. Стат. Сборник / А. П. Макошев, А. И. Минаев. — Горно-Алтайск, 1994.
20. Баева, Л. Н. Экономическая и социальная география Алтайского региона / Л. Н. Баева. — Горно-Алтайск, 1994.
21. Гончарова О. А. Культура, здоровье, здравоохранение. История народной медицины в Горном Алтае / О. А. Гончарова. — Горно-Алтайск, 1999; Гончарова, О. А. Социальные проблемы Горного Алтая кризисного времени / О. А. Гончарова // Этносоциальные проблемы Горного Алтая в XX веке. — Горно-Алтайск, 2000; Гончарова О. А. История становления и развития системы здравоохранения в Горном Алтае / О. А. Гончарова. — Горно-Алтайск, 2001.
22. Медведев И. Ф. Социально-экономическое развитие села национальных образований Сибири (1960 — 1985 гг.) / И. Ф. Медведев. — Томск, 1994.
23. Анкудинова Т. В. Проблемы перехода от сельского поселения к городу: (на примере г. Горно-Алтайска) / Т. В. Анкудинова // Социально-политические проблемы регионов Сибири. — Горно-Алтайск, 2006; Анкудинова Т. В., Бутушева И. В. К вопросу о культурном развитии Горно-Алтайской автономной области и г. Горно-Алтайска в послевоенные годы. / Т. В. Анкудинова, И. В. Бутушева // Исторический вестник. Вып. 3. — Горно-Алтайск, 2009.

Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск
Получено 19.05.2013

N. N. Lozhkina

THT OF HISTORIOGRAPHY SOCIAL DEVELOPMENT OF GORNO-ALTAISK IN 1965—1985.

In the article, on the basis of archival sources and published materials, the development of problem historiography is analyzed here.

Gorny Altai, the fundamental works, scientific research, historiography of the problem, problem study.

УДК 94

Н. С. Модоров

ОТМЕНА КРЕПОСТНОГО ПРАВА В РОССИИ И «ПРЕОБРАЗОВАНИЕ» АЛТАЯ

В статье, на основе опубликованных материалов и архивных документов проанализирована ситуация, сложившаяся в Алтайском горном округе — вотчине (с 1747 г.) царской семьи — после отмены крепостного права в России, а также социально-экономическое положение населения, проживавшего в нем — старожилов и переселенцев — после падения в стране крепостного права.

Россия, Алтай — вотчина русских царей, крепостное право, мастеровые, крестьянская реформа, старожилы и переселенцы, оклады и повинности

Падение крепостного права в России способствовало, как известно, развитию капитализма вширь, т. е. его распространению на «окраинные» территории Российского государства. К таковым во второй половине XIX в. принадлежала и Сибирь. Однако, если говорить о реформе 1861 г. применительно к данному региону, то ее значение для него было не столь значительным как для Европейской России. Дело в том, что в Сибири освободилась от крепостной зависимости лишь незначительная часть сибирского населения. Как явствует официальная статистика, помещичьи крепостные крестьяне составляли здесь всего одну тысячную часть населения данного региона. Согласно X ревизии (она проводилась в 1858—1859 гг.), в Сибири было зарегистрировано всего 36 помещиков, имевших «населенные имения» и 70 «беспоместных дворян, не-имевших дворовых людей». Общее же количество крепостных в регионе не превышало 3700 чел., в т. ч. 900 дворовых [1, с. 598].

Основную группу (достаточно значительную) зависимого населения, подлежавшего «освобождению» составляли крестьяне и мастеровые люди, приписанные к Кабинетским и казенным заводам Алтайского и Нерчинского горных округов. К моменту отмены крепостного права в Сибири числилось свыше 145 тыс. приписных крестьян и 29, 2 тыс. мастеровых и урочников [2, л. 21]. Их освобождение было осуществлено, в соответствии с указом от 8 марта 1861 г. Однако его выходу предшествовала продолжительная (начиная с 1838 г.) работа специального комитета, обсуждавшего вопросы, связанные с «освобождением» мастеровых и приписных крестьян. Возглавлял его Министр двора [3, с. 566]. Одновременно с этим, при Министерстве финансов была создана «подготовительная комиссия», призванная всесторонне обсудить весь комплекс мер, связанных с

«преобразованием быта» мастеровых и приписных крестьян. Официально она именовалась «Комиссией по пересмотру Горного устава». Интересы Кабинета в ней представлял «член кабинетской коллегии» господин Соколовский [4, л. 5].

Итогом всей этой «подготовительной работы» и стал уже упоминавшийся выше закон 8 марта 1861 г. — «Положение о горнозаводском населении казенных горных заводов Министерства финансов» [5, л. 5]. В этот же день он был распространен и на мастеровых, урочников и на приписных крестьян Алтайского горного округа и мастеровых людей Нерчинского горного округа.

В соответствии с вышеназванным «Положением», крестьяне переводились (в течение трех лет) с «издельной горнозаводской повинности» на оброк. Отныне они обязаны были платить по 6 руб. с души в год, из которых 4 руб. 50 коп. поступало «в пользу Кабинета ЕИВ», а 1 руб. 50 коп. — в казну [6, с. 19]. Наряду с этим, крестьяне обязаны были «нести» земские (уездные) и общественные «сборв» и «казенные повинности». В соответствии с законом 8 марта, за приписными крестьянами закреплялись (в «пользование») усадебные и полевые земли. Мастеровые же люди освобождались, согласно закону, от обязательных работ в течение двух лет [6, с. 19].

Реально обозначившаяся перспектива отмены крепостного права ставила перед Коронным ведомством массу острых проблем, от решения которых всецело зависело его будущее. Но главнейшими среди них были две: это развитие горной промышленности после отмены принудительного труда мастеровых и будущее «земельного вопроса». Именно их обсуждал в преддверии реформы Горный совет, собравшийся в Барнауле 25 августа 1860 г. Несмотря на аргументированные доводы ряда чиновников (Айдарова, Булича, Ва-

силева, Версилова, Гуляева, Злобина и др.) в пользу освобождения мастеровых и перевода горного производства на путь «буржуазного предпринимательства», Кабинет всё же сохранил «прикрепление мастеровых к заводам», не преминув при этом лишить «горнозаводских обывателей» земельных наделов и ограничить их в гражданских правах по сословию [7, л. 11-12]. Все эти «пожелания» Коронного ведомства нашли свое отражение в законе 8 марта 1861 г. Это дало ему возможность последовательно и целенаправленно претворять свои «задумки» в отношении заводских и рудничных мастеровых Алтайского округа. На основании вышеозначенного закона, его рабочие (вместе с семьями) сводились в особые «горнозаводские общества», которые «отдавались» под контроль кабинетских чиновников. Этот «курс», взятый на «вооружение» Коронным ведомством, будет в дальнейшем пролонгирован законом 28 февраля 1867 г., позволивший последнему учредить в «горных селениях» Алтая (Змеиногорском, Зыряновском, Локтевском, Павловском, Риддерском, Салаирском и Сузинском), особую полицию (во главе с приставами и надзирателями) [8, л. 2].

«Преобразовал» закон 8 марта 1861 г. (по сравнению с прошлым «состоянием») и положение алтайских приписных крестьян. Отныне на них распространялись права «свободных сельских обывателей» — личные, по имуществу и по состоянию. Существовавшая до этого натуральная заводская повинность теперь отменялась. На смену ей пришел денежный подушный оброк [9, л. 9]. Образец такой «соразмерности» Кабинет видел в деятельности Удельного ведомства. Последнему, по его утверждению, было подведомственно крестьян в 6 раз больше, чем ему на Алтае, а посему, заявлял Кабинет, все «будущие преобразования в Удельном ведомстве» и будут служить примером в деле «изменения быта горнозаводских крестьян» [10, л. 25].

Брало Коронное ведомство в качестве образца для себя и валовой доход удельного крестьянина. Он же у него делился на 5 частей. Две пятых его падало на «поземельный сбор», вобравший в себя платежи Уделам, государственные и земские повинности. Уподобившись Удельному ведомству, Кабинет исчислил доход алтайских крестьян от пашни в 13 руб. 16 коп. на одну ревизскую душу. Исходя из вышеуказанного расклада, на поземельный сбор он отчислял 5 руб. 26 коп.; 1 руб. 46 коп. Кабинет запрашивал на уплату казенных и земских податей (86 коп. — подушных и 60 коп. — государственных и губернских сборов). После выплаты всех «налогов», Коронное ведомство имело «при себе» 3 руб. 80 коп. Это был его «чистый оброк». Однако кроме земли, оно владело и другими «угодьями», без которых не могло обойтись ни одно крестьянское хозяйство. Так, кроме пашни, крестьянину были необходимы усадебная земля, огород, сенокосы, выгоны, лес, рыбные ловли, пчеловодные и иные угодья. Их приобретение, естественно, обходилось домохозяину «в кошечку». В силу этого, оброк Кабинету возрастал почти в полтора раза и выливался в 5 руб. 69 коп. с ревизской души [11, с. 128].

Однако, наряду с подушной податью (в 86 коп.), приписные крестьяне Алтая платили оброчную подать государственному казначейству (2 руб. 29 коп. с ревизской души). Обосновывая (в период подготовки реформы) необходимость этого «платежа», Кабинет заявлял, что «сия подать» выражает «повинность за пользование землею», а посему, она должна выплачиваться «землевладельцу», т. е. Кабинету. В силу этого, он предлагал отменить уплату алтайскими крестьянами оброчной подати в казну. В замену ее им предлагалось ввести единый оброк (в размере 5 руб.), который они выплачивали бы Коронному ведомству [10, л. 111-117].

Отстаивая перед финансовым ведомством данный платеж и его размер, Кабинет доказывал, что названная им сумма (5 руб.) равна средней стоимости «работы заводских крестьян объемом на 1 душу» [10, л. 129-132]. Этот «торг» между ним и казной за обладание рентой — налогом с алтайского крестьянства продолжался почти год. Первый не переставал доказывать, что только заводам принадлежит право «взыскивать плату за земли, которые принадлежат им». Его оппонент (Министерство финансов), не оспаривая прав Коронного ведомства, заявляло, что оно не может пойти на потерю 300 тыс. рублей ежегодных поступлений. После долгих споров, стороны пришли, в конце концов, к компромиссу, правда, опять-таки, за счет крестьян. Появившийся 27 июля 1862 г. указ установил оброк в размере 6 руб. с ревизской души, из которых 4 руб. 50 коп. шли в «пользу Кабинета», а 1 руб. 50 коп. поступали в государственное казначейство [4, л. 6-9].

Однако с трудом одержанная победа, оказалась вскоре, делом, практически, неосуществимым, в силу чего, введение поземельного оброка было отложено на неопределенное время. Это было сделано по нескольким причинам. Во-первых, не было никакой возможности дифференцировать поземельные доходы деревни, поскольку последние всецело зависели от количества угодий, имеющихся в ее распоряжении. Решить эту задачу можно было лишь «приведением в известность и разграничением земель» Алтайского округа. Во-вторых, при его «малой заселенности» и «обширности удобных и свободных земель» любая попытка ликвидировать «захватное землевладение» крестьян «надельным» уже изначально была обречена на провал. Даже начальник Алтайских заводов Озерский вынужден был признать, что местное крестьянство смотрит на землю как «на свою собственность». Поэтому оно привыкло менять места пашен по своему усмотрению и в неограниченных размерах. Лугами, рыбными ловлями, лесом и другими угодьями оно пользуется «как бог на душу положит». Поэтому-то дошедшие до крестьян «толки об установлении поземельного оброка за пользование угодьями» произвели «на оных», согласно секретным рапортам, поступившим окружному начальству в 1859—1860 гг., «весьма неблагоприятное впечатление» [12, л. 1]. Иначе говоря, Кабинет не мог не понимать, что введение в округе поземельного обло-

жения, связанное с ограничением крестьянского землепользования, грозит ему народными волнениями, первыми «ласточками» которых могут стать поступившие в его канцелярию секретные рапорта.

В этой, непростой для себя ситуации Коронное ведомство избрало вполне разумную тактику. Осознавая, что ему не под-силу осуществить необходимое «межевание и разграничение своих земель», оно пошло на осознанное «нарушение» предписаний закона 8 марта 1861 г.: Кабинет разрешил крестьянам Алтайского горного округа (в силу указанных выше причин) пользоваться «...до разграничения [своих] земель всеми усадебными, пашенными, сенокосными и другими угодьями в тех размерах, в каких ныне сии угодья в их пользовании состоят» [13, л. 5]. Иными словами, реформа и закон 8 марта 1861 г. закрепили неопределенность крестьянского землепользования, царившую на землях Коронного ведомства.

Совершенно по-иному поступили власти с имевшимися здесь удельными крестьянами. Руководствуясь положениями закона от 26 июня 1863 г., они объявили их «собственниками своей земли». Правда, досталась она им за выкуп. На таких же началах был решен, как известно, и вопрос о землевладении государственных крестьян. И лишь алтайское крестьянство, как было сказано выше, не получило землю в собственность. Оно получило ее только в «пользование», за что и было обязано платить шестирублевый оброк. Забегая вперед, скажем, что эта неопределенность с землей и положит начало аграрному движению, которое охватит в последующем весь Алтайский горный округ.

Пока же его власти продолжали «обустроить быт горнозаводских обывателей», руководствуясь законом 17 декабря 1862 г. В соответствии с ним, горнорабочие получали в собственность усадьбу и по одной десятине покоса в бесплатное (прижизненное) пользование. Все остальные хозяйственные угодья давались им за оброк. Так, за пашню и сенокосы, которые были внесены в уставные грамоты, устанавливался оброк в 22 коп. (эта сумма получалась путем деления оброка государственных крестьян Томской области, т. е. 3 руб. 25 коп. на 15-десятинную норму) с десятины. А за земли, не включенные в них, т. е. сверх нормы, мастеровой обязан был платить уже 40 коп. (6 руб., деленные на 15-десятинную норму) за десятину. Если же мастеровой не имел своего хозяйства («оседлости»), то он не получал никакого надела. Руководствуясь этим «правилом», власти выдали уставные грамоты лишь 11346 бывшим «мастеровым» и «урочникам» Алтайского горного округа. Им было выделено в надел 12339 десятин пахотной и сенокосной земли. Выгонные же земли остались, к «неудовольствию горнозаводских обывателей», в общем пользовании с заводоуправлением. Спустя год, последовало очередное «обустройство» последних. В соответствии с постановлением от 29 июля 1863 г., около 12,4 тыс. горнорабочих (главным образом «урочников» и «отставных мастеровых», имевших усадьбы в крестьянских селени-

ях) были причислены к крестьянским общинам по месту жительства, с положенным их обложением шестирублевым оброком, но без наделения землей и без введения «оных» в круговую поруку общин. Для них была сохранена прежняя личная ответственность каждого причисленного за платеж повинностей [10, л. 260-261].

Однако запланированный ежегодный доход от «обустройства горнозаводских обывателей» в размере 73956 руб., Кабинетом никогда не получался, поскольку «мастеровые, — свидетельствовали отчетные документы, — были несостоятельны» [10, л. 261]. Стремительный рост недоимок понудил Коронное ведомство «слагать» их время от времени. Именно так пришлось ему поступить в 1873 г. Тогда из списков плательщиков Алтайского горного округа были исключены и «выбывшие ревизские души» [11, с. 131]. Но и этими мерами ему не удалось приостановить развитие нежелательной для него ситуации. Спустя 5 лет, Кабинету вновь пришлось списывать недоимки, накопившиеся уже теперь после 1873 г. [11, с. 131].

Осознавая бесперспективность принимаемых мер, Кабинет продолжал (по инерции) придерживаться взятой им политики по «выбиванию» шестирублевого оброка с крестьян Алтайского округа, но, как и в прошлые годы, безуспешно. И это, следует подчеркнуть, была «беда» не только окружной администрации, но и Главного управления Сибири. Проанализировав складывавшуюся ситуацию, оно вынуждено было признать в 1862 г., что «взыскать эту недоимку не представляется никакой возможности» [14, л. 81].

Опираясь на такого рода «заключения», Кабинет принял для себя «судьбоносное решение»: манифестом от 14 ноября 1894 г. он отменил шестирублевый оброк с мастеровых и оброчников Алтайского округа, причисленных к крестьянам. Вопрос об их «платежных обязанностях» был отложен до землеустройства на территории округа и последующего наделения бывших мастеровых и урочников землей [15, л. 4-15]. Однако на местах, этого наделения не стали ждать и стали проявлять инициативу лишь бы поскорее получить с бывших «горнозаводских обывателей» законные «платежи». С этой, примерно целью и были приписаны горнозаводские рабочие Барнаульского завода (не получившие ранее уставные грамоты) к «городским обывателям», т. е. к мещанам. Целью подобного их «устройства» являлось, с одной стороны, получение с новых «горожан» соответствующих платежей и налогов, а с другой, — такое «наделение» землей мастеровых и урочников являло собой ничто иное как принудительное их прикрепление к кабинетским предприятиям, сохранение таким образом «зависимости мастеровых и урочников от горной власти». Это признал в свое время Томский губернатор Красовский. «Мастеровые, — подчеркнул он, — фактически остаются прикрепленными к заводам» [16, л. 6].

Отмена крепостного права и последовавшие, в связи с этим, перемены, особенно резкое падение ежегодных доходов, естественно, озаботили Коронное ведомство. Поиск путей их повышения

«пересекался» с интересами крестьянства Европейской России, увидевшего в переселении в Сибирь реальную возможность поправить свое материальное положение. Особенно привлекательными для «крестьян внутренних губерний» стали земли Алтайского горного округа. Их завораживали не только обширнейшие пространства плодороднейшей земли, но и разнообразие природно-климатических условий, почти не отличавшихся от тех, которые бытовали на их родине. Однако, чтобы переселиться на Алтай необходимо было согласие Кабинета. Но на первых порах он настороженно отнесся к идее заселения своих земель переселенцами. Лишь почувствовав, что из этого можно извлечь немалую выгоду, он дал свое согласие на переселение «крестьян внутренних губерний» на территорию Алтайского округа. В соответствии с законом от 30 июня 1865 г. переселение сюда разрешалось только путем приписки «новоприбывших» к старожильческим общинам по приемным приговорам или путем «водворения» на свободные земли в «переселенческом участке», с наделом в 15 десятин на одну ревизскую душу. Однако прежде, чем переселиться на Алтай, крестьянин обязан был соблюсти одно обязательное условие: направить ходока, дабы осмотреть выбранное для поселения место. Лишь соблюдая это «правило», переселенец мог заселить его предусмотренными законом путями. Но в любом случае, он сразу же «вводился в оклад», из расчета 6 руб. на одну ревизскую душу [17, л. 116, 220]. При этом, следует подчеркнуть, что переселенцы, прибывшие на Алтай, не получали никаких «льгот» и «помощи», за исключением бесплатной выдачи леса на «домоустройство».

Иначе говоря, переселенец шел на Алтай на «свой страх и риск». Однако это обстоятельство не останавливало крестьян. Первопроходцами в этом деле стали «обитатели» казенных земель Тобольской, Томской и «иных сибирских губерний», а также государственные крестьяне европейского севера, Пермской и Вятской губерний. Прибывавшие в округ новоселы, оседали, как правило, в степных и частично в лесостепных (западных) районах Барнаульского и Бийского уездов. Большая часть переселенцев двигалась сухопутным (на телегах или пешком), а часть их — пароходами до Томска, а далее, к югу, по линии Барнаул-Бийск — опять посуху. Проследившая путь и способы их передвижения, исследователь С. Марусин (под этим псевдонимом писал Главный статистик Алтайского горного округа — Сергей Порфирьевич Швецов) подметил одну характерную деталь: пароходами, по его утверждению, добирались, главным образом, регистрируемые переселенцы, а сухопутным — самовольцы [18, с. 24, 36].

С конца 70-начала 80-х гг. IX в. контингент переселенцев заметно изменился. Теперь в освоении алтайских просторов включаются крестьяне Воронежской, Курской, Орловской, Пензенской, Полтавской, Рязанской, Самарской, Смоленской, Тамбовской, Харьковской и Черниговской губерний. Забегая несколько вперед, скажем, что в переселениях на Алтай приняли участие (во второй

половине XIX в. — в общей сложности — выходцы из 70 губерний Российской империи [11, с. 136].

Наплыв новоселов в Алтайский округ наложил, в известной степени, свой отпечаток и на форму их поселения в крае. Большинство их присеялось (до середины 80-х гг. XIX в.) к старожилам, покупая у них приемные приговоры. Меньшая же часть «новоприбывших» шла на новые участки. Однако вздорожание стоимости «приема» в старожильческие селения и изменение имущественного состава переселяющихся («пошла», согласно документам, «голытьба») не замедлили изменить бывшее соотношение: теперь к старожилам приселялись единицы, а большая часть переселенцев шла на «отведенные для новоселов участки» [19, л. 7-344].

С 80-х гг. XIX в. на Алтае начинается довольно интенсивная внутренняя миграция населения. Многие районы края оказались сильно перенаселёнными. В ряде мест старожилы оказались в меньшинстве, что и стало причиной их ухода из «родных селений». В числе таковых оказались коренные жители Быстрого Истока, Черемново, Ключков и других алтайских селений, которые вынуждены были покинуть «свои обжитые места» под натиском новоселов. Оправдывая свой уход, они заявляли, что их «выжили лапотники» [18, с. 42]. Под напором последних, коренные сибиряки уходят на заимки, в знакомые селения и даже переселяются в Горный Алтай. В общей сложности, внутренние переселения охватили, согласно данным 1890 г., 58 волостей и 7 инородческих управ. Отдельные современники склонны были считать, что внутренние переселения в Алтайском округе превосходили даже движение крестьян извне [20]. Анализируя их, отдельные исследователи «увидели» во внутренних переселениях «своеобразный обмен переселенцами между волостями и соседними селениями» [11, с. 137].

Каковы же были причины, понуждавшие крестьян, пускаться «во внутренние переселения»? Их, по мнению исследователей, было немало. Но главная из них им виделась в стремлении крестьян «ослабить податный гнет». Дело в том, что, согласно закону 30 апреля 1882 г., при переселении крестьян из одного селения в другое, все «мертвые души» исключались из общинного оклада. Поэтому нередки были переселенческие амплитуды: из селения и обратно. И так, даже, по нескольку раз в год. На такого рода «переселения» не раз указывало Управление Алтайского округа. Некоторые семьи, подчёркивало оно, переселялись дважды в течение года: из родного селения и обратно. В 1888 г., согласно официальным данным, внутренними переселениями было охвачено почти 18% крестьян округа. При этом 40,9% мигрантов переселялись в пределах своих же волостей [17, л. 10-12].

Говоря о внутренних миграциях, следует отметить, что официальная статистика не фиксировала, к сожалению, огромные размеры внутреннего движения непричисленных переселенцев. И в этом их «несчастье» во многом были повинны

власти округа. Например, создаваемые по «распоряжению земельной части Алтайского округа «переселенческие участки» являли собой не «место для прочного водворения переселенцев», а лишь «перевалочные станции, этапы переселенческих скитаний на пути к прочной оседлости». Такой неутешительный для властей вывод сделало в 1894 г. статистическая экспедиция «Общества любителей исследования Алтая». Состав населения «переселенческих участков», — констатировала она же, — обновляется, как правило, в течение нескольких лет» [21, л. 3]. Зафиксировала экспедиция и переход старожилов на переселенческие участки. Подобного рода их «приселения во вновь заведенные переселенцами селения» делались ими, на основании разрешения Кабинета, данного им еще 12 февраля 1871 г. [22, л. 13].

Но, несмотря на свое разрешение, последний не очень-то приветствовал «приселение старожилов на жительство» в переселенческие поселки. Однако запретительные меры на сей счет не принесли ему желаемого успеха. Горькую «пилюлю» неудач, испытанных Кабинетом, должен был «подсластить», в известной степени, закон 12 апреля 1897 г. — «О самовольном оставлении мест нового водворения». Но правительство не дало «добро» на его применение на территории Алтайского округа. И, тем не менее, Кабинет продолжал настаивать на своем. Главным аргументом своей просьбы он выдвигал то, что «значительная часть причисленных» отсутствует в переселенческих поселках и «действительное место жительства оных неизвестно». А «сие бродяжничество», подчеркивал Кабинет, дорого обходится ему. В подтверждение своих устных и письменных доводов, он приводил экономические выкладки: к 1 января 1897 г. «за причисленными на Алтае переселенцами, кои находятся в безвестной отлучке» накопилась, мол, солидная недоимка по оброку — 135 тыс. руб.» [23, л. 2-5, 19]. И, надо сказать, «жалобщик» добился своего: наделы причисленных переселенцев, находившихся «в безвестной отлучке», были объявлены (по прошествии трех лет) свободными от заселения. Слагались с общины, в связи с этим, и накопившаяся «за отлучниками» недоимка [11, с. 137].

Добившись своего, Кабинет развил активную деятельность по «восстановлению утраченных доходов», естественно, за счет переселенцев. Опираясь на положение 12 апреля 1897 г., дававшее право крестьянским начальникам разрешать причисление старожилов на «пустующие участки», он приступил к массовой «выдаче» такого рода свидетельств, игнорируя при этом то, что они должны были быть согласованы с «Главным управлением округа или управляющими округа» [24, л. 21].

Дав добро на массовое заселение земель Алтайского округа, Кабинет, естественно, исходил из немедленного увеличения их доходности (за счет 6-рублевого оброка и арендных платежей). При этом, он делал основную ставку на самовольных переселенцев. Дело в том, что при взыскивании денег с такого рода арендаторов, сбором облагались не ревизские души, а наличные души мужского пола. При этом, Кабинет уже не делил

ся, как ранее с государством: 4 руб. 50 коп. он получал сам, а 1 руб. 50 коп. из 6-рублевого оброка он отдавал государственному казначейству. Кроме того, самовольцы — арендаторы не имели право не бесплатное пользование лесом (как «законные» переселенцы), а покупали его в кабинетских лесничествах. Иначе говоря, доходы от самовольных переселенцев были (в расчете на душу) в 3-4 раза больше, чем от официальных переселенцев. Потому-то Кабинет, в частности, его Алтайское управление, и поощряли самовольное переселение крестьян на свои земли.

Но, гонясь за увеличением своих прибылей, Коронное ведомство, отнюдь не делало каких-либо попыток, чтобы хоть как-то регулировать переселенческий процесс. Не выполняло своих «регулирующих» функций и Управление Алтайского округа. Оно, начиная с 1865 г., т. е. с момента разрешения переселений на Алтай, оставалось пассивным и безучастным к переселению крестьян в округ, к их устройству на новом месте. Свое «участие» Управление видело только в выдаче переселенцам «разрешительных» свидетельств и больше — ни в чем. Потому-то, по свидетельству современников, и попадали переселенцы, довольно часто, буквально в «трагическое положение» [18, с. 28]. Оно же порождало, как их «неустройство», так и «бродяжничество» новоселов. Последнее, по заключению комиссии, обследовавшей в 1894 г. 122 переселенческих поселка, стало «типичной для Алтая картиной». Кабинет же, как уже упоминалось выше, решением переселенческих проблем, «неустроенностью новоселов», их «страданием от голодоек и эпидемий», увы, не занимался. Он заботился только о своих интересах. На предложения других ведомств принять участие в расходах по «обустройству» переселенцев, Кабинет неизменно отвечал, что переселение крестьян — это государственная мера, направленная на «поднятие экономического благосостояния сельского населения страны», а посему и «ассигноваться» все должно только «казной» [17, л. 116]. Потому-то его чиновники, сознательно устранившись от решения (даже от содействия решению) вышеозначенных задач, тешили себя (вопреки разуму) иллюзией того, что время работает только на них. Однако это был глубочайший просчет Кабинета и его сотрудников. Пассивная политика, проводимая им, привела его, в конечном счете, к захвату новоселами и старожилами значительного количества лучших земель Алтайского округа, т. е. к нарушению его имущественных прав и интересов. Чтобы восстановить былое статус-кво, ему пришлось вступить в «тяжбу» с крестьянскими общинами, дабу лишить их права брать деньги за прием новоселов. Добившись этого, он пошел дальше: стал настаивать на «насильном причислении переселенцев к старожилам, причем без приемных приговоров, а также на замене в Алтайском округе «подушного обложения поземельным оброком переселенцев, кои водворялись на обмежеванные участки» и др. И все это Кабинет делал лишь для того, чтобы только повысить свои текущие доходы от переселений. Следуя в этом направлении, последний

возлагал очень большие надежды на грядущее общее землеустройство, на юридическое размежевание земель. Однако возжеленное землеустройство воспринималось Кабинетом как «отдаленная мера», которой должна была предшествовать более близкая, т. е. «наполнение» крестьянским населением (причем более состоятельным и платежеспособным) территории Алтайского округа. Но его ведомственные интересы шли вразрез с интересами дворян, которых никак не устраивали все возрастающие масштабы переселений, поскольку они лишали их «кабальных рабочих рук». Наибольшего же пика «переселенческая волна» достигла в 90-е гг. Так, в 1890 г. на Алтай, согласно официальной статистике, пришло 31345 чел., в 1892 г. — 39565 и в 1893 г. — 43392 чел. [25, с. 93]. Однако фактически в округ прибыло гораздо больше крестьян. По данным того же Кабинета в 1894 г. на Алтае скопилось уже свыше 100 тыс. непричисленных переселенцев, которые не платили ему никакой подати [15, л. 18]. Это обстоятельство, а также «осуждение» его отношения к «государственной переселенческой политике» понудило Коронное ведомство «при данном положении вещей» и его «хозяйственных интересах» — прекратить отвод на Алтае переселенческих участков, а также «прирезку земли старожилам», практиковавшуюся ранее, с учетом принятых переселенцев [26, л. 20-24].

Начавшийся очередной виток дискуссий между Кабинетом и общегосударственными ведомствами вновь привел к «разладу»: правительствен-

ный курс и взгляды первого на переселенческий вопрос опять не совпали. Объясняя свою позицию Кабинет заявил, что он «тяготится усиленным прирастанием населения» на Алтае, особенно в ситуации, когда «весьма близко общее землеустройство» [27, л. 4]. Но, несмотря на его «несогласие», Комитет Сибирской железной дороги принял 27 апреля 1896 г. положение, в соответствии с которым, все «самовольные переселенцы Алтая подлежали принудительному причислению (самостоятельные хозяева — с землей, неимущие — без нее)» [27, л. 44-48].

Спустя три года (29 июня 1899 г.), переселения на Алтай стали осуществляться по новым правилам. Отныне это можно было сделать только с согласия Министра Двора и МВД. Выдача разрешений самовольным переселенцам теперь не допускалась. Запрещено было и «вселять» последних на заполненные участки. Приселение к старожилам допускалось только при наличии у них «излишков» земли, т. е. сверх 15-десятиной душевой нормы [28, с. 4]. Против подобной распрямлений правительственных органов Кабинет не возражал, поскольку они «сдерживали» переселения, а лишением новоселов земли, они создавали Кабинету необходимую армию арендаторов. Однако провозглашенные и узаконенные запреты, имели и другую «нежелательную для него сторону»: они не только ослабили приток самовольных переселенцев, но и пробудили их к борьбе против действий местной администрации, Кабинета и самодержавия в целом.

Библиографический список

- Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032-1882 гг. Иркутск, 1883.
- Российский государственный исторический архив (РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 685.
- Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. II. М., 1958.
- РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 2789. Л. 5.
- Там же. Д. 5. Л. 21.
- История Сибири. Т. 3. 1968.
- Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 3. Оп. 3. Д. 142. Л. 11-12.
- Там же. Оп. 4. Д. 5652. Л. 2.
- Там же. Оп. 3. Д. 142. Л. 9.
- РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 2683. Л. 25.
- Жидков Г. П. Кабинетское землевладение (1747-1917 гг.). — Новосибирск, 1973.
- РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 1137. Л. 1.
- Там же. Ф. 1291. Оп. 66. Д. 54. Л. 5.
- Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 3. Оп. 11. Д. 17497. Л. 81.
- РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 2689. л. 14-15.
- Там же. Ф. 1291. Оп. 66. Д. 34. Л. 6.
- Там же. Ф. 468. Оп. 23. Д. 2740. Л. 116, 220.
- Марусин С. Переселенческое движение на Алтай//Северный Вестник. 1891. №7.
- РГИА. Ф. 468. Оп. 22. Д. 984. Л. 7-344.
- «Восточное обозрение». 1884. 24 мая.
- ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 10. Л. 3.
- РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 570. Л. 13.
- Там же. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 392. Л. 2-5, 19.
- Там же. Д. 404. Л. 21.
- Краткий исторический очерк Алтайского округа (1747-1897). СПб., 1897. С. 93.
- РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 323. Л. 20-24.
- Там же. Д. 356. Л. 4.
- Переселение в Алтайский округ. — Барнаул, 1912.

Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск
Получено 11.08.2012

N. S. Modorov

THE ABOLITION OF SERFDOM IN RUSSIA AND THE «TRANSFORMATION» OF THE ALTAI

The article, based on published materials and archival documents analyzed the situation in the Altai mountain region — the birthplace (in 1747) the royal family — after the abolition of serfdom in Russia, as well as socio-economic status of the population that lived in it — old-timers and immigrants — in the country after the fall of serfdom.

Russia, Altai — the patrimony of the Russian tsars, serfdom, artisans, agrarian reform, the old-timers and immigrants, the salaries and duties

УДК 94

С. В. Рыбаков

К ВОПРОСУ О СМЫСЛЕ ПОНЯТИЯ СЛОВА «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ»

В работе автор размышляет о содержании и наполнении понятия интеллигенция. Ретроспективный метод изложения материала позволил автору взглянуть на проблему глазами литераторов, политиков новой России

интеллигенция, воспитание, патриотизм, советская интеллигенция

В чем смысл понятия «интеллигенция»? С момента появления этого понятия в русском языке оно не имело одного, вполне определенного значения. Не обретя его и в последующие времена, слово «интеллигенция» так и утвердилось в русской речи, не найдя однозначного смысла.

Что такое интеллигенция? Кто такие интеллигенты? Сложно ответить на эти вопросы коротко и при этом исчерпывающе, ибо понятие «интеллигенция» не сводится к одному-единственному значению, не воспринимался большей частью общества, как категория явная и бесспорная. Когда это понятие входило в русский лексикон, оно не было раскрыто с полной ясностью. Соответственно и закрепилось оно в нашей речи, не имея четкой и непротиворечивой трактовки.

Как ни парадоксально, но в повседневной практике однокорневые и родственные слова «интеллигентность» и «интеллигенция» могут протереться в совершенно разной тональности. И едва ли кому-нибудь придет в голову искать отрицательные оттенки в понятии «интеллигентность», ставшем устойчивым синонимом «культурности», «воспитанности», «порядочности», «корректности». А вот понятия «интеллигент» и «интеллигенция» могут употребляться как в позитивном, так и в негативном смысле: так, один интеллигент может быть назван «настоящим», другой — «рафинированным», и всем известно, что эти эпитеты вбирают в себя совершенно разные смыслы. А есть еще и те, кто по воле чужого субъективизма может попасть в разряд «гнилой интеллигенции»...

Так, по каким же критериям определяют интеллигентов? По тем ли самым, по каким определяют интеллигентных людей? При сопоставлении этих двух, казалось бы, тождественных выражений быстро выясняется, что тождественность между ними является отнюдь не полной. Наше сознание привыкло вписывать интеллигентного человека в пространство этики и этикета, а вот интеллигента стереотипы наших представлений норовят переместить из этого пространства в более широкий контекст общественных отношений — в культуру, науку, образование, политику, «привязать» его к определенной интеллектуальной деятельности. Даже самые простые представления о ходе истории подсказывают нам, что интеллигенция существует с тех далеких времен, когда зародились вышеназванные сферы человеческой жизнедеятельности. Да и те, кого мы считаем интеллигентными людьми, также появились не вчера — еще в древнейших родоплеменных со-

обществах воспитание подрастающих поколений в духе внутривидовой солидарности, предполагавшее неукоснительное соблюдение правил этики и этикета, являлось одним из условий выживания этих сообществ.

Конечно, в тех древних сообществах не употребляли терминов и категорий, циркулирующих ныне в нашем современном лексиконе. Но если не было терминов, то это отнюдь не значит, что не было и явлений, обозначаемых этими терминами. И с нашей стороны было бы ошибкой препарировать живую историю на том лишь основании, что люди прошлого не знали терминов и категорий, которыми мы пользуемся сегодня. Так, откуда появился в русской речи термин «интеллигенция»? Принято считать, что впервые его употребил в 1860-х гг. литератор и журналист Петр Боборыкин. Имеются свидетельства того, что он не без гордости говорил о своих «авторских правах» на этот термин, называя себя его «крестным отцом» [8, с. 66]. Но если бы Боборыкина попросили доказать его «отцовство», то сделать это ему было бы затруднительно, ибо латинское слово «*intellegentia*» существовало за много веков до его «откровений», вбирая в себя множество смысловых значений. Перечень их выглядит внушительно: разум, здравый рассудок, интеллект, творческое начало, знание вкупе с опытом; искусство постижения, понимание, познавательная сила; наличие идеи или комплекс идей; способность мыслить, разбираться, знать толк в чем-либо; умение воспринимать, подмечать, узнавать. Как явствует из перечисленного, «*intellegentia*» для древних римлян была интегральной характеристикой познавательно-творческих свойств человеческого сознания. В этом же значении слово «*intellegentia*» употреблялось в европейской и русской философско-просветительской литературе XVIII—XIX вв., отражая, если обобщить, «разумность, высшее сознание, высшее состояние человека как умного существа, свободного от всякой грубой, телесной материи» [3, с. 299]. До середины XIX в. русские литераторы использовали слово «интеллигенция» в его «латинском» значении, подразумевая, прежде всего, «высокий интеллект». К примеру, Н. П. Огарев в письме Т. Н. Грановскому обронил фразу о «каком-то субъекте с гигантской интеллигенцией» [6, с. 101]. Но параллельно с употреблением слова «интеллигенция» в значении «разум, интеллект» оно использовалось и во втором смысле — как обозначение особой социальной группы. Боборыкин и здесь не был «первопроходцем», хотя, ради истины, заслуживает быть отмеченным: сотрудничая

с рядом петербургских и московских журналов, именно он растиражировал в них слово «интеллигенция» в значении специфического социального слоя. Боборыкин выводил «интеллигенцию» из немецкого слова «die Intelligenz», означавшего тогда, во-первых, образованность и культурность, во-вторых, общность людей, коим эти качества присущи. Сам он пояснял, что подразумевает под интеллигенцией «наиболее образованный, культурный и передовой слой общества» [8, с. 68, 69]. Из определения Боборыкина следует, что интеллигенты — это не только представители «умственных» сфер деятельности, но и выразители высокой нравственно-этической культуры, а коли так, то социальное лицо интеллигенции определяется не столько ее профессиональной деятельностью, сколько культурной ролью, нравственным назначением, духовной миссией.

Владимир Иванович Даль, первым поместивший термин «интеллигенция» в словарь великорусского языка, также не связывал интеллигентов с конкретной профессиональной деятельностью. Но он ничего не говорил и о каких-то особо передовых, авангардных позициях интеллигенции, мудро и взвешенно избежав в ее истолковании элементов декларативности. По Далю, «интеллигенция — это разумная, образованная, умственно развитая часть жителей» [4, с. 108].

Если бы все в России, кто когда-то относил себя к интеллигенции или относит сейчас, соответствовали определению Даля, то судьба нашей страны была бы, очевидно, иной — не столь запутанной, чем в реалиях. Но этому определению не суждено было прочно закрепиться в общественном сознании. В дефиниции Даля отсутствовал нюанс, вставленный в формулу Боборыкина, — «привязка» интеллигентов к «передовому тренду». Во второй половине XIX в. для многих молодых людей этот нюанс оказался гораздо более значимым, более соблазнительным, нежели обозначенный Далем «разум, образование, умственное развитие». Авангардный статус сделался доминантой в умах части российской молодежи XIX в., а эта часть далеко не вся была достаточно образованной, достаточно развитой и, в конце концов, достаточно разумной.

И еще один момент: Боборыкин был литератором весьма умеренных достоинств. Запустив столь понравившееся ему слово «интеллигенция» в широкую печать, он все никак не мог с ним расстаться. В своих «Воспоминаниях», написанных в начале XX в., он использовал это слово множество раз и с явным удовольствием, но вот полной ясности в его толкование так и не внес. Оставив это слово размытым по смыслу, Боборыкин искренне удивлялся неинтеллигентному поведению тех, кто по его «разнарядкам» попадал в разряд интеллигенции.

Реализуя такое журналистское качество, как наблюдательность, Боборыкин обнаружил у российской интеллигенции тягу к подражанию западным поведенческим стереотипам. Объездив Западную Европу и насмотревшись на обретавшихся там российских мигрантов, Боборыкин писал в воспоминаниях: «Заграница захватывала русских

интеллигентов тем сильнее, чем они сами бывали образованнее на европейский лад» [1, с. 347]. Неприятным для Боборыкина был не сам факт того, что «русских интеллигентов захватывала заграница», а то, что их «захватывали» стереотипы и ужимки весьма низкого, филистерского или плебейского пошиба, противоречащего лучшим образцам европейской и мировой культуры.

Его смущала и обескураживала готовность интеллигентов приносить свои «ум, талант, знания, дар слова», свою образованность и интеллигентность в жертву нигилистической моде, отрицавшей достижения высокой культуры. В этой готовности Боборыкин усматривал «великое самомнение» и «непомерное тщеславие», и, судя по его наблюдениям, был прав: «И в Берне, и в Базеле русская коммуна отличалась озорством жаргона, кличек, прозвищ и тона. Это были «Иваны», «Соньки», «Машки» и «Грушки», а фамилий и имен с отчествами не употреблялось. Мне случилось раз в Швейцарии ехать с ними в одном вагоне. Они не только перекинулись такими именами, но нарочно пускали при мне такие фразы: «Ты все груши слопала?» — спрашивала Сонька Машку. — «Нет, еще ни одной не стрескала». Это был своего рода спорт «опрощения» [1, с. 349].

Очевидно, что такое «опрощение», драпируемое «близостью к простому народу», на деле выражало презрение к веками складывавшимся нормам и ценностям человеческого общежития. Этим «интеллигентам», учившим крестьян и рабочих теоретическим премудростям, самим следовало бы учиться у лучших представителей народной среды достоинству и умению уважать своего ближнего. Развязность, демонстративное «антиправедничество» наиболее радикальные из интеллигентов сочетали с нетерпимостью к идейным противникам, с полной убежденностью в своем праве быть судьями для всех, кто не вписывался в их «передовые» доктрины.

Сцены из жизни русских интеллигентов заграницей вызывали недоумение не только у Боборыкина, но и у местных жителей. Когда понятие «интеллигенция» было «реэксportировано» из России на Запад, оно пополнилось новыми смысловыми оттенками. Так, в немецком языке появилось выражение «der Intelligenzler», ставшее калькой русского слова «интеллигент», но у немцев это выражение употреблялось и до сих пор употребляется чаще всего в пренебрежительной или презрительной тональности. Прагматичные немецкие бюргеры не понимали, как псевдодемократическое «опрощение» претендентов на звание передовой интеллигенции могло сочетаться с их стремлением взять на себя некую пастьерскую миссию, призванную высветить народным массам путь к сияющим вершинам прогресса.

Этим, странности свежеспеченных интеллигентов не ограничивались. Им импонировала роль «впередсмотрящих», но в такой же степени им импонировали благородно — трагические позы, которые достоин принимать людям, находящимся в заведомом меньшинстве и потому обреченным наталкиваться на неисчислимы трудности и переживать исключительные лишения. Впрочем,

трудностей им действительно хватало, ибо среди них было немало тех, кто отдавал свою жизнь непрерывным теоретическим или психологическим исканиям, выливающимся в цепь заблуждений и череду «героических» усилий по их преодолению.

Поиски теоретических идеалов раскалывали интеллигенцию на политические лагеря — консерваторов, либералов, революционеров. Либералы и революционеры «воевали» против консерваторов, отказывались признавать в них интеллигентов, но это не мешало им сердито и больно «грызть» друг друга. Найти же согласие они не пытались. Левые видели в либералах «слабаков», «хлюпиков». Те, в свою очередь, обвиняли радикалов в жестокости и экстремизме, и поводов для таких обвинений хватало с избытком. Однако было и то, что сближало либералов с левыми: презрение к историческим традициям русской государственности, к особенностям российской истории и культуры.

Политизация интеллигенции резко усилилась на рубеже XIX—XX вв. Левые и либералы стали создавать политические партии, нацеленные на захват власти. Интеллигенция оказалась в сильной психологической зависимости от партийной борьбы, завязла в ней. Появление политических партий в России препятствовало общественной консолидации: каждая партия возводила в абсолют собственную программу, ставя ее выше, чем общенациональные интересы, тем самым разводя людей по политическим предпочтениям, раздувая конфликты и противоречия между разными социальными группами. Политические партии «защипывались» на какой-либо одной доминанте, будь то классовая борьба, либеральные права, аграрный или национальный вопрос. Н. А. Бердяев не без оснований писал, что вера партийных интеллигентов в теоретические абстракции «парализовывала любовь к истине, почти уничтожила интерес к истине» [2, с. 11,12]. В результате межпартийной борьбы был запущен процесс фрагментации общественного сознания.

Логика межпартийной борьбы заставляла партийную интеллигенцию широко использовать различные тактические средства, зачастую подчиняя им этические и нравственные нормы. В сознании и поведении политизированной интеллигенции ценности высокой культуры отступали перед кружковым, партийным «этикетом». Николай II пытался договориться с интеллигенцией. Идя на уступки ей, он дал согласие на провозглашение в стране демократических свобод, на легализацию политических партий, на созыв парламента. Но уступки со стороны царя не только не повысили его авторитет в глазах интеллигенции, но, напротив, усилили ее воинственность: в уступках радикально настроенные интеллигенты видели проявление слабости, а слабостей они никому не прощали, исповедуя принцип: «Или все, или ничего».

Планы гигантского переустройства мира удивляли интеллигенцию от реалий этого мира. Философ Г. П. Федотов называл идейность российской интеллигенции «неподвижным догматом», а саму интеллигенцию — «беспочвенной» [8, с. 272].

Он отмечал: «Каждое поколение интеллигенции определяло себя по-своему, отрекаясь от своих предков и начиная новую эру... столетие самосознания русской интеллигенции является ее непрерывным саморазрушением» [8, с. 269].

Мысль о беспочвенности российской радикальной интеллигенции, ее отрыве от традиционной культуры была ярко и убедительно раскрыта в сборнике «Вехи», посвященном анализу исторических уроков первой русской революции. Аргументация авторов «Вех» была направлена на утверждение двух тезисов: о первичности «практических сторон духовной жизни над внешними формами общежития» и о тупиковом характере деятельности той части интеллигенции, которая в противовес авторам «Вех» декларировала первичность «внешних форм общежития» [2, с. 4].

В «Вехах» русская радикальная интеллигенция показана жертвой раздвоения собственного сознания. Разжигая революцию, радикалы клялись именем народа, но при этом не могли преодолеть барьер непонимания между народом и собой; верили в безусловный прогресс, но вели себя высокомерно по отношению к тем, кто этой верой не обладал. С. Л. Франк отмечал своеобразную квазирелигиозность российских радикальных интеллигентов, в соединении с нигилизмом рождавшую готовность применять для достижения целей все и всяческие средства, не считаясь с моралью. Психологическим основанием такой квазирелигиозности он назвал ненависть, внешне оформленную в виде «абсолютизации ценности разрушения». Типичного русского интеллигента начала XX в. Франк определил как «воинствующего монаха нигилистической религии земного благополучия» [2, с. 168-170].

С. Л. Франку было ясно, что радикализм части российской интеллигенции возник под влиянием заемных теорий. Мотивы радикализма «заимствовались на веру, и притом не из первоисточников, а из вторых и третьих рук». Поэтому интеллигенция, «веруя в Лассаля и Маркса, в сущности, веровала в ценности и идеи, выработанные Руссо и де-Местром, Гольбахом и Гегелем, Берком и Бентамом, питалась объедками с философского стола XVIII и начала XIX века» [2, с. 182, 183]. В своих представлениях интеллигенция была вторична, носилась с компилированными идеями, уже потерявшими свою свежесть и актуальность.

В несамостоятельности интеллигенции, в ее отрыве от традиционной русской культуры авторы «Вех» видели предпосылки грядущего социального катаклизма в России. Этот катаклизм не заставил себя ждать. В 1917 г. после многолетних настойчивых атак со стороны оппозиционной и революционной интеллигенции рухнула Российская империя, а вместе с нею потерпела крах и «старая» русская интеллигенция, не сумевшая выбраться из лабиринтов идеализма и критицизма. Революция и Гражданская война в России разметала русскую интеллигенцию по разным странам мира. После 1917 г. она как «единственное, неповторимое явление истории» [8, с. 268] могла сохраниться только в эмиграции.

Идеологи раннего большевизма категорически отказались рассматривать интеллигенцию как специфически русский духовно-культурный феномен, очистив ее трактовку от всяких намеков на особую социальную и духовную миссию. Под пером Ленина понимание интеллигенции сильно упростилось: в ее состав он включил «всех образованных людей, представителей свободных профессий, представителей умственного труда в отличие от представителей физического труда» [5, с. 336].

Хотя по образу мышления и поведения вождей большевиков сам был типичнейшим интеллигентом, он жестко критиковал интеллигенцию. Это, кроме прочего, объяснялось и тем, что Ленин принадлежал к тому ее крылу, где было принято неукоснительно верить в теоретическую доктрину как в «единственно верное учение», третируя всех тех, кто такой верой не обладал, поменяв ее на избыточную рефлексию. Таких «малOVERов» Ленин называл «интеллигентиками», коим «не достает самовоспитания», противопоставляя им стойких пролетариев — «воинов партии, не боящихся организации и дисциплины» [5, с. 391, 396].

Ленинская трактовка интеллигенции как «слоя образованных людей или работников умственного труда» в советское время играла роль теоретического ориентира. Социальная роль интеллигенции оценивалась невысоко. Считалось, что интеллигенция находится «ближе всего к мелкой буржуазии» и что в «неклассовом коммунистическом обществе она исчезнет» [6, с. 475]. Однако при Сталине, взявшем курс на «построение социализма в одной стране» этот тезис был заменен установкой на «создание новой, социалистической интеллигенции»: «Можно надеяться, что с укреплением хозяйственной мощи Советского Союза интеллигенция целиком и полностью отдастся делу социалистического строительства» [6, с. 476].

Действительно, новый образованный слой, возникший в Советском Союзе на волне «культурной революции», с энтузиазмом подключился к реализации грандиозных планов по превращению страны в мощную индустриальную державу с развитой наукой, культурой, образованием, и здравоохранением. Дети рабочих и крестьян, получившие широкий доступ к высшему образованию, становились инженерами, педагогами, врачами, учеными, писателями. Этот общественный слой, названный партийными идеологами «советской трудовой интеллигенцией», был свободен от гностических, разрушительных импульсов, присущих догматикам-разрушителям начала XX в.

Новая интеллигенция воспринимала будущее своей страны как непрерывное и успешное созидание, как динамичный прогресс во всех областях общественной жизни.

Правящие верхи Советского Союза заботились о лучших представителях новой интеллигенции, созданной в соответствии с партийной стратегией. Ведущие советские актеры, режиссеры, композиторы, певцы, музыканты, поэты, писатели, художники, ученые являлись всенародными любимцами и кумирами и входили в элиту общества, имевшую особые права и привилегии. С какого-то момента некоторыми из этих элитариев

получаемые от государства и общества блага стали восприниматься как более весомый приоритет, нежели то творчество, которое они «конвертировали» в эти блага. Появившееся у этих людей ощущение особой избранности приводило их к открытой или скрытой оппозиции партийной власти — той самой, из рук которой они принимали блага, льготы и привилегии.

Интеллигентская фронда против правящей партии выросла на преклонении перед западными ментальными ценностями и стала далеко не последней по значимости причиной краха 19-миллионной КПСС, а с нею и Советского Союза. Сочетание этой фронды с беспредметной демагогией Михаила Горбачева стало тем «тротилом», который в 1991 г. разрушил державную мощь страны. Горбачев, являвший собой худший, «маниловский» тип интеллигента, хотел нравиться интеллигенции и стать для нее «своим», однако именно интеллигенция отправила его в «политический офсайд», предпочтя ему brutального, недалекого Бориса Ельцина.

Ельцин вышел на политическую сцену как проводник теоретических фантазий либерально-западнической интеллигенции, «делегировавшей» в его окружение Бурбулиса, Гайдара, Чубайса, Коха и им подобных. Ельцин исполнил все их «фантазии и прихоти», и в итоге в России возторжествовал тотальный рынок, который и поставил крест на советской интеллигенции как на культурно-историческом феномене. Этому рынку интеллигенция с ее заботами о культуре и просвещении, конечно же, была не нужна. В сознании адептов рынка общественная жизнь устроена на просто: будет спрос — будет и предложение, пусть потребитель только вовремя заплатит. Из идеологии всеохватного рынка вытекает, что культура и образование мало чем отличаются от других товаров, будь то колбаса, пиво или колготки.

С крахом СССР интеллигенция как единый социальный слой перестала существовать, расщепившись на несколько страт с разными субкультурами.

Есть те, кто величает себя «креативным классом». Это относящиеся к разным уровням социальной лестницы и имеющие разные общественные «калибры» менеджеры, промоутеры, пиарщики, политтехнологи, специалисты по всем видам и формам маркетинга и рекламы.

Есть слой людей, ставших I «лицом» гламурных тусовок, благодаря рекламной «раскрутке» приобретших состояние и известность. Это «звезды» шоу-бизнеса, режиссеры, телеведущие, моделиеры, модные дизайнеры. Они позиционируют себя как випперсоны, не имеющие ничего общего с учителями, библиотекарями, агрономами.

Есть постоянно разрастающаяся прослойка мелких клерков, получившая прозвище «офисный планктон» и живущая в ожидании милостей от хозяев фирм и компаний.

Если отвлечься от формальных признаков (необходимость выстраивать некие интеллектуальные комбинации, нефизический труд), то становится непонятно: имеются ли основания причислять эти субкультурные группы к интел-

лигенции? Впрочем их представители на принадлежность к ней особо-то и не претендуют, не желая менять «авангардный тренд» на праведность, правдолюбие, бескорыстие иные «архаичные» качества, присущие по-настоящему интеллигентным людям.

Осталась ли в России интеллигенция в том ее понимании, которое означает людей, поставивших себя на службу интересам общества, готовых отдавать усилия развитию культуры, искусства, науки, образования, здравоохранения? Да, такая интеллигенция еще остается. Сегодня она представлена в основном бюджетниками, вынужденными выживать, а служение высоким и значимым социальным целям разбавлять нелегкими заботами о хлебе насущном.

Либерально-рыночный «бомонд» относится к этим людям как к носителям «несовременных» взглядов на мораль, культуру, духовность, мешающих полному и окончательному торжеству

товарно-денежного прагматизма. Со своей узкокорыстной точки зрения адепты тотального рынка правы: среди большей части людей, связанных с наукой, образованием, воспитанием, существует стойкое неприятие модели общества, в котором все продается и все покупается. Именно эта общественная группа является последним заслоном варварству, олицетворяемому ныне идеологией всеобщей продажности.

Если к своей порядочности и патриотизму эта группа добавит глубокое и неформальное знание истории, научится избегать идеализма и доктринерства, сумеет результативно использовать свой интеллектуальный потенциал, то она сможет не только выдержать диктат рынка, но и выработать собственный прагматизм, базируемый на глубинных духовных смыслах и проверенных веками моральных ценностях. Надо полагать, этот мудрый прагматизм сможет обуздать идеологию и практику безбрежного торгашества.

Библиографический список

1. Боборыкин П.Д. Воспоминания. В 2-х томах. Т. 2. М.: Художеств, литра, 1965
2. Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. Свердловск: УрГУ, 1991.
3. Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. М.: Художеств, лит-ра, 1961.
4. Даль В.И. Словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 2. СПб.; М.: Т-во М.О. Вольф, 1880.
5. Ленин В.И. Шаг вперед, два шага назад // Избр. произв.: В 3 т. Т. 1. М.: Политиздат, 1978. 10 т. Т. 3. М.: Сов. Энциклопедия, 1929.
6. Письмо Н.П. Огарева Т.Н. Грановскому // Звенья: Сб. материалов и документов по истории литературы, искусства и обществ, мысли XIX века. Т. 1 / Под ред. В.Д. Бонч-Бруевича. М.; Л.: Академия, 1932.
7. Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // Мыслители русского зарубежья: Бердяев, Федотов. СПб.: Наука, 1992.
8. Шмидт С.О. Этапы «биографии» слова «интеллигенция» // Судьба российской интеллигенции: Сб. статей. Под ред. В.Е. Триодина. СПб.: СПбГУП, 1999.

Уральский государственный университет, г. Екатеринбург
Получено 13.05.2013

S. V. Rubakov

TO THE QUESTION ABOUT THE MEANING OF THE NOTION OF THE WORD INTELLIGENTSIA

The author ponders about the content and filling of the notion intelligentsia. The retrospective method of presenting the material allowed the author to look at the problem through the eyes of writers, politicians of a new Russia

intelligentsia, education, patriotism, Soviet intelligentsia

УДК 94

С. В. Селиверстов

ВЗГЛЯДЫ ЕВРАЗИЙЦЕВ НА «ОБЩЕСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО» МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

В статье рассмотрен «евразийский» проект бывшего российского дипломата и ученого А. Н. Мандельштама относительно устройства многонациональных государств, решение в связи с этим русско-турецких отношений — «туранской проблемы».

дипломат, ученый А. Н. Мандельштам, многонациональное государство, «евразийцы», «евразийский проект», «пан-туранизм», «туранская проблема»

Проблема «справедливого общественного устройства» многонациональных государств и обществ с давних пор привлекала внимание ученых, политиков и общественных деятелей планеты. Не стала исключением из правил в этом плане и Российская империя, которая уже к началу XIX в. представляла собой огромную континентальную страну, занимавшую обширную территорию Восточной Европы, Северной Азии (Сибирь и Дальний Восток) и часть Северной Америки (Аляску). В первой половине XIX в. ее территория еще более расширилась — с 16 млн. до 18 млн. кв. км за счет присоединения Финляндии, части Польши, Бессарабии, Кавказа и

нентальную страну, занимавшую обширную территорию Восточной Европы, Северной Азии (Сибирь и Дальний Восток) и часть Северной Америки (Аляску). В первой половине XIX в. ее территория еще более расширилась — с 16 млн. до 18 млн. кв. км за счет присоединения Финляндии, части Польши, Бессарабии, Кавказа и

Закавказья, Казахстана, Приамурья и Приморья. В силу этого, население России возросло (за счет естественного прироста и присоединения территорий) с 37 млн. до 74 млн. человек [1, с. 5]. Однако ее государственное устройство (в плане обеспечения прав народов) оставляло желать много лучшего. Недаром этот вопрос не сходил с повестки дня общественно-демократических кружков и объединений, набиравших силу в России и предлагавших свои планы переустройства Российской империи. В числе таковых был, к примеру, во второй половине XIX в. и кружок студентов Московского университета, предрекший в своей прокламации «Молодая Россия» новое общественно-политическое устройство России (после «кровавой и неумолимой» революции). Оно же кружковцам виделось в виде республиканского союза областей, состоявших из самоуправляющихся общин. За Польшей и Литвой они признавали право на независимость [1, с. 108].

Предвидение «москвичей» сбылось, в известной степени, в октябре 1917 г. Однако свершившееся «общественно-политическое устройство бывшей Российской империи» не устроило не только значительную часть ее населения, но и мировую общественность. Свидетельство тому — вспыхнувшая в стране гражданская война, поддержанная рядом иностранных государств. Не утихло обсуждение проблемы «переустройства новой России» и после ее окончания. Более того, возникшая «дискуссия» обрела даже международный характер, видную роль в которой была отведена Турции. Она же на протяжении многих столетий (тогда Османская империя — С.С.) играла особое место во внешней политике царской России. Не последнюю роль в их взаимоотношениях играло наличие в последней значительного количества тюркских народов, а в Турции — славянского населения. Это обстоятельство весьма «углубляло» интерес российских чиновников к Османскому государству, который не ограничивался служебными делами, а находил свое проявление и в их «интеллектуальной» деятельности. Из числа российских дипломатов в Турции были особенно известны в конце XIX — начале XX в. имена И. А. Зиновьева, Н. П. Игнатьева, Д. А. Капниста, К. Н. Леонтьева, А. Н. Мандельштама, Н. В. Чарыкова, т.е. людей, разных по должностям и взглядам, но внесших немалый вклад в осмысление многообразной по характеру российско-турецкой и российско — тюркской проблематики.

Наибольший интерес из числа вышеназванных лиц у нас вызвала фигура Андрея Николаевича Мандельштама (1869—1939), дипломата, историка, юриста (доктора международного права Санкт-Петербургского университета — С.С.), отдавшего 16 лет (с 1898 по 1914 г. — С.С.) дипломатической службе в российском посольстве в Турции в качестве «первого драгомана (переводчика — С.С.)». После этой «службы» он работал в центральном аппарате МИДа, а в 1917 г. был назначен Временным правительством на должность директора Правового департамента МИД России. На рубеже 20—30-х гг. он эмигрировал из СССР и в течение многих лет состоял членом

Института международного права».

Нас Андрей Николаевич заинтересовал не только как непосредственный участник российско-османских дипломатических переговоров, имевших место в конце XIX., но и как ученый, знаток новейшей турецкой истории. Чтобы подтвердить это, достаточно назвать некоторые его труды, такие как «Младотурецкая держава» [2], «судьба Оттоманской империи» [3], а также работы о политике держав по армянскому вопросу [4]. Каждая из вышеназванных работ имеет солидную источниковую базу. Об этом пишет и сам автор. Так, в предисловии к «Судьбе Оттоманской империи» он указывает, что книга написана «на основе добросовестного изучения огромного количества фактов, официальных документов, турецких источников... и собственных наблюдений» [3, с. 5].

Несмотря на то, что политическая ситуация в Европе и мире, о которой писал А. Н. Мандельштам, существенно изменилась за прошедшие десятилетия, тем не менее, можно с полным правом утверждать, что его работы и сегодня не утратили своего научного значения. Попробуем продемонстрировать это на одной лишь работе — на содержательном и просторном «Введении» А. Н. Мандельштама к книге безвестного автора «Турция и пантюркизм», увидевшей свет в 1930 г., в Париже [5, с.7-33]. Написанное в ней Андрей Николаевичем, без преувеличения, выходит далеко за рамки простого «Введения». Это вполне солидный научный труд, в котором известный российский исследователь суммировал свои взгляды и идеи на достаточно сложный «туранский вопрос», подвел определенные итоги в осмыслении российско-турецких отношений и наметил пути и возможные перспективы их дальнейшего развития.

Что же касается самого автора работы «Турция и пантюркизм» (первое издание ее вышло под названием «Туран» в 1927 г. — С.С.), то на ее титульном листе значатся слова «Зареванд». Возможно, это фамилия автора работы, а может быть псевдоним. Иначе говоря, сведений об авторе публикации нигде не указано. Но нас интересует не это, а взгляды самого А. Н. Мандельштама, не скрывшего своего имени, при написании своего «Введения». Но, прежде, чем говорить о нем, скажем пару слов о проблемах «пантюркизма» и «пантуранизма» в Советском Союзе. Первый, как известно, рассматривался в нашей стране, не иначе как «реакционно — шовинистическая доктрина турецкой буржуазно-помещичьей верхушки, возникшей в начале XX в. и проповедовавшей объединение тюркоязычных народов под властью Турции» [6, с. 961]. Да иначе руководство СССР, руководствовавшееся интернационально-коммунистическими взглядами и политико-классовыми позициями, поступить и не могло. Пример иного восприятия «пантюркизма» в 1920-е гг. могла дать только эмиграция. Не ограниченные узкими политико-идеологическими рамками ее проницательные исследователи отчетливо понимали значимость данного фактора для России. Осознавал это и А. Н. Мандельштам. Поэтому, начиная с 1930 г., он приступает к распространению объек-

тивных сведений о «пантюркизме среди русской публики», в силу ее недостаточной осведомленности о нем. Зная тюркскую общественно-политическую мысль не понаслышке, Андрей Николаевич, не без оснований, полагает, что «пантуранизм» имеет «большое значение для развития государственности будущей свободной России», а потому он требует «величайшего внимания» [5, с. 19-20]. И здесь необходимо отметить один, очень важный момент: автор ведет речь не о советской, а о постсоветской России. Какие же «направления» в развитии будущей российской государственности видятся ему в связи с «туранской» проблемой?

Чтобы расставить все точки над «i», А. Н. Манделъштам задается сначала вопросом: «А действительно ли тюрко-татарские народы России тяготеют к Турции»? Сам же он убежден, что в будущей «свободной России, организованной на началах федерализма и областных автономий, тюрко-татарские народы, конечно же, будут наделены политической самостоятельностью, необходимой для сохранения единой российской государственности. Только удовлетворятся ли они этим, задает себе вопрос ученый, Будут ли тюрко-татарские народы стремиться, «следуя заветам Зи Гек Альпа, федерироваться по племенному признаку с Турцией, или же быть равноправными членами Российской державы, в которой они найдут, в большей степени, чем в Турции, удовлетворение своим экономическим потребностям»? [5, с. 20-21]. По мнению, А. Н. Манделъштама, вопрос о реальных намерениях «советских тюркских народов (речь идет о рубеже 20-30-х гг. XX столетия — С. С.)» остается далеко не выясненным, а потому, — полагал он, — по отношению тюрко-татар к Союзу нельзя судить об их будущем отношении к возродившейся России [5, с. 20].

С другой стороны, «намечаются ли уже постоянные линии новой политики Турции по отношению к России»? И будет ли эта политика, — задает вполне закономерный вопрос А. Н. Манделъштам, — стремиться «к освобождению тюрко-татарских народов из-под власти России, подобно тому, как в течение столетий Россия стремилась к освобождению балканских народов из-под власти Османской Империи»? Наконец, если бы «прочно установившаяся турецкая государственность повела сознательную пантуранскую политику, как должна будет реагировать на нее воскресшая Россия?» [5, с. 21, 23].

В отличие от автора «Турции и пантуранизма» А. Н. Манделъштам считает, что в настоящее время нет «твердых доказательств» того, что пантуранизм может стать основанием для «постоянной» политики Турции [5, с. 23]. Однако события Первой мировой войны показали, что российско-турецкие отношения пережили период конфронтации. Принципиально в этом то, заявил бывший дипломат, что «обновленные русский и туранский миры не неизбежно осуждены на новые кровавые столкновения» [5, с. 24]. Но при какой «международной обстановке», при каких международных условиях исторический «спор между Россией и Тураном может быть улажен без кровопролития»? [5, с. 31].

А. Н. Манделъштам, в отличие от коммунистических деятелей СССР, не отрицал «проблему пантуранизма» и не считал целесообразным, чтобы она была загнана куда-то «вглубь». По его мнению, вопрос о самоопределении и «о выходе из пределов России тюрко-татарских племен должен был получить не одностороннее решение, исходившее лишь из интересов только этих народностей, а основанное также на интересах русской государственности». При этом он был твердо убежден в том, что каждое «национальное меньшинство имеет полное право на культурную автономию и что народам, входящим сплошными массами в пределы какого-либо государства нужно предоставлять самые широкие политические автономии, и что введение федеральной системы является — в известных случаях — актом величайшей государственной мудрости» [5, с. 29].

Наконец, указывал А. Н. Манделъштам и еще на один немаловажный международный процесс, перспективное значение которого тогда, на рубеже 20-30 гг. XX столетия, мало кто из политиков видел. Он же указывал на аспект, который мы сегодня называем «региональной интеграцией». В частности, он писал тогда о начавшемся «пан-европейском движении» и о том, что в мире, параллельно с Лигой Наций, идет «движение в пользу создания других, более тесных, организаций, имеющих целью совместную защиту интересов отдельных группировок держав» [5, с. 30]. И далее А. Н. Манделъштам акцентировал внимание на самом главном, а именно: какое отношение к континентальной «Пан-Европе», к возможному Европейскому союзу будет иметь будущая свободная Россия? В связи с этим, он справедливо подметил, что паневропейское движение стремится к созданию европейской конфедерации «без России». «Такое исключение... — по его мнению, — совершенно естественно», потому что Россия (также как тогда и Великобритания) сама по себе представляет «маленькую лигу наций» и имеет особые интересы, не совпадающие с интересами Европы. При этом, он вполне справедливо, причем в категорической форме заявлял, что географическое положение России «не позволяет ей войти ни в европейскую, ни в азиатскую лигу» [5, с. 31]. Тогда, куда же и в какой регион должна «войти» в будущем свободная Россия? — задавал он вполне закономерный вопрос. Будучи достаточно известным ученым — международником, А. Н. Манделъштам смело излагал свои планы. «Нам кажется, — писал он, — что человечество идет к следующей... конструкции мира»: 1. Союз всех народов (Лига Наций), ведающий общими интересами всего человечества; 2. В пределах этого союза [существуют], большие группировки государств, связанных общими интересами... [И], наконец, 3. Отдельные автономные государства в пределах каждой группы народов...». И здесь, что на наш взгляд, весьма существенно, ученый выделяет «в глобальном мире» уровень «региональной интеграции», или, как он пишет, уровень «больших группировок государств». Он даже называет их — «европейская, американская, великобританская». По его представлениям, Россия (будущая

свободная Россия — С. С.) должна входить в отдельную — российскую — группировку [5, с. 31].

Именно при такой международной «конструкции» в Евразии, к которой, по мнению ученого, «по всем признакам, идет человечество», и именно при такой международной системе «спор между Россией и Тураном может быть улажен без кровопролития» [5, с. 31]. Иначе говоря, решение «туранского вопроса», по его мнению, может осуществлено двумя путями. Во-первых, если «российское государство не может отказаться от туранских территорий, находящихся в его пределах, ибо это противоречило бы всем его экономическим и политическим интересам», то Россия обязана в полной мере удовлетворить «экономические, политические и культурные требования» туранских народов. И, во-вторых: «Если бы сама Турция нашла, в виду наличия в России миллионов ее соплеменников, что ее культурные и экономические интересы более совпадают с интересами России, чем с интересами Европы или Азии, то она могла бы войти в состав российско-турецкой группировки, имеющей такое же особое лицо, как и европейская, и американская группировки народов». При этом, А. Н. Мандельштам, не без оснований, полагал, что «со временем» к этой региональной группировке могла бы примкнуть и Персия [5, с. 32].

Вот создание такого большого «регионального сообщества» в Евразии, еще в 20-30-х гг. XX в. виделось нашему опытному дипломату и ученому. В связи с этим, возникают известные параллели: «Восточный союз» в основном именно в такой конфигурации предполагал еще в 80-х гг. XIX столетия другой бывший российский дипломат в Турции — К. Н. Леонтьев. В «Восточной конфедерации», создание которой напрашивалось уже тогда, могли бы участвовать, наряду с Россией и балканскими странами, также Турция и Иран [7, с. 561]. Такой широкой проект мог бы стать, по его мнению, реальной альтернативой сопредельной «европейской федерации». А за несколько месяцев до смерти (он умер в 1891 г. — С. С.) он намеревался довести свою идею о Восточном союзе, «долгими годами выношенную», сведения Государя, в виде «секретной записки», но только не через МИД, руководители, которого, по мнению Константина Николаевича, «слишком мелки для такого взгляда». Но, говоря о «Восточной конфедерации», он уточнил, что в состав союзной Турции должны входить — собственно Азиатская Турция, Сирия, Палестина, Аравия и Египет «с изгнанием англичан и международной нейтрализацией Суэзского канала» [8, с. 191-192]. Таким вот было к началу 90-х гг. XIX в. концептуальное «международно-политическое завещание» К. Н. Леонтьева.

С тех пор как он выступил с ним, со своими оригинальными идеями, прошло (до времени публикации «соображений» А. Н. Мандельштама — С. С.) 40 лет, однако «ключевые действующие лица» этой возможной «внеевропейской» региональной интеграции в Евразии остались те же.

В связи со сказанным выше, следует подчеркнуть, что нельзя отказать А. Н. Мандельштаму в понимании того, что весьма актуально сегодня

(т.е. на рубеже 20-30-х гг. XX. — С. С.) и необходимо как для России, так и для Турции, а также для русского, тюркских и «туранских» народов. При этом автор концепции «российско-турецкой группировки» не просто витал где-то в «глобально-политических облаках», а он достаточно здраво полагал, что его идея о региональной российско-турецкой интеграции «реальнее пантуранизма и уже, во всяком случае, более в духе нашего века» [5, с. 32]. И здесь нельзя не обратить внимание на выражение — «в духе века», поскольку, несмотря на все мировые и национальные конфликты, XX в., действительно, шел к своей «интеграции», окончательное создание которой он предал XXI столетию.

Что касается регионального российско-турецкого согласия как фактора преодоления возможного агрессивного пантуранизма (и, с другой стороны, добавим, — потенциального российского империализма), то обширные комментарии здесь, на наш взгляд, излишни, ибо достаточно четкий вывод сделан на этот счет самим А. Н. Мандельштамом. «Пантуранизм, — справедливо заключил он, — может повести к новой войне,.. создание [же] российско-турецкого блока... [исключит] ее навсегда из отношений между обеими расами» [5, с. 32]. Он также искренне верил, что «освобожденный [в будущем] от большевистского ига русский народ сумеет сговориться с туранскими народами относительно условий дальнейшего политического сосуществования в пределах России». При этом «вместо отказа от своих туранских земель, Россия может протянуть Турции руку для мирного сближения русского мира с туранским в новых формах, вырабатываемых современной международной жизнью» [5, с. 32-33].

Как все это произошло в 90-е гг. XX столетия, — теперь уже известно. Бывшие союзные республики (Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Туркменистан, Азербайджан) стали после распада СССР суверенными государствами, а автономные республики и области (Татарстан, Башкортостан, Чувашия, Алтай, Хакасия, Тува, Якутия и др.) — субъектами Российской Федерации. С другой стороны, как и предполагал А. Н. Мандельштам, не только в Европе, но и вне, ее стали зарождаться и крепнуть «новые формы» международной жизни, происходит сближение государств и народов, проявляются региональные интеграционные тенденции. Постепенно (хотя и не без проблем) начал формироваться (параллельно Европе — С. С.) полноценный и конкурентоспособный Евразийский регион, активное участие в котором принимают и тюркоязычные государства. Дорога туда не закрыта, разумеется, и для Турции. О чем заявил в свое время еще А. Н. Мандельштам, назвавший русско-тюркские, российско-турецкие отношения «великой туранской проблемой» [5, с. 33]. Именно он (одним из первых специалистов-международников — С. С.) сформулировал на рубеже 20—30-х гг. XX в. для будущей свободной России концепцию региональной интеграции, которую сегодня мы с полным основанием можем назвать «концепцией евразийской интеграции». На появление этой идеи, вне сомне-

ния, повлияло и возникновение в 1920-е гг. ранних «паневропейских идей». Но из этого, мы, впрочем, должны сделать и другой вывод: реальным толчком для кристаллизации идеи «внеевропейской» (т. е., по существу, евразийской) региональной «группировки» стал, в т.ч. и пантуранизм. Разумеется, А.Н. Мандельштам как русский патриот своей родины, никак не мог принять конечные цели пантуранизма, но осмыслить их «без гнева и пристрастия», он был в состоянии. А уяснив ее, он воспринял идею «пантуранизма» и как вызов, и как фактор к потенциальной, позитивной региональной интеграции на взаимоприемлемых (в т.ч. международно-правовых) основаниях. Хорошо представляя конфронтационный потенциал в российско-турецких отношениях, бывший дипломат (и это весьма важно) стал твердым и последовательным сторонником «обновления и последующего сближения России и Турции».

Иначе говоря, А. Н. Мандельштам выделил в пантуркизме не только «агрессивный пантуранизм» [5, с. 23], но и увидел в нем (в контексте большого российско-тюркского межгосударственного сообщества — С.С.). «возможность толерантного тюркизма». Увидел он в этом контексте и преодоление «агрессивного пантуранизма» и «российского империализма» вполне «справедливого двойника воинствующего пантуранизма».

Словом, идеи А. Н. Мандельштама о «российской группировке европейских государств» и «российско-турецкой группировке» вполне оригинальны. Но подобный подход к обсуждаемой проблеме являлся не произвольной комбинацией в международных отношениях. Мысль о «самостоятельном пространстве» между европейской и азиатской «лигами» было ничем иным как следствием, по существу, евразийского взгляда на Россию и сопредельные с ней страны. Близость идей А. Н. Мандельштама к идеям русских евразийцев 20—30-х гг. — это вне сомнения — очевидно. Правда, в связи с этим, встает закономерный вопрос: «А был ли знаком он с трудами тех эмигрантов, кто называл свои взгляды на мир «евразийством»? Сопоставление фактов дает все основания ответить положительно на этот вопрос. Так, ука-

зав на особенность («срединность») географического положения России, не позволяющей ей войти «ни в европейскую, ни в азиатскую лигу», А. Н. Мандельштам, в то же время, отметил, что нельзя не считаться и с фактом существования большого комплекса общероссийских интересов, который, по его мнению, необходимо иметь в виду даже «не вдаваясь здесь ни в какие «евразийские» доктрины». Надо сказать, что такая говорка весьма примечательна, поскольку она означает, что А. Н. Мандельштам был неплохо знаком с воззрениями российских евразийцев 20-х гг. В этой связи, встает и другой вопрос: «А почему не стал он «вдаваться» в «великую туранскую проблему» с учетом подхода к ней «евразийцев»? Можно предположить, что будучи в прошлом дипломатом, а также ученым-международником, он смотрел на русско-туранский вопрос с «международно-политической точки зрения», а не с «историко-цивилизационной» или «культурологической». Его, в первую очередь, привлекала не мировоззренческая концепция, не идейная «доктрина», а «живой» процесс трансформации современных ему международных отношений. Возможно, именно поэтому он и вывел «евразийство» как направление (как подход — С.С.) за пределы своего анализа и выдвинутых им «соображений».

И, касаясь их сегодня, спустя почти 90 лет, мы отчетливо просматриваем во взглядах А. Н. Мандельштама евразийский геополитический, региональный подход, никак не противоречащий, а, наоборот, углубляющий географические и культурологические размышления и наблюдения его современников — евразийцев 20—30-х гг.

Таким образом, суммируя все вышесказанное, мы можем с полным правом утверждать, что «евразийский» проект А. Н. Мандельштама был обращен в будущее его родины и явился, по сути дела, его завещанием ей, которое в полной мере было реализовано ею на исходе XX столетия. Именно тогда, после распада СССР появилась на мировой арене посткоммунистическая Россия, видевшаяся А.Н.Мандельштаму в его проекте федеративным объединением, учитывающим интересы как интересы своих «российских народов», так соседствующих с ними тюркских «евразийских» народов.

Библиографический список

1. Модоров Н.С. История России. 1855—1900 гг. — Горно-Алтайск, 2005.
2. Мандельштам А.Н. Младотурецкая держава. Историко-политический очерк. — М.-Пг., 1915.
3. Mandelstam A. Le sort de l'Empire Ottoman. Lausanne-Paris, 1917.
4. Mandelstam A. La Societe des Nations et Pussances devant le probleme armenien. Paris, 1926.
5. Мандельштам А.Н. Введение // Зареванд. Турция и пантуркизм. — Париж, 1930.
6. Энциклопедический словарь. — М., 1984.
7. Леонтьев К.Н. Плоды национальных движений на православном Востоке // Восток, Россия и Славянство. — М., 1996.
8. «Брат от брата помогаем...» (Из неизданной переписки К.Н. Леонтьева и Т.И. Филиппова) // Нестор, 2000. №1.

Евразийский государственный университет им. Л. Н. Гумилева (Республика Казахстан)
Получено 29.12.2012

S. V. Seliverstov

THE GLANCES OF «EUROASIANS» ON THE SOCIAL ORGANIZATION OF MULTINATIONAL STATE OF SYSTEM

In article scrutinize the «euroasian» project of russian diplomat, scientist A.N.Mandelstam relatively the organization of multinational state and the judgement of russian-turkish terms — of «turanic a problem».

diplomat, scientist A.N.Mandelstam, multinational state, «euroasians», «euroasian» project, «pan-turanism», «turanic a problem»

УДК 94

А. Р. Татаркина

МИГРАЦИИ И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО УРАЛА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

В исследовании на основе архивных материалов автор анализирует социальный состав населения Южного Урала на рубеже веков. Особое внимание уделено специфике и закономерностям миграционных процессов.

миграции, сословия, статистика, модернизация

Интенсивность модернизационных процессов рубежа XIX—XX вв. способствовали активизации движения населения и размыванию традиционной социальной структуры общества, сохранявшейся по-прежнему сословное ранжирование. Большое значение для развития городской экономики играли миграции сельского населения, менявшие облик общества. При этом, необходимо отметить балансирование в соотношении удельного веса городского и сельского населения. Возрастание первой группы приводило к уменьшению численности второй. По подсчетам Б. Н. Миронова доля городского сословия возросла с 7,3 до 17,6%, а доля крестьян уменьшилась с 82,7 до 80,1%. Основным следствием, историк называет интенсивность межсословной миграции [1]. Аналогичные тенденции можно наблюдать в региональной истории. Обратимся к социальному составу городов Южного Урала. Для анализа нами были изучены статистические данные губернских и уездных городов Оренбургской и Уфимской губерний (11 поселений). Численность городских сословий в конце XIX в. иллюстрирует таблица 1.

Массовым городским сословием было мещанское. Оно занимало 50% в составе населения. Причем эта социальная группа преобладала в городах Оренбургской губернии (здесь она составляла около 60%). Во-первых, Уфимская губерния по характеру производства оставалась земледельческой; во-вторых, в Оренбургской губернии сложно решался вопрос о месте жительства переселенцев, поэтому чтобы узаконить своё пребывание в губернии переселенцы записывались в мещанское сословие [3]. Отсюда следует, что состав мещанства был весьма разнообразен и пестр. Основную массу составляли ремесленники, бывшие крепостные крестьяне, разорившиеся купцы. Это была одна из наиболее мобильных социальных групп. Благодаря инициативности,

предпринимательской хватке они могли перейти в гильдейское купечество и даже получить доступ к государственной службе с правом приобретения личного дворянства. Например, известная челябинская купеческая династия Мотовиловых происходила из мещанского сословия [4]. С другой стороны, ряды мещан пополняли не адаптированные к новым экономическим условиям социальные слои (обедневшие или разорившиеся крестьяне, купцы).

По-прежнему значительную долю в городском населении занимали крестьяне. Их общая численность равнялась 35,4%. По своему положению эта группа была наиболее нестабильной. На рубеже XIX—XX вв. социальная дифференциация крестьян усилилась, многие из них порвали со своим прошлым и превращались в наемных рабочих. Большая часть крестьян занималась временными сезонными заработками, остальное время проживали в деревне [5]. Это свидетельствовало о высокой степени миграции крестьян в города. Таким образом, мы находим подтверждение вывода Б.Н.Миронова о соотношении мещанского и крестьянского населения. Оно менялось (со знаком «+» или «-») в пользу либо одного сословия, либо другого. В тех городах, где доля мещан была высокой, удельный вес крестьян был меньше, и наоборот. Из этого следует, что основным источником формирования и роста городского сословия были крестьяне. К началу XX в. крестьянство превратилось в самую многочисленную социальную группу.

Таблица 1

Сословная стратификация городского населения Оренбургской и Уфимской губерний (1897) [2]

Сословия	Оренбургская губерния		Уфимская губерния		Всего	
	Тыс.	%	Тыс.	%	Тыс.	%
1. Дворянство	8,416	6,0	6,633	6,2	15,049	6,1
2. Духовенство	1,539	1,1	1,534	1,4	3,073	1,3
3. Почетные граждане	963	0,7	795	0,7	1,758	0,7
4. Купечество	1,834	1,3	1,234	1,2	3,068	1,2
5. Мещанство	83,178	59,1	41,395	38,5	124,573	50,2
6. Крестьянство	33,964	24,1	53,855	50,2	87,819	35,4
7. Военные	7,682	5,5	67	0,0	7,749	3,1
8. Иностранцы	773	0,5	181	0,2	954	0,4
9. Прочие	2,484	1,7	1,607	1,5	4,091	1,6
ИТОГО	140,8	100	107,3	100	248,1	100

Удельный вес привилегированных сословий (дворянства, духовенства, почетного гражданства) был выше в городах, чем в уездах (8% и 1% соответственно). В губернских центрах это сословие было преобладающим. Доля этой социальной группы была равна 5,4%. Это были владельцы недвижимой собственности, чиновничество, офицерство. Они занимали верхушку управленческого аппарата, городских органов власти.

Итак, самой многочисленной социальной группой в городах Южного Урала была мещанская (50%), на Северном и Среднем Урале эта группа по численности уступала крестьянской занимавшая около 49% в составе городского населения [6]. Преобладание крестьянского сословия в городах Северного и Среднего Урала объяснялось тем, что после реформы 1861 г., горно-заводское население, численно превосходившее здесь, было переведено в разряд свободных сельских обывателей [6]. В России, городское сословие (купечество и мещанство) занимало 46,4%, на долю крестьянства приходилось 43,5% [1]. Таким образом, мы можем сделать вывод, что стратификация городского населения Южного Урала соответствовала общероссийской.

В начале XX в. произошли некоторые изменения в социальной структуре города. Рассмотрим динамику сословий на примере городов Оренбургской губернии (таблица 2).

Итак, согласно статистике, за 10 лет (1902—1912) городское население выросло более чем в 1,5 раза, с 1897 по 1912 гг. рост населения составил 1,7 раза. Особенно сильное возрастание пришлось на крестьянское сословие, если в 1897 г. эта социальная группа занимала 24,1% в составе горожан, то к 1912 г. — 30,2%. При этом доля мещанского населения сократилась с 59,1% в 1897 г. до 54,1% в 1912 г., хотя общая численность мещан с 1897 по 1912 г. выросла в 1,5 раза (с 83,1 тыс. человек до 129,8 тыс. чел.). То есть колебания удельного веса мещан и крестьян в городском населении ещё раз подтвердили взаимосвязанность и взаимопроникнутость этих сословий.

Достаточно высокими темпами на Южном Урале продвигался институт почетного гражданства. Рост этого сословия с 1902 — 1912 г. оставил 224%, удельный вес почетных граждан к 1912 г. занимал 1,3%, по сравнению с 1897 г. — 0,7%. Это свидетельствовало о том, что получение этого звания было престижным. Процедура присвоения почетного гражданства в 70-е — 90-е гг. XIX в. была упрощена и стала носить более демократический характер. Его обладателями становились общественные деятели,

ученые, купцы, литераторы, художники, внесшие огромный вклад в развитие своего города. Например, в Челябинске звания почетного гражданства удостоивались люди разных специальностей и сословий среди них, инженер, строитель и начальник Западной Сибирской дороги К.Я. Михайловский, купец П. И. Перцев, первый «энергетик» города В. М. Колбин, городской голова П. Ф. Туркин, и др.

В 1912 году удельный вес и численность привилегированных сословий стали постепенно сокращаться. Если в 1897 г. совокупный вес дворянства и духовенства составил 9,9 тыс. чел. (7,1%), то в 1912 г. их насчитывалось 5,9 тыс. чел. (2,5%). Таким образом, численность верхушки городского общества к началу XX в. сократилась почти в 4 раза. Процесс уменьшения доли дворянства и духовенства в составе городского общества происходил по всей России. Этому способствовало, с одной стороны, сокращение земельного фонда, с другой — непригодность правящего сословия к новым экономическим условиям. Внутри дворянского сословия нарастал процесс обеднения: крупные помещики превращались в средних, а средние — в мелких. Обедневшие дворяне приезжали в города и поступали на государственную и частную службу, занимались предпринимательством, некоторые служили в качестве наемной прислуги, иногда случалось, что женщины — дворянки становились проститутками, а мужчины — люмпенами. То есть происходило размытие или утрата принадлежности к сословию.

Остальные сословия сохранили своё прежнее положение, их удельных вес оставался фактически без изменений.

Итак, в начале XX века в городах Южного Урала процесс разложения сословий происходил весьма интенсивно. По-прежнему, массовой социальной группой оставалось мещанское при неуклонном возрастании числа крестьянского сословия. Количественное и процентное сокращение численности привилегированного сословия свидетельствовало о его непригодности к модернизационным изменениям.

Таблица 2

Динамика городского населения Оренбургской губернии (1902—1912) [7]

Сословия	1902 г.		1912 г.		Рост сословий 1902—1912 в процентах
	Тыс.	%	Тыс.	%	
1. Дворянство	3,214	2,2	4,055	1,7	126,2
2. Духовенство	1,378	0,9	1,900	0,8	137,8
3. Почетные граждане	1,422	1,0	3,185	1,3	224,0
4. Купечество	1,869	1,3	2,834	1,2	151,6
5. Мещанство	83,880	56,6	129,840	54,1	154,8
6. Крестьянство	33,049	22,3	72,570	30,2	219,6
7. Военные	12,664	8,5	13,191	5,5	104,2
8. Иностранцы	344	0,2	1,044	0,4	303,5
9. Прочие	10,252	6,9	11,743	4,8	114,5
ВСЕХ	148,072	100	240,362	100	162,3

Библиографический список

1. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX вв.). — СПб., 2000. — Т.1. — С. 137-138
2. Составлено по: Первая всеобщая перепись населения... — Т. XXVIII. — С. 26-27. — Т. XLV (тетрадь 1). — С. 182-183 (подсчеты автора).
3. РГИА, ф. 1263, оп.1, д. 3551, л. 734.
4. Алеврас Н.Н. Челябинское купечество в 1-ой половине XIX в. // Челябинск Неизвестный. Вып.1. — Челябинск, 1996. — С. 12.
5. РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 3551, л. 734; д. 4934, л. 496.
6. Алфимова Е.Ю. Социально-экономическое развитие городов Урала в 60-е — 90-е гг. XIX в. Дисс... канд. ист. наук. — Свердловск, 1991. — С. 186.
7. Составлено по: Статистический обзор Оренбургской губернии за 1902г. — Оренбург, 1903. — отдельная ведомость; Адрес — Календарь Оренбургской губернии на 1912 г. — Оренбург., 1913 — отдельная ведомость. (подсчеты автора).

Челябинский государственный педагогический университет им. А. М. Горького
Получено 19.03.2013

A. R. Tatarkina

MIGRATION AND SOCIAL COMPOSITION OF URBAN POPULATION SOUTHERN URALS IN THE LATE XIX — EARLY XX CENTURIES

In the study on the basis of archival materials, the author analyzes the social composition of the population of the South Urals on the boundary of centuries. Special attention is paid to the peculiarities and regularities of migration processes.

migration, estates, statistics, modernization

УДК 94

Е. М. Чедурова

ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И КООПЕРАТИВНОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

В данной статье показаны отношения Временного правительства к кооперативному движению в стране. Временное правительство сделало ставку на кооперацию как на самую массовую общественную организацию. В результате ее признания кооперативы сразу же превратились в универсальные органы регулирования хозяйственной жизни деревни и получили не только экономическое, но и юридическое признание.

кооперация, кооперативный закон, Временное правительство, товарищество, аграрная реформа, кооперативное движение, рыночные отношения

Российская кооперация развивалась в сложных отношениях и под влиянием центральной власти. Но, тем не менее, она способствовала втягиванию масс населения в свободные рыночные, товарно-денежные отношения, и явилась средством законодательной, экономической модернизации общества. Взаимоотношения царского правительства и кооперации никогда не были идеальными, по причине того, что оно боялось развития свободной кооперации. Поэтому кооперативное движение с самого начала было взято под подозрение и под опеку. Хотя правительство и ратовало, в известной степени, за быстрое развитие кооперативного движения, но и в то же время оно боялось этого ускорения, а потому и стремилось подчинить ход этого процесса себе. В результате такой политики, направленной на разьединение и разобщение кооперации, превратившейся в важную экономическую и общественную силу, последняя оказалась бесправной, не имеющей своего представительного органа, в результате чего она и попала в подчинение различным ведомствам. Так, потребительская кооперация оказалась в ведении Министерства внутренних дел, сельскохозяйственная — Министерства землеустройства и земледелия. Отсутствие общего

кооперативного закона, который определил бы положение и деятельность всех видов кооперации, самым неблагоприятным образом сказывалось на работе кооперативов, которая регулировалась различными правительственными и ведомственными распоряжениями и предписаниями. Все они были направлены на ограничение самоуправления и свободного развития кооперативных организаций и в то же время представляли реальные возможности властным структурам для вмешательства в их внутренние дела.

Политические перемены в стране после победы Февральской революции привели к принятию общероссийского закона о кооперации, так как, Временное правительство, учитывая огромное значение кооперации для организации, расстроенной политической и хозяйственной жизни страны, решило утвердить проект кооперативного закона в редакции Государственной думы. Временное правительство приняло предложенное кооператорами закон от 20 марта 1917 г. «Положение о кооперативных товариществах и их союзах», а вслед за этим — 21 июня — «Положение о регистрации товариществ, обществ и союзов» и, наконец, 1 августа — «Положение о съездах представителей кооперативных учреждений» [1].

Деятели кооперации сыграли немалую роль в развитии событий, происходивших в 1917 г. Примечательно то, что многие представители кооперации вошли в состав Временного правительства. Работники Всероссийского центрального союза потребительских обществ — Центросоюза (до 1917 г. — МСПО) П. Н. Колокольников и А. Н. Никитин стали: первый — министром труда, второй — министром почт и телеграфа, В. Н. Зельгейм занял пост товарища министра земледелия, а Председатель созданного в марте 1917 г. совета Всероссийских кооперативных съездов С. Н. Прокопович возглавил Министерство продовольствия, которое сформировал почти полностью из кооператоров [2, с. 127]. Наряду с этим, многие кооператоры были введены в составы важнейших государственных учреждений: в комиссию по созыву Учредительного собрания, в земельный, продовольственный, финансовый и другие комитеты. При их активном участии были образованы и общественные организации, призванные способствовать разработке экономических реформ. Одной из таковых являлась, к примеру, Лига аграрных реформ. Словом, кооперация в марте — октябре 1917 г. стала проводником экономической политики Временного правительства. Этой ее роли соответствовал и экономический потенциал органов «самопомощи». В 1917 г. число кредитных, ссудо-сберегательных, сельскохозяйственных потребительских обществ и товариществ достигло 46 тыс., в которых объединилось до 18 млн. чел. Торговые обороты одной сельскохозяйственной (в том числе маслodelьной) кооперации достигли в тот год 1 млрд. золотых рублей. По численности кооперативов, темпам их роста Россия, по праву, занимала первое место в мире. Но этого было еще недостаточно для страны с необозримыми просторами. По данным секретаря Московского комитета о сельских товариществах В. А. Кильчевского, только в Европейской России требовалось создать 275 тыс. рационально действующих кооперативов. Однако времени на это, как покажут дальнейшие события в стране, история не отпустила [3, с. 37].

Временное правительство сделало ставку на кооперацию как на самую массовую общественную организацию. Одним из первых его законодательных актов было принятое 20 марта 1917 г. «Положение о кооперативных товариществах и союзах» [1]. Главным достоинством данного кооперативного закона было введение взамен разрешительной явочной системы открытия кооперативов всех видов. Закон закреплял лучшие традиции кооперативного движения в России. В нем провозглашалось, что кооперативные товарищества призваны содействовать не только материальному, но и духовному благополучию своих членов.

Так, кооперация в России получила после февраля 1917 г. не только экономическое, но и юридическое признание. Новый закон совершенно устранил действовавшую до сих пор разрешительную систему. После вступления закона в силу каждое кооперативное товарищество могло свободно «возникнуть», выработать для себя устав,

соответствующий местным потребностям и нуждам. Он представлялся в окружной суд только для записи (регистрации) в книгах особого (регистрационного) отделения суда и опубликования записи в официальных изданиях. Суд рассматривал устав только с формальной стороны, т.е. решал вопрос о том, соответствует ли он закону или нет. Если в уставе соблюдались все требования «Положения о кооперативных товариществах и их союзах» и если он не противоречил другим действующим законам, то суд был обязан зарегистрировать устав, для чего ему давался срок не более одного месяца. Со дня регистрации новое товарищество признавалось существующим и приобретало права юридического лица, т.е. получало возможность начать свою деятельность.

Новый закон разрешал товариществам вступать в союзы и образовывать новые, причем в состав союза могли входить как однородные, так и разнородные товарищества, например, кредитные, сельскохозяйственные и потребительские. По закону образование союза происходило по тому же порядку, что и товарищество, т.е. следовало составить устав, соответствовавший требованиям закона, и предоставить его на регистрацию в окружной суд.

Товарищества и союзы, возникшие ранее опубликования нового закона, обязаны были преобразоваться, в соответствии с законом в течение двух лет со дня его опубликования, следовательно, не позднее марта 1919 г.

Закон устранял все административные препятствия для созыва кооперативных съездов, как местных, так и региональных. В марте 1917 г. состоялся первый независимый Всероссийский съезд представителей кооперативных союзов, который образовал Совет Всероссийских кооперативных съездов. В его задачи входило представительство интересов и нужд кооперации перед правительственными и иными учреждениями, а также помощь низовым кооперативным организациям в деле правильного устройства их внутренней жизни.

В связи с этими переменах устранялась и финансовая опека Управления по делам мелкого кредита, которое позднее было ликвидировано. Кредитование кооперативов взял на себя Московский народный банк.

Положение и дополнения к нему (от 21 июня «О регистрации товариществ, обществ и союзов» и от 1 августа «О съездах представителей кооперативных учреждений») [1] впервые наиболее полно определили правовой статус кооперации. Эти акты упорядочивали ее организационную структуру и значительно расширяли рамки деятельности на основе самоуправления и инициативы.

Союзы, перешедшие на уставы и зарегистрированные согласно кооперативному закону в окружных судах, обязаны были прислать сведения, когда и в каком суде их уставы зарегистрированы.

Наконец, инструкторский отдел просил прислать все материалы, характеризующие деятельность неторговых отделов союзов: формы отчетности, бланки, таблицы. Эти материалы, подчеркивал он, будут систематизированы и про-

работаны секретариатом для соответствующих секции Неторгового съезда 18 декабря 1917 г. В силу, этого запрашиваемые материалы отдел просил прислать не позднее 15 декабря 1917 г. Препроводил отдел на места и формы статистической отчетности работы инструкторов и формы отчетности Центросоюза. Запрашивая все необходимое, инструкторский отдел пояснял, что выполнение просьбы «местными учреждениями дало бы возможность свести результаты инструкторской работы во всесибирском масштабе» [4, л. 65].

Закон о кооперации способствовал и свободному развитию кооперации и консолидации кооперативных сил. Уже 25-28 марта (7-10 апреля) 1917 г. состоялся Всероссийский съезд кооперации, на котором кооперация «в полный голос» заявила о себе как о «могучей демократической организации народа». Более того, съезд принял положение «О Совете кооперативных съездов» как идейном и координационном центре кооперации. В его состав было избрано 32 человека, в том числе такие крупнейшие теоретики и практики кооперативного движения, как В. И. Анисимов, С. Н. Прокопович, В. В. Хижняков, В. В. Железнов, Н. А. Каблуков, М. Д. Шишкин, В. А. Кильчевский, А. В. Меркулов, А. В. Чайнов, С. Л. Маслов, а также представители от районных и отраслевых кооперативных центров и других организаций. Председателем Совета Всероссийских кооперативных съездов был избран С. Н. Прокопович. Наряду с решением вопросов «чисто» кооперативного характера, съезд принял решение о содействии образованию Советов крестьянских депутатов и об оказании им поддержки всеми доступными средствами. «В целях политического просвещения народных масс и пропаганды демократических и кооперативных идей», кооператоры развернули широкую издательскую деятельность. Но вершиной успехов кооперации на политическом поприще, несомненно, было ее привлечение к работе Всероссийского демократического совещания. Готовясь к нему, кооператоры подтвердили в ряде публичных выступлений незаменимость своих позиций. В частности, государственная власть мыслилась ими не иначе, как «твердой, единой, целостной и надпартийной». Декларируя свои принципы, кооператоры, по-прежнему, проповедовали всеобщий мир и сотрудничество. «Противоположению буржуазии и трудовой демократии, — заявляли они, — не должно быть места, классовый голос должен замереть и уступить место голосу национальному» [5, с. 67]. Понимая, что сохранение единства требует взаимных уступок, они убеждали своих оппонентов в необходимости привлечения частного торгового аппарата к продовольственному делу. Однако самостоятельно кооператоры не выступили на совещании, они просто присоединились к декларации демократического блока.

Позиция кооперации, направленная на объединение всех демократических сил, предопределила и ее отношение к составу правительства: ее представители высказались за коалиционное правительство, полагая, что в сложившихся условиях в России не может утвердиться социалистический строй.

Состоявшийся 11 сентября 1917 г. кооперативный съезд одобрил избранный кооперативными лидерами политический курс. Эту позицию кооператоры подтвердили и на Всероссийском демократическом совещании, состоявшемся в сентябре 1917 г. «Без коалиции, без общих дружных усилий нет возможности спасти Родину», — считали делегаты. Подчеркивалось и то, что власть должна быть свободна от партий и организаций и ответственна перед всем народом. Существование иной вооруженной силы, кроме армии, признавалось излишним и недопустимым. На состоявшемся 19 сентября совещании голосование по вопросу о характере правительства проходило по куриям. 23 представителя прокооперативной группы голосовали против коалиции, а 140 — «за» [5, с. 71].

Совещание образовало и предпарламент — Временный совет республики, которому было поручено создание нового правительства. Организации, представленные на совещании, имели право делегировать в совет 15% от общего числа своих делегатов. Кооперация получила 18 мест. Кооперативная группа совета была избрана в составе 18 членов и 9 кандидатов. Кооперацию, которая, как говорилось в отчете кооперативной группы предпарламента, «выступала как массовая демократическая организация, связанная тысячами крепчайших нитей с самыми низами населения...», в совете ее представляли Н. В. Чайковский, А. М. Беркенгейм, А. В. Меркулов, Е. Д. Кускова, Е. Д. Максимов, В. И. Анисимов и А. В. Чайнов. «Кооператоры, — говорилось в отчете кооперативной группы, — стремились создать в совете большинство, некий центр, где были бы объединены все группы и партии совета, за исключением его крайне левого крыла из так называемых левых социал-революционеров и меньшевиков-интернационалистов, с одной стороны, и правых элементов — с другой». Они были горды своим положением и представляли себя «самым трезвым и дельным» отрядом демократии, ее ядром. «Это центральное положение кооперации, — говорилось в том же отчете, — дало ей право и возложило на нее обязанность выступать в качестве некоей «третьей силы», объединяющей под знаменем демократической государственности все последовательно-оборонческие и антибольшевистские группы Совета Республики» [5, с. 71].

Оставаясь во власти этой иллюзии, порожденной сравнительными успехами кооператоров в работе предпарламента, лидеры кооперации предприняли следующий шаг. Претендуя на роль надклассовой третьей силы, они выступили на выборах в Учредительное собрание с самостоятельной политической платформой и самостоятельным списком.

Вопрос о выборах обсуждался на Чрезвычайном кооперативном съезде в Москве 4–6 октября 1917 г. Часть кооператоров высказались против составления самостоятельных списков, однако большинством голосов — 81, против — 17, при 7 воздержавшихся было решено «выступать самостоятельно там, где невозможно образование блоков с социалистическими партиями, состоящими на государственной точке зрения» [5, с. 71]. Далеко не все кооперативные организации одобрили

этот шаг. Против решения съезда выступили представители Московского союза кредитных и ссудо-сберегательных товариществ, представители некоторых кооперативов. Это обстоятельство, похоже, отразилось на исходе выборов: они для кооперации оказались неудачными.

Идя на поддержку новой власти, кооператоры ревностно охраняли свои принципы независимости и самостоятельности даже от демократического государства. В действительности же происходило дальнейшее сближение двух начал: государственно-административного и общественно-кооперативного. После Февраля эти начала стали тесно переплетаться. Кооперация стала широко финансироваться государством, кооператоры же, в свою очередь, добивались введения своего представительства в учетно-ссудный комитет при Государственном банке [6, с. 109]. Правительство также отдало кооперации «полное снабжение» населения, в частности, потребительская кооперация превратилась в главного агента государства в деле заготовки и распределения предметов первой необходимости.

Кооперация Западной Сибири также приветствовала Февральскую революцию и безоговорочно поддержала Временное правительство [7, л. 5]. Руководство кооперативов пыталось установить контакты с организациями крестьянства и новой местной администрацией для дальнейшего развития сельскохозяйственного производства.

Благодаря этому, кооперации Западной Сибири удалось в 1917 г. монополизировать заготовку масла, мяса и другой сельскохозяйственной продукции. Совещание представителей сибирских союзов кредитных кооперативов (18-19 июля 1917 г.) поставило вопрос о предоставлении кооперации права на монопольную заготовку хлеба, согласившись вести эту работу в контакте и под контролем продовольственных органов правительства [8, л. 54]. Местные власти приветствовали действия кооперации. О масштабах работы по заготовке хлеба можно судить, на наш взгляд, по таким данным: только Алтайский кредитный союз заготовил за декабрь 1917 г. 881 тыс. пудов зерна на общую сумму 4,3 млн. руб. [9, л. 15].

Немало сделала сибирская кооперация в 1917 г. и для организации сельскохозяйственного производства. Несмотря на неблагоприятные условия, связанные с войной, она продолжала снабжать крестьян современными сельскохозяйственными машинами и орудиями. Кооперативы организовывали прокатные пункты, кузнечно-слесарные мастерские. Так, в Омском уезде при кредитных товариществах действовало летом 1917 г. 39 пунктов проката различной сельскохозяйственной техники и 41 мастерская по ремонту машин [10, л. 72, 74-75].

Кооперативы до революции рассматривали себя политически нейтральными организациями. Политизация жизни в условиях революции заставила их выдвинуть политические лозунги и заявить о переходе к политической деятельности. Сибирская кооперация оказалась в политическом отношении значительно правее общероссийской. Она не приняла, в отличие от последней, лозунга со-

циализма и кооперативно-объединенного труда. На общесибирском съезде кооперативных объединений (ноябрь 1917 г.) сибирской кооперацией были подтверждены требования созыва Учредительного собрания, создания демократической республики и местного самоуправления [11, л. 11].

Сибирские кооператоры и после Февраля пытались существовать вне политических партий, положив в основу своей деятельности принцип «партийной беспристрастности» [12, с. 145], однако на деле по основным вопросам революции они часто оказывались в одном лагере с меньшевиками и эсерами. Активно работали в кооперации кадеты. Целенаправленно боролись за кооперативы и большевики. Некоторые из них, например М. К. Цаплин — видный деятель алтайских большевиков, входили в правление крупнейших кооперативных союзов Сибири. Деятельность представителей различных партий в кооперативах, конечно же, не могла не оказывать своего влияния на политическую позицию кооперации. Кооперативы Западной Сибири приняли достаточно активное участие и в подготовительной работе по выборам в Учредительное собрание, и в организации местного самоуправления. Они помогали крестьянам создавать свои союзы и Советы, оказывали самое активное содействие работе продовольственных комитетов, способствовали разрешению ряда аграрных конфликтов и т.д. Сибирская кооперация, как уже упоминалось выше, последовательно поддерживала политику Временного правительства, направленную на укрепление в центре и на местах твердой власти, правда, подчеркивая при этом, что она должна опираться на все слои населения и быть ответственной перед Учредительным собранием [13, с. 101].

Довольно своеобразной была позиция сибирской кооперации в вопросе о войне. В наказах кооперативным съездам звучал призыв активно оборонять Отечество, выдвигалось требование продолжать войну до тех пор, пока не будут приняты условия заключения мира без аннексий и контрибуций [14, с. 9]. Политическое кредо сибирских кооперативов окончательно оформилось, по нашему мнению, только к осени 1917 г. Наиболее полно его отразила декларация, выработанная руководством сибирской кредитной кооперации в ходе подготовки к выборам в Учредительное собрание. В ней, в частности, отмечалось, что бессилие старой власти предопределялось ее партийностью. Именно партийная политика, по мнению кооператоров, мешала объединению всех «живых сил» и образованию общенациональной коалиции. Руководство сибирской кредитной кооперации заявило, что «очередной задачей момента является формирование общенационального единства». И первым шагом к этому должно стать создание такого правительства, которое объединяло бы все классы и слои общества. По мнению руководства кооперации, такое правительство не могло быть партийным, т.е. оно должно было стоять вне партийной политики [12, с. 153]. В этой ситуации, гласила декларация, кооперативы же не только не должны уклоняться от политической деятельности, а наоборот, обязаны принимать «возможное» участие в организации

правительственной власти. В практической же деятельности (по основным вопросам революции) кооператоры, как уже отмечалось, декларируя независимую политику, все чаще оказывались на позициях эсеров-меньшевистских лидеров.

В переходный период развития сибирского общества кооперативы оказывали влияние не только на экономические процессы в деревне, но и на эволюцию общественно-политических отношений в ней. Демократический период революции был поистине «золотым веком» сибирской кооперации, позволившим ей укрепить не только экономические, но и политические позиции. Но эта «идиллия» продолжалась только до октября 1917 г. Свершившаяся тогда революция была, как известно, отвергнута российской кооперацией. В выпущенном 8 ноября обращении «К кооператорам России» Совет Всероссийских кооперативных съездов резко осудил ее и потребовал от большевиков немедленного освобождения Временного правительства, восстановления «законной правительственной власти» и созыва Учредительного собрания. Подобные воззвания выпускались и другим кооперативными организациями. В воззвании кооперативной группы Временного Совета Республики революция объявлялась совершенной «против воли

и за спиной народа», опиравшейся на «силу штыков темных рабочих и матросских сил» [5, с. 74].

Внимание Временного правительства к кооперации было обусловлено тем, что она продолжала оставаться самой кредитоспособной, владеющей значительными запасами товаров первой необходимости и хлеба организацией. В период, когда нарушились многие экономические связи, значительно сократился объем торгово-ростовщических операций, был ликвидирован ряд посреднических организаций, таких как Переселенческое управление, кооперативы сразу же превратились в универсальные органы регулирования хозяйственной жизни деревни. В силу этого кооперация в России получила не только экономическое, но и юридическое признание. Новый закон устранил действовавшую до сих пор разрешительную систему. Он дал товариществам возможность вступать в союзы и образовывать новые, причем в состав их могли входить как однородные, так и разнородные товарищества. Вместе с тем в законе получили преимущество отражение опыт и интересы лишь одного вида кооперации — потребительской, которая была ведущей в стране, а особенности других видов были учтены явно недостаточно.

Библиографический список

1. Сборник Постановлений Временного правительства по кооперации. — М., 1917. — 29 с.
2. Хижняков, В. История и организация Совета Всероссийских кооперативных съездов — М., 1919; Хейсин, М.Л. Исторический очерк кооперации в России — Л., 1926.
3. Давыдов, А.Ю. Свободная кооперация в России (до октября 1917 года) / Вопросы истории. — 1996. — №1. — С. 24-41.
4. Исторический архив Омской области (ГУ «ИсА»). — Ф. 151. — Оп. 1. — Д. 58.
5. Кабанов, В.В. Кооперация. Революция. Социализм. — М., 1976.
6. Лубков, А.В. Кооперация в годы войны и революции — М., 1998.
7. ГУ «ИсА». — Ф. 151. — Оп.1. — Д. 12. — Л. 11; Д. 14.
8. ГАКО. — Ф. 296. — Оп. 1. — Д. 1.
9. ГАНО. — Ф.Р. 31. — Оп.1. — Д. 245. — Л. 15.
10. ГУ «ИсА». — Ф. 19. — Оп. 1. — Д. 57.
11. ГАНО. — Ф. 5. — Оп. 3. — Д. 98.
12. Иванов, Б.В. Сибирская кооперация в период Октябрьской революции и гражданской войны — Томск, 1976.
13. ГАНО. — Ф. 31. — Оп. 1. — Д. 34.
14. Сибирская кооперация. — 1918. — № 1. — С. 9.

Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск
Получено 13.05.2013

Е. М. Chedurova

THE PROVISIONAL GOVERNMENT AND THE COOPERATIVE MOVEMENT IN RUSSIA

This article shows the relationship between the Interim government to the cooperative movement in the country. The interim government has made a bet on co-operation both on the largest non-government organization. As a result of its recognition of cooperatives immediately become universal regulators of economic life of the village and have received both economic and legal recognition.

cooperation, cooperative law, the Provisional government, partnership, agrarian reform, the cooperative movement, market relations

УДК 94(47).083.084.1-3,5

А. П. Шекшеев

ЗАЛОЖНИЧЕСТВО КАК МЕТОД БОРЬБЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ С КРЕСТЬЯНСКИМ ПОВСТАНЧЕСТВОМ НА ЮГЕ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ В 1922 Г.

В данном сообщении освещается использование коммунистическим режимом системы заложничества в качестве одной из мер, предпринятых его органами в 1922 г. против широко распространившегося "политического бандитизма" или крестьянского повстанчества на юге Приенисейской Сибири.

Автором показаны инициаторы, исполнители и жертвы этого явления, выявлены его масштабы и значение для завершения вооруженного противоборства.

**бандиты, заложники, инородцы, коммунисты, крестьяне, расстрелы, чиновцы,
чрезвычайная тройка**

Взятие людей в качестве заложников и умерщвление их в отместку за чье-то поведение, согласно действующим нормам международного права и вне зависимости от мотивов совершения, всегда определялось как тягчайшее преступление. Будучи одним из наиболее архаичных социальных институтов, заложничество возродилось и стало широко практиковаться противоборствующими сторонами во время Гражданской войны.

Возникновение этого слабо изученного наукой [1] явления историк-эмигрант С. П. Мельгунов совершенно справедливо связывал с объявленной большевиками в сентябре 1918 г. политикой «красного террора» [2, с. 20-32]. Заложничество использовали и антибольшевистские власти, которые за беспорядки, устраиваемые партизанами на Транссибирской железнодорожной магистрали, расстреливали видных советских деятелей, заключенных в Красноярской тюрьме. Затем потенциальные возможности института заложничества были оценены по достоинству сибирскими большевиками. На состоявшейся нелегально 20-21 марта 1919 г. в г. Омске II Всесибирской конференции РКП(б) среди прочего было принято следующее решение: «Ввиду жестокого разгула белого террора по всей Сибири [...] обратиться в Советскую Россию с требованием — усилить красный террор, с требованием массового уничтожения белых заложников, ибо только красный террор может приостановить систематическое истребление наших товарищей».

После восстановления Советской власти в Сибири вопрос о заложничестве был поднят в связи с началом многочисленных крестьянских восстаний. Уже 16 июня 1920 г. командование Западно-Сибирского сектора ВОХР в своей инструкции уездным тройкам по борьбе с дезертирством и бандитизмом приказывало «с целью воздействия на население, укрывающее дезертиров и бандитов и способствующее им», применить «конфискацию имущества, наложение контрибуции, взятие заложников и назначение на принудительные работы». Крайняя и повсеместная жестокость местных властей в отношении повстанцев была следствием соответствующих установок центра. Приказ № 171 от 11 июня 1921 г. особой Полномочной комиссии ВЦИК, созданной решением Политбюро ЦК РКП(б), санкционировал расстрел заложников из населения на территориях Тамбовской губернии, охваченных повстанчеством. В соответствии с этим решением Политбюро в массовом порядке уничтожались заложники и в других регионах [3].

Впервые факты применения Советской властью заложничества на Енисее обнародовал писатель В. А. Солоухин, использовавший предоставленные ему консультантом — научным сотрудником Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории документы тогдашнего Ачинского филиала Государ-

ственного архива Красноярского края [4, с. 164]. В научный оборот сведения о заложничестве были, по свидетельству историков, введены исследователем А. П. Шекшеевым [5, с. 240], а широко показаны и проанализированы новосибирскими учеными А. И. Савиным и А. Г. Тепляковым [6]. С выводами данных авторов можно легко согласиться, за исключением одного: расправы над заложниками не были, как считают они, частью красного бандитизма, который, как известно, практиковался сторонниками и представителями Советской власти по собственной инициативе. Новое обращение к этой теме, вызывающей к тому же согласно политическим мотивам жгучий интерес у современной общественности [7], позволяет не только показать инициаторов данного явления, но и, используя как ранее опубликованные, так и еще неизвестные науке сведения, осветить его с большей основательностью.

Летом 1921 г. крестьянское повстанчество на территории Енисейской губернии значительно расширилось. Несмотря на переговоры, начатые губернской комиссией, и переход к мирной жизни некоторых инородцев, Советская власть все более склонялась к ликвидации повстанчества силовыми методами. Приказом командующего 5-й армии и Восточно-Сибирского военного округа И. П. Уборевича от 22 сентября 1921 г. было указано воинским силам, милиции и чека до 15 октября того же года уничтожить «бандитов». 27 и 29 сентября этот документ был продублирован приказами Енисейского губернского исполкома, командующего вооруженными силами губернии и Минусинского уездного исполкома.

В том же месяце для военного, советского и чекистского руководства Иркутской, Енисейской и Якутской губерний была разработана специальная инструкция № 109537, которая гласила о том, что искоренение «бандитизма», являясь военно-политической кампанией, должно осуществляться мерами военного, чекистского характера, посредством укрепления советского аппарата и заканчиваться не рассеиванием, а безусловным уничтожением «банд». В районе, объявленном губернским исполкомом и командованием на военном положении, ставился гарнизон, при котором назначался с целью внедрения агентов во все «банды», организации разведывательной работы и регистрации ненадежных и опасных элементов специальный уполномоченный губернской чеки или особист. Для общего руководства операциями в уездах создавались Военно-политические совещания, а при них для выполнения карательной работы — сессии Военно-революционного трибунала (ВРТ). Населению выдвигался ультиматум, согласно которому оно под угрозой заложничества, смертной казни и конфискации имущества обязывалось выдавать «бандитов». «Из семей бандитов брать заложников, а имущество... конфисковать и распределять между бедняками — семь-

ями красноармейцев, — требовалось в этом документе. — Это внесет расслоение и на это может опереться Советская власть...». Добровольно сдавшемуся и выдавшему своих главарей противнику обещалось сохранение жизни. Советские служащие, коммунисты и милиционеры за бездействие привлекались к строгой ответственности. Инstrukция заканчивалась бескомпромиссным пожеланием («Никогда не делать не выполнимых угроз, а раз сделанные — неуклонно до жестокости проводить до конца в жизнь») и выводом в духе того времени («Проведение успокоения создает сразу много сторонников Советской власти, так как бандитизм и утомителен и разорителен для крестьянской массы») [8, л. 491; л. 190; л. 2-4].

Состоявшееся 8 октября 1921 г. Военно-политическое совещание при Минусинском уездном исполкоме постановило принять инструкцию к непосредственному исполнению и установить гарнизоны в селениях Новоселово, Соленоозерной, Усть-Ербе и Синявино [9, л. 6].

Однако выполнение данного приказа и инструкции сначала оказалось не реальным. Гарнизоны, несущие в основном охранительную функцию, в ликвидации повстанчества были бесполезными. Вследствие того, что при формировании инородческих «банд» соблюдался принцип семейственности и в них находилось до 40 семей, родственников «бандитов» среди лиц, замеченных в укрывательстве, не наблюдалось [10, л. 147]. К тому же, власти еще не решались перейти к суровому наказанию пособников. Так, к примеру, 22 октября 1921 г. административная тройка губернской чека осудила 42 родственников «бандитов» и лиц, связанных с ними, только на принудительные работы [11, л. 151].

В дальнейшем войсковые части, не справляясь с повстанчеством и считая хакасское население его сторонником и укрывателем, с особой жестокостью относились к нему, повсеместно учиняя порки, избиения и даже убийства. Все чаще в практику входило взятие в заложники членов семей повстанческих вожakov не только в Ачинско-Минусинском районе. Так, Красноярский уездный исполком 10 марта 1922 г. объявил, что «бандитам» предоставляются две недели для сдачи, затем они будут «караться со всей строгостью революционного закона, члены семей скрывающихся и также уличенные в сношении с ними и укрывательстве будут арестовываться и имущество конфисковываться». Но в целом командный состав воинских частей, партийно-советские органы не учитывали всей важности и значения заложничества, т. к. имели место случаи, когда заложников отпускали под расписку, после чего они скрывались [12, л. 42].

Обеспокоенное расширением масштабов повстанчества, сибирское партийное руководство обязало Реввоенсовет 5-й армии покончить с «бандитизмом» в Енисейской губернии к октябрю 1922 г. Но решить эту задачу, используя только воинские части, командование из-за их недостаточности, было не в состоянии [13, л. 25]. Требовались иные меры реагирования на данную угрозу Советской власти. Для того, чтобы их выработать, в Красноярске стало действовать губернское

Военно-политическое совещание. На состоявшемся 6 мая 1922 г. заседании этого органа участники заслушали доклад военного командования. В нём и в выступлениях присутствующих прозвучала серьезная озабоченность не только по поводу активности «банд» и, напротив, распыленности правительственных сил. Констатировалось, что повстанчество поддерживается со стороны населения и даже сельсоветов и воинских частей. В качестве примера сообщалось, что некий командир отряда Александров игнорировал указание уполномоченного ГПУ выступить против «банды», а затем перешёл на её сторону. Совещание приняло постановление об усилении частей особого назначения (ЧОН) конницей, укреплении связей его командования с ГПУ, а также о вводе ответственности населения за «бандитизм», в частности путем организации системы заложничества [14, л. 55-56].

20 июня 1922 г. состоялось экстренное Военно-политическое совещание Енисейской губернии. В соответствии с полученной директивой командующего 5-й армии и Восточно-Сибирского военного округа о расстрелах заложников оно утвердило инструкцию выездным сессиям революционно-военного трибунала (РВТ) по проведению карательных мер среди населения южных местностей региона и создало Чрезвычайную тройку из представителей губернского РТ, политотдела 26-й стрелковой дивизии и ГПУ в составе Муравина, Кузнецова и Городецкого.

Инструкция гласила: «Немедленно в районах, зараженных бандитизмом, взять на учёт членов семей бандитов, всех подозреваемых в ... укрывательстве. Из них объявить и взять необходимое количество заложников. Выездные сессии обязаны следить за ... действиями чрезвычайных троек в отношении производства расстрелов заложников. Одновременно со взятием заложников и выпуском объявления должна вестись быстрая следственная кампания по выяснению степени виновности в соучастии к бандитизму лиц, стоящих на учёте. Затем виновным предъявляется обвинение, проводится гласный суд с защитой и обвинением, выносятся приговоры. При разборе дела строго руководствоваться классовым положением обвиняемого. Разбирательство дела приурочить к тем районам, где действует банда, с которой обвиняемый имел связь. В селах, где подозревается наличие скрытого оружия или награбленное имущество, производить облавы и обыски. Конфискацию имущества производить по постановлению сессии РВТ через посредство соворганов, а конфискованное сдавать уездным исполкомам. Добровольно явившихся направлять во 2-й отдел РВТ 5-й армии. Через каждые 7 дней присылать информационную сводку о настроении населения, предпринимаемых мерах, числе заложников, числе разобранных дел в адрес председателя РВТ 2-го отдела 5-й армии и ВСВО».

На следующий день президиум Енисейского губернского комитета РКП(б), заслушав командующего ЧОН губернии о положении в названном районе, разрешил его отрядам, действующим против «банд», применить систему заложничества, о

чем запросил санкцию Сиббюро ЦК РКП(б) и Реввоенсовета войск Сибири. Он утвердил постановление Военно-политического совещания и пересмотрел состав Чрезвычайной тройки по борьбе с бандитизмом в Ачинско-Минусинском районе [15, л. 81-83].

По другим данным, Чрезвычайная тройка была создана с целью добиться перелома в борьбе с повстанцами постановлением президиума Енисейского губернского комитета РКП(б) от 5 июля того же года на его закрытом заседании. Членами этой комиссии или тройки, назначенной под председательством члена губернского комитета РКП(б) А. Червякова, являлись уполномоченный губернского отдела ГПУ Тетерюков, вскоре замененный Городыским (или Городецким — ?), представитель политотдела 26-й дивизии И. Кузнецов, а секретарем — Н. Черемных.

Согласно инструкции, выработанной президиумом губернского политического совещания в составе председателя губисполкома Л. Е. Гольдича, командующего вооруженными силами губернии начдива Косича, начальника губернского отдела ГПУ Х. П. Щербака (или Щербока — ?) и командующего ЧОН губернии В. Н. Какоулина, данная тройка в целях проведения карательных мер должна была, пользуясь документами ГПУ и силой воинских отрядов, брать заложников. Из них она за каждого убитого сторонника Советской власти обязывалась расстреливать не менее пяти человек и информировать об этом население. Для выполнения решений тройки был выделен специальный отряд численностью в 15 красноармейцев [16, л. 42].

Волостным и сельским советам под личную ответственность председателей Ачинским уездным исполкомом, командующим вооруженными силами Ачинско-Минусинского боевого района, начальниками уездных управлений ГПУ и милиции был отдан приказ сообщать в воинские части о появлении на их территории «бандитов», содействовать их аресту. Этим же приказом вводилась круговая порука: за укрывательство повстанцев отвечал руководитель соответствующего советского органа, а за убийство представителя Советской власти — граждане села [17, л. 32].

10 июля 1922 г. командование губернского ЧОНа приказало начальникам гарнизонов в контакте с местными коммунистами, советскими работниками и агентами ГПУ провести аресты членов семей и родственников «бандитов» [18, л. 14]. В результате на 1 сентября при гарнизонах в с. Балахта, Шарыпово, Ужур и Чебаки, станице Соленоозерная и на руднике «Юлия» были сосредоточены и опрошены 256 человек. Из них 123 человека были освобождены «за недоказанность и отсутствия на них материалов», а остальные 133 — объявлены заложниками и «по степени причастности» разбиты на три группы. К 1-й группе были отнесены 63, ко 2-й — 15 и к 3-й — 55 человек. Согласно другим данным или в связи с дальнейшими арестами, численность заложников составляла или увеличилась до 367 человек. Среди них находились семьи повстанческих командиров Друголя, Кулакова, Родионова, Чарочкина, Баскаулова и др. [19, л. 117; с. 230, 240]

Объехав районы, откуда были собраны заложники, члены Чрезвычайной тройки остановились в Ужуре, сделав его местом своей постоянной дислокации. Они установили, что воинские части, волисполкомы и коммунистические ячейки самостоятельно производили аресты населения, склонного к повстанчеству, и частичную конфискацию его имущества. Поэтому в своем первом приказе от 28 августа 1922 г. тройка указала, что «проведение карательной политики в отношении лиц, причастных к бандитизму и родственников бандитов — полностью и целиком принадлежит только тройке», а аресты их и конфискации имущества должны осуществляться лишь согласно её решениям [20, л. 72].

Деятельность Чрезвычайной тройки началась в обстановке всеобщей подозрительности. Местные органы власти являлись, по мнению её членов, пособниками «бандитов» или «подозрительными» лицами, а работа по линии ГПУ часто отсутствовала. К тому же, реформирование ЧОН затрудняло подачу сведений о положении на местах. Только с приездом Какоулина, назначенного командующим частями Ачинско-Минусинского боевого района, и нового чекистского уполномоченного деятельность тройки, судя по её отчетности, наладилась и стала приобретать систематический характер. Сразу же она довела до сведения населения объявление за подписью Какоулина и Червякова о том, что за вооруженное нападение с целью грабежа из числа заложников будут расстреливаться по пять, а за каждого убитого комунара, красноармейца, советского работника и мирного крестьянина — по три человека. В этом же документе добровольно явившимся «бандитам» гарантировалась жизнь [21, л. 114].

С июля по 20 октября 1922 г. Чрезвычайная тройка провела 32 закрытых заседания и вынесла семь постановлений о смертной казни заложников. Так, 6 августа её члены, заслушав информацию о вооруженном нападении «банды» И. Н. Соловьева (скорее Н. В. Кулакова — А.Ш.) на улус Средний Туим и убийстве при этом красноармейца, постановили на основании «совершенной секретной инструкции», выданной тройке, расстрелять на руднике «Юлия» трех заложников 1-й группы, изъятых из той местности, откуда было произведено нападение, а именно — Торобовых (или Тобровых) Евдокию (24 года), Дарью (или Марию, 17 лет) и Аешину Александру (26 лет). По случаю нападения 5 или 17 августа «банды» Кулакова на д. Малый Сютик, разграбления продовольствия и имущества, принадлежавшего правлению Ачинско-Минусинской железной дороги, тройка, заседавшая 19 августа, постановила расстрелять пятерых заложников 1-й группы, содержавшихся в станице Форпост (или Соленоозерной — А.Ш.), — Балахчиных Ивана и Николая, Ульчигачева Якима, Рудакова Илью и Молокова Николая. В тот же день или по другим данным 22 августа за июльское вооруженное разграбление Мелецкого волисполкома «бандой» Самкова и убийство на ст. Ужур заместителя продовольственного комиссара Ачинского уезда Эхильвейда тройка приговорила к расстрелу еще

пятерых заложников — Байдунова Матвея (9 лет), Рыжаковых (или Рыжиковых) Алексея (или Александра) (10 лет) и Пелагею (13 лет), Другаль (или Фугель, правильнее — Друголь — А.Ш.) Феклу (15 лет) и Монакова Василия (20 лет).

На следующем заседании, состоявшемся 24 августа в с. Балахте, члены тройки, рассмотрев произведенное 15 августа вооруженное нападение «банды» Марьясова на села Ингаш и Петропавловское с убийством красноармейца и разграблением кооперативной лавки, постановили расстрелять заложников 1-й группы из селений Балахтинского района Абакумова Ивана, Чернякову (или Черткову) Феклу, Мосина Алексея, Козлова Михаила и Загайнова Прокопа. Вследствие того, что члены семьи Ф. Черняковой, выпущенные под подписку о невыезде, сбежали, тройка решила конфисковать их имущество, подключив к этой акции Курбатовский волисполком. И наконец, в приказе по ЧОНу от 22 сентября 1922 г. было объявлено о том, что Чрезвычайная тройка приговорила за произошедшее 9 сентября убийство «бандой» Кулакова коммунара, доставлявшего донесение, к расстрелу заложников И. Арефьева, А. Тайдонову и М. Киджекову, а по другим сведениям — Тайдокову Анну (18 лет), Кидиекову Марию (15 лет) и Кокову Т. (11 лет) [22, л. 52, 54-55, 173, 175; л. 117-124, 132; с.164]. Все лица, приговоренные к смертной казни, были расстреляны вечером в день вынесения приговора в присутствии членов тройки и комендантов соответствующих сел. Следовательно, в соответствии с сохранившимися документами, в августе-сентябре 1922 г. по постановлениям Чрезвычайной тройки были расстреляны более 20 заложников, в основном женщины и, вероятно, подростки, дети. Казнь заложников производилась в районе нахождения «банд». О произведенных расстрелах через воинские и советские органы тройка объявляла населению всего боевого участка. Как правило, сведения о расстрелянных, ограниченные по указанию командующего вооруженными силами Ачинско-Минусинского боевого района только фамилией, широко распространялись в приказах командования губернского ЧОНа.

Вероятно, расстрелянных заложников было гораздо больше. Тот же В. А. Солоухин опубликовал документы Ачинского государственного архива, в которых говорилось, что из 127 заложников, сосредоточенных в лагере с. Подкаменная, расстрелу подверглись 19 человек, в основном женщины и дети. В лагере с. Ужур из 160 заложников казнены были в первой группе 19, а во второй — 37 «инородок с детьми» [23, с. 155].

Оставшиеся и не рассмотренные дела после 20 октября 1922 г. были переданы выездной сессии 2-го отдела Революционно-военного трибунала Восточно-Сибирского военного округа по борьбе с бандитизмом и воинскими преступлениями. Она была создана губернским Военно-политическим совещанием 1 июля, прибыла в Ужур 10 июля 1922 г. и в основном разбирала уголовные дела военных. Но, кроме них, сессия заслушала четыре «бандитских» дела, приговорив всех обвиняемых к расстрелу. Однако приговор был приведен

в исполнение по отношению лишь к сыну священника В. Рудакову. Остальные приговоренные — неграмотные инородцы — по амнистии в честь 5-й годовщины Октября получили лишь пятилетнее заключение [24, л. 31].

Казнь заложников вызвала справедливый гнев в повстанческой среде. «Бандитский» вожак Родионов направил председателю тройки Червякову сообщение о том, что его «банда» отныне будет брать в заложники семьи красноармейцев и коммунистов. Эта записка заканчивалась угрозой, что если заложники к середине сентября не будут отпущены, то его отряд, ворвавшись в Ужур, освободит их, а Червякова «за неисполнение приказа» он повесит на березе. 15 сентября 1922 г. это послание было вручено Червякову.

Появившееся тогда же и подписанное "есаулом" Соловьевым воззвание «Ко всему населению» говорило о создавшейся ситуации следующее: «Советская власть вступила на новый путь борьбы с белой партизанщиной, стремясь запугать партизан в бессильной злобе. Власть хватает и расстреливает родственников партизан... Разве вообще допустимо, чтобы психически нормальному человеку пришла в голову мысль требовать ответа за действия взрослых — человека малолетнего... За сумасбродство и кровожадность родителей, мы не можем поднимать оружие против детей коммунистов, мы же будем направлять нашу борьбу против самих коммунистов, не только расстреливать их как своих политических врагов, но как врагов России, как врагов своего народа». В другом воззвании к Советской власти и воинским частям Соловьев возмущался «беззаконными действиями властей», которые выражались в переписи «партизанских» семей и расстрелах за убитого красноармейца и советского работника по два родственника «бандитов». Он предлагал в борьбе за власть не допускать кровопролития среди мирного населения, членов повстанческих и красноармейских семей и предупреждал, что за каждого «партизанского» родственника, которого власти расстреляют, повстанцы будут расстреливать семьи красноармейцев [25, с. 100-101; л. 52, 56; л. 73].

Расстрелы родственников повстанцев вызвали в «бандитской» среде и у населения настроения, похожие на панику. Отмечались факты попыток рядовых мятежников и некоторых вожakov явиться с повинной, а несколько человек решились на сдачу. Карательные мероприятия, по мнению членов тройки, лишили «банды» материальной помощи, укрывательства со стороны населения и даже родственников. Они заставили повстанцев менять дислокацию и переходить в новые для них районы.

Хотя с ликвидацией «банд» поле репрессивной деятельности уменьшилось, а на рассмотрении выездной сессии губернского ревтрибунала осталось всего восемь дел, Военно-политическое совещание и 11 и 23 ноября 1922 г. высказалось за усиление карательных мер. Участниками совещания от 23 ноября решили о передаче всех «бандитских» дел в губернский отдел ГПУ для совершения внесудебной расправы. В отношении лиц, обвиняемых в «бандитизме», чекистам было вновь

предоставлено право высшей меры наказания [26, л. 277, 331].

Будучи составной частью политики суровых мер, предпринятых губернскими властями против крестьянского повстанчества, деятельность Чрезвычайной тройки, говорилось в январском 1923 г. докладе нового командующего ЧОН Енисейской губернии П. М. Чукаева Енисейскому губернскому комитету РКП(б), «поставила грань между бандитами и мирным населением» [27, л. 79] и тем самым содействовала ликвидации этого явления.

Эффективность заложничества, применяемого местными властями, расценивалась партийно-советскими управленцами Сибири и чекистами настолько высоко, что они даже с переходом к НЭПу просили высшие органы Советской власти разрешить брать заложниками членов семей «активных бан-

дитов». Историки полагают, что «варварский институт заложничества» продолжал действовать в СССР фактически до 1926 г. [28, с. 139]

Таким образом, заложничество на юге Енисейской Сибири являлось элементом карательной деятельности не отдельных лиц, а местного руководства и определенных структур советского государства. Оно было составной частью его политики красного террора. Это явление здесь по численности жертв значительно уступало другим его проявлениям и, в частности красному бандитизму. Временные рамки применения заложничества не были широкими. Но оно, показав безжалостное лицо новой власти, оказало эмоциональное воздействие на повстанческую среду и, в конечном итоге, способствовало завершению вооруженного противостояния на Енисее.

Библиографический список

1. Об актуальности данной темы исследования свидетельствует наличие лишь единственного монографического издания: Черкасов А. А. Заложничество как средство воздействия на бело-зеленую оппозицию на Кубани и Черноморье в 1921—1922 гг. — Краснодар, 2004.
2. Мельгунов С. П. Красный террор в России. 1918—1923. — М., 1990.
3. Савин А., Тепляков А. Заложничество в политике большевиков в Сибири в начале 1920-х годов // Голоса Сибири: литературный альманах. — Кемерово, 2009. — С. 609-624 (текст), 1131-1135 (примечания). — [Http://www.rys-arhipelag.ucoz.ru](http://www.rys-arhipelag.ucoz.ru).
4. Солоухин В.А. Солонное озеро. — М., 1994.
5. Шекшеев А.П. Гражданская смута на Енисее: победители и побежденные. — Абакан, 2006.
6. Савин А., Тепляков А. Заложничество в политике большевиков ...
7. См., например: Расстрел, который придумал Солоухин. — [Http://www.nik191-1.ucoz.ru](http://www.nik191-1.ucoz.ru) Статьи..._soloukhin/7-1-0-3126.
8. Муниципальное учреждение "Архив г. Минусинска" (МУАГМ). Ф. 25. Оп. 1. Д. 12; Д. 35; Д. 153.
9. Там же. Д. 153.
10. Архивное агентство администрации Красноярского края (ААА КК). Ф. Р.-49. Оп. 2. с. Д. 10.
11. Там же.
12. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 302. Оп. 1. Д. 369.
13. Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края (ЦХИДНИ КК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 273.
14. ААА КК. Ф. Р.-49. Оп. 2 с. Д. 91.
15. ГАНО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 374.
16. Там же. Д. 369.
17. Там же.
18. Там же.
19. ААА КК. Ф. Р.-49. Оп. 2 с. Д. 23; Савин А., Тепляков А. Заложничество в политике большевиков... ; Шекшеев А.П. Гражданская смута на Енисее...
20. ЦХИДНИ КК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 480.
21. Савин А., Тепляков А. Заложничество в политике большевиков ...; ААА КК. Ф. Р.-49. Оп. 2 с. Д. 91.
22. ГАНО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 419; ААА КК. Ф. Р. — 49. Оп. 2 с. Д. 23; Д. 43; Солоухин В.А. Солонное озеро.
23. Солоухин В.А. Солонное озеро.
24. ГАНО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 369.
25. Солоухин В.А. Солонное озеро; ГАНО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 369; Д. 418.
26. ААА КК. Ф. Р.-49. Оп. 2 с. Д. 91.
27. ЦХИДНИ КК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 480.
28. Савин А., Тепляков А. Заложничество в политике большевиков ...; Плеханов А.М. ВЧК-ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921—1928. — М., 2006.

Республиканская организация «Мемориал» (Республика Хакассия)
Получено 17.04.2013

A. P. Shekshajv

TAKING HOSTAGES AS A METHOD OF SOVIET POWER STRUGGLE WITH PEASANT REBELLIONS YENISEI IN SOUTHERN SIBERIA 1922 YEAR

In this report, highlighting the use of the communist regime in the hostage-taking as a measure taken by its authorities in 1922, against the widespread "political banditry" or peasant rebellion in the south of the Yenisei Siberia. The author shows the initiators, the performers and the victims of this phenomenon revealed its scale and importance to the completion of an armed confrontation.

bandits, hostages, foreigners, communists, peasants, shootings, special forces, extreme threesome

РЕЦЕНЗИЯ

В последние десятилетия значительно активизировалось создание различных общественно-политических, научных изданий. Однако, редакции многих из них в концептуально-методологических построениях материала предпочитают выпускать такой, где присутствуют идеологемы социально-экономической отсталости России, отсутствие в ней гражданского общества, примата государственных, а в советское время — партийных интересов, волюнтаристски-застойных методах руководства в 60—70-е гг., «спасительной» либеральной модели развития.

Редакционная коллегия журнала «Мир Евразии» (доктор философских наук, профессор Ю.В. Табакаев, доктора исторических наук В. Г. Дацышен, Н. Ф. Иванцова, О. Лхагва, М. В. Шиловский, Э. М. Щагин и др.), руководимая доктором исторических наук, профессором, академиком РАН, Заслуженным деятелем науки Н. С. Модоровым — это опытные, известные в России и за рубежом ученые, работающие в отечественных и зарубежных вузах и НИИ. Во многом благодаря редакционному совету, научной редакционной коллегии, наконец, учредителю журнала в лице ректора В. Г. Бабина, удалось в противовес изложению только «критических», «ключевых точек развития» представлять в каждом номере журнала развернутую картину истории России и сопредельных государств в рамках теории единства, непрерывности, и то же время логической завершенности того или иного процесса.

Авторы, как правило, отказываются от резкого или вообще какого-либо идеологического противопоставления досоветского, советского, постсоветского периодов. Материалы, представленные в журнале, позволяют рассматривать во всей сложности и многообразии не только историю республики, края, региона, но и страны в целом. Даже неискушенному читателю большой интерес представляют данные об этнокультурных процессах, становлении российской государственности, модернизации промышленного и сельскохозяйственного производства, развитии гражданского общества и пр.

Журнал отличает не только оригинальная структура, но и наличие детализированных хроник, библиографий, указателей, наглядного материала (карт, схем, таблиц, рисунков, выполненных в цвете, и пр.), что помогает читателю по первоисточнику составить свое мнение по тому или иному событию или явлению. Кроме этого, представляют интерес и рецензии на монографии отдельных ученых. Следует отметить, рецензенты избегают ангажированности, субъективизма, категоричности в анализе, оценке работ, не выносят авторам порицаний, приговоров, а чаще пытаются понять их методологию и концептуальный подход.

По материалам журнала можно сделать вывод насколько широка и разнообразна методологическая основа исследований: аксиологический, цивилизационный, проблемный подходы, системный, хронологический методы, концепция догоняющего развития, методы историзма, модернизации. Редакция не отказывает авторам в использовании метода исторического материализма, но приветствуется, судя по статьям, и метод многофакторного освещения событий.

Содержание статей свидетельствует, что авторы, как правило, хорошо сориентированы в историографии, а источниковая база работ разнообразна. Как правило, в исследованиях проанализирован, систематизирован, обобщен обширный архивный материал или тот, который малоизвестен или неизвестен читателю.

Заслуга руководителя издания Н. С. Модорова в том, что журнал предоставляет возможность молодым ученым, в частности аспирантам, апробировать материал своих диссертационных исследований. Желание коллектива журнала придать ему статус «ваковского» свидетельствует о правильном, поступательном развитии издания.

Н. Ф. Иванцова

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Алейников Михаил Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, Алтайская государственная академия образования (АГАО) им. В. М. Шукшина, г. Бийск.

Боровиков Иван Евгеньевич, соискатель, Алтайская государственная академия образования (АГАО) им. В. М. Шукшина, г. Бийск.

Бутанаев Виктор Яковлевич, доктор исторических наук, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан, Республика Хакассия.

Гиренок Сергей Николаевич, соискатель, Алтайская государственная академия образования (АГАО) им. В. М. Шукшина, г. Бийск.

Васина Ирина Игоревна — соискатель, Алтайская государственная академия образования (АГАО) им. В. М. Шукшина, г. Бийск.

Дацышен Владимир Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории СФУ, г. Красноярск.

Дворников Эдуард Павлович, кандидат исторических наук, ГАГУ, г. Горно-Алтайск.

Иванцова Надежда Федоровна, доктор исторических наук, Московский государственный педагогический университет, г. Москва.

Курусканова Н. П., доктор исторических наук, Красноярский государственный университет.

Ложкина Н. Н., кандидат исторических наук, Горно-Алтайский государственный университет.

Мезенцев Роман Викторович, кандидат исторических наук, доцент, декан факультета истории и права АГАО им. В. М. Шукшина, г. Бийск.

Модоров Николай Семенович, доктор исторических наук, профессор, ГАГУ, г. Горно-Алтайск.

Рыбаков Сергей Владимирович, доктор исторических наук, Екатеринбургский государственный университет.

Селивёрстов Сергей Васильевич — кандидат исторических наук, доцент Евразийского государственного университета им. Л. Н. Гумилёва, г. Астана (Республика Казахстан).

Татаркина Альфия Рамильевна, кандидат исторических наук, Челябинский государственный педагогический университет им. А. М. Горького.

Чедурова Елизавета Михайловна, доктор исторических наук, Горно-Алтайский государственный университет.

Шекшеев Александр Петрович, Республиканская организация «Мемориал», г. Абакан, Республика Хакассия.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ

в журнале «МИР ЕВРАЗИИ»

Авторы представляют статьи на русском языке объемом от 0,5 до 1 авторского листа (20 — 40 тыс. знаков). Объем сообщений, рецензий, заметок не должен превышать 0,2 авторского листа (8 тыс. знаков).

Рукопись должна быть отредактирована, сопровождается рецензией доктора (кандидата) исторических наук. Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку и отклонять статьи в случае получения на них отрицательной экспертной оценки.

Статью необходимо печатать в редакторе MS WORD 6-7, формате А4, шрифтом 12 пт. (Times New Roman), межстрочный интервал — 1,5; отступ от сторон листа 2,5 см. Статья оформляется следующим образом:

- Ф. И. О. автора (авторов), название статьи заглавными буквами и аннотация на английском языке (до 300 знаков);
- УДК;
- Ф. И. О. автора (авторов), название статьи заглавными буквами и аннотация на русском языке (до 300 знаков).
- Ключевые слова (на русском и английском языках)
- Примеры в тексте статьи оформляются курсивом.
- Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют сквозную нумерацию.
- Все таблицы и рисунки (черно-белые) должны быть встроены в текст статьи.
- Библиографический список (в порядке цитирования) оформляется по ГОСТ 7. 1. -2004. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками. Например, [1, с. 25-27].
- В конце статьи указывается дата ее отправки в редакцию.

Статья (бумажный вариант и электронный вариант на дискете) вместе с заявкой и рецензией, должна быть выслана обычной почтой на адрес редакции или электронной почтой по адресу (E-mail: mns@gasu.ru. Файлы необходимо именовать согласно фамилии первого автора, например «Завьялов, Самара». Нельзя в одном файле помещать несколько статей. В разделе «Тема» указывать «В редакцию журнала». За ошибки и неточности научного и фактического характера ответственность несет автор (авторы) статьи. Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.

После экспертизы статья может быть отклонена, послана автору на доработку или рекомендована к публикации.

Материалы, не соответствующие данным требованиям, к публикации приниматься не будут.

Статьи аспирантов публикуются бесплатно.

МАТЕРИАЛЫ И РЕЦЕНЗИИ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ: 649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1 Университет, Редакция международного журнала «Мир Евразии» Главному редактору.

Контактные телефоны: 8 (388-22) 2-62-33, 2-68-15. Факс: 8 (388-22) 2-67-35. E-mail: mns@gasu.ru

Образец оформления статьи

Sidorenko D. I.

Realization the decree SNK «About separating of church from State and of school from church» on the Altay (1917-1921)

In the article, on the basis of documentary sources for the first time introduced into scientific turn the religious policy of Soviet power on the Altay in 1920-1930 years.

Key words: revolution, church, decree, requisition, religious organizations, repression, board of justice, liquidation commission.

УДК 902

Д. И. Сидоренко

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА АЛТАЕ В 1920-1923 ГГ.

В статье на основе впервые вводимых в научный оборот документальных источников анализируется конфессиональная политика Советской власти на Алтае в 1920-1930 гг. ».

Ключевые слова: революция, церковь, декрет, реквизиция, религиозные организации, репрессия, коллегия юстиции, ликвидационная комиссия.

Претворение в жизнь нормативных актов Советской власти, касавшихся религиозных объединений, началось на Алтае только в начале 1920 г. Существовавшие же здесь (с декабря 1917 по июнь 1918 г.) ее органы власти вопросами конфессиональной политики практически не занимались [1, с. 86,88]. Это был результат ТЕКСТ...

Библиографический список

1. Будегечиева, Т. Б. Горловое пение в системе народной культуры тувинцев / Т. Б. Будегечиева // Мелодии «Хоомей» / Материалы I Международного симпозиума «Хоомей-92». — Кызыл: Изд-во КГУ, 1994.

и т. д.